

КАРА, ГЕРЦОГ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Карл, герцог

Александр Зорич

Карл, герцог

«Автор»

2003

Зорич А.

Карл, герцог / А. Зорич — «Автор», 2003 — (Карл, герцог)

Карл Смелый. Последний герцог Бургундии. Человек, которого называли последним настоящим рыцарем Европы. Правитель, коему довелось жить в переломную эпоху – мятежную и куртуазную, мистическую и кровавую эру заката Средневековья. И разве странно, что именно в истории Карла Смелого и его окружения, как в зеркале, отразилась история самого его времени?.. Впервые в одном томе – полный текст потрясающего исторического романа Александра Зорича!

© Зорич А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	31
Глава 4	38
Глава 5	47
Глава 6	73
Глава 7	87
Глава 8	97
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Глава 1

Великие герцоги запада

1

В 1404 году умер герцог Бургундский Филипп. Он был младшим сыном короля Франции Иоанна II Доброго и получил герцогство Бургундию от своего отца в качестве ленного владения¹ после того, как там пресеклась местная династия, боковая ветвь Капетингов. Филипп был славным герцогом.

В 1356 году, когда англичане разгромили французское рыцарство в битве при Пуатье, Филиппу было четырнадцать лет. Он стал единственным из соратников и родственников короля Иоанна II, кто не бросил его в бою. «Государь мой отец, опасность слева!» и «Государь мой отец, опасность справа!» – кричал Филипп, чем немало способствовал королю в рукопашной. За это Филипп получил прозвище Храброго.

Он вступил в брак с Маргаритой Мальской, выгодной наследницей Фландрии, Артуа, Франш-Конте, Невера и Ретеля. Тем Филипп Храбрый положил начало возвышению Бургундии.

Филиппу наследовал его сын, Иоанн Неверский. Иоанн был славным герцогом.

Еще в бытность свою графом Невера, во время крестового похода против турок Баязида он возглавлял крестоносцев всей Франции, был наголову разбит в битве под Никополисом и провел в плену у язычников несколько романтических лет.

Став герцогом, Иоанн блестяще интриговал в Париже. В 1407 году он из ревности организовал убийство своего кузена Людовика Орлеанского, которого подозревал в любовной связи со своей супругой, и бежал во Фландрию. Через год Иоанн вернулся в Париж и выступил при дворе с речью в свою защиту. Иоанн был прощен королем, покорил мятежный Льеж и получил за это прозвище Бесстрашного. Иоанн заключил военный союз с англичанами, учредил бургундское фаблио и был предательски убит в 1419 году сторонниками французского дофина² во время переговоров на мосту Монтеро.

Иоанну наследовал его сын, Филипп. Филипп был славным герцогом.

В 1420 году он посредничал на переговорах между победоносным английским королем Генри V и французской королевой Изабеллой. В 1425 году на службу к герцогу Филиппу поступил фламандский живописец Ян ван Эйк.

В 1428 году Ян ван Эйк был направлен герцогом в Португалию, дабы написать портрет Изабеллы, невесты Филиппа.

В следующем году портрет был герцогом получен и одобрен в нескольких крепких выражениях. Тогда же Жанна д'Арк отогнала англичан от Орлеана и привела французского дофина в Реймс, где свершились его миропомазание и коронация под именем короля Карла VII.

В 1430 году Филипп женился третьим браком на Изабелле Португальской и учредил орден Золотого Руна. Жанна д'Арк попала в плен к бургундам под Компьеном и с санкции Филиппа была передана в руки англичанам.

К концу 1431 года Филипп заподозрил Изабеллу в бесплодии и настоял на том, чтобы она совершила первое паломничество в монастырь Сантьяго-де-Компостела. Изабелла послу-

¹ *Ленное владение, лен* – феодальный надел, который жаловался вассалу его сюзереном. Ленник, соответственно – вассал, наделенный леном (в отличие от безземельных рыцарей).

² *Дофин* – наследник престола.

шалась своего мужа, предприняла паломничество и на алтаре дала обет в том, что буде ей случится забеременеть от герцога, она обязуется посещать это святое место каждые три года. Жанна д'Арк тем временем была осуждена инквизицией и сожжена в Руане.

К началу весны 1432 года Филипп, у которого все еще не было и даже не намечалось законных наследников, начал нервничать. Две его предыдущие супруги – бедняжка Мишель и дура Боне – скончались скоропостижно и бесплодно. Неужели строптивая Изабелла решила оставить великолепный Бургундский Дом в запустении?

2

– Каково мое покаяние, вы знаете. Не отрицайте – если вы станете отрицать, я все равно буду уверен, что ваше незнание лишь наполовину правдиво. Каков мой грех, вам, сиятельный герцог, конечно, ведомо. Но я не осмелюсь подозревать вас в искажении правды, когда вы станете утверждать, что не знаете, потому что на самом деле вы просто забыли, хотя и знали, а значит, знаете и сейчас. Вы просто забыли, в чем я согрешил, ведь не может же герцог помнить все прегрешения своих поданных, хотя он их все знает.

– Повторяю: кто вы такой? Не в смысле имя, а чем занимаетесь? – Филиппа мучило от обилия глаголов «знать», «забывать» и других из бойкого десятка. Глаголов, которые, похоже, еще будут повторены навязчивым просителем раз по сто. Что он все-таки сделал, этот Клодель? Переспал с кумой? Отравил соседского каплуна? Украл из часовни серебряное распятие?

– Клодель, хозяин пивоварни – это я. Все, что изволят пить ваши подданные на свадьбах – все это сварил я. Мои семь дочерей дурны собой и поэтому я в свое время не осмелился ни одну из них пристроить при дворе, хотя таким было мое самое заветное желание. А вот моя жена, Анна-Мария, славится отменной сдобой. Но дело не в этом.

– А в чем?

Так справляются о здоровье внучатого племянника кузины сводного брата – с искренним интересом.

– Позавчера вечером я был на площади с лотком. Я так иногда делаю, все больше заради развлечения и по старой памяти, когда некому больше продавать женкины пироги. Торговля была неважной и я уже уходил, когда...

– Короче, короче, – торопил Филипп, которого психующий Клодель уже достал, достал!

– Они окружили меня, цыгане. Облепили со всех сторон, эти цыгане. Предложили погадать, просили руку, просили денег, просили пирогов. Не было никого, кто пришел бы мне на подмогу и разогнал нехристей. Я хотел было бежать, но как бежать с таким лотком и с таким брюхом?

Тут Филипп удостоил просителя первого осмысленного взгляда. Приходилось признать значительность клоделева брюха, а также и еще одно: молодость отличается особой избирательностью зрения. Ты замечаешь только тех незнакомцев, кто так же хорош собою, как и ты; ревниво разглядываешь тех, кто краше; и остаешься безучастен к тем, кто бесцветен, дурен и уродлив. Разве карлицы способны завладеть твоим вниманием? Пусть способны, но разве надолго? Когда ты становишься старше, эта избирательность претерпевает метаморфозу: ты все больше замечаешь тех, кто некрасив, стар и уродлив – чтобы сравнить себя с такими, чтобы утешиться, чтобы оправдать свое старение непривлекательностью встречных. Вот о чем думал Филипп, обтекая взглядом беременный заржавленными кишками живот Клоделя.

– Ну что они, цыгане, скорей, вы мне надоели! – стаккато нетерпения.

– Из-за этого-то брюха я и не убежал, – Клодель горестно улыбнулся. – Они набросились на меня, одна цыганка схватила меня за левую руку и стала гадать. И вот теперь самое важное. И самое ужасное.

Смотреть на рыдающего, хлюпающего, утопающего в слюне и соплях толстяка было в высшей степени неприятно. Однако детская привычка выпячивать в перформансах³ любого рода познавательную ценность взяла верх и Филипп не отослал пивного Клоделя с глаз долой, как собирался сделать уже некоторое время, но, напротив, продолжал внимать. Зачем?

– Они нагадали мне страшное! – разливался в истерике Клодель.

– Что? – бесстрастный герцог.

(Здесь самое классическое, самое насиженное место для такого иезуитски-протокольного «что?»)

– Они сказали, что я буду герцогом! Вот что они мне сказали!

Филипп рассмеялся – это очень логично в его положении. Теперь точно – выгнать этого идиота взащей.

– Ну и что в этом плохого?

– Вот, допустим, я буду герцогом – наверняка, раз мне так нагадали. И вот хуже этого ничего быть не может. Для того, чтобы стать герцогом, нужно затеять смуту. Нужно убить настоящего герцога. Затем нужно убить много еще кого, чтобы получить титул.

– Это не всегда так, зачем же? – неуверенно возразил Филипп, ошарашенный шекспировской точностью политологических наблюдений пивовара.

Лично Филипп, правда, дабы обзавестись коротким и сиятельным титулом «герцог» (без всяких там «Бургундский»: в мире только один султан – Порты, один император – германской нации, один король – Франции, и один герцог – он), предыдущего герцога, своего отца, не убивал. Это за него провернули французы. Но смута была, и еще какая. И насчет «убить много кого» – тоже. В общем, пивовар был прав. И только поэтому Филипп добавил:

– Вот я, например, настоящего герцога не убивал.

Казалось, он только что признался в обратном.

– Помилуй нас Господь Бог и все святые монсеньоры! – взвыл Клодель, падая на колени. – Да гореть мне среди серы смрадной, если я к тому вел! Конечно, вы не убивали, монсеньор, конечно же, но ведь вам и предсказания не было!

Пронзительные обертоны Клоделя сделались невыносимыми.

– Стража! – рявкнул Филипп.

3

– Вот. Можешь себе вообразить, что не перевелись еще такие идиоты, сердце мое?

Изабелла некоторое время молчала, глядя в сторону. Потом посмотрела на своего супруга в упор.

– Ты отпустил его, да?

Голос у Изабеллы был неожиданно настороженный – будто бы речь шла о тарантуле, которого добрейший герцог поймал в своей спальне, погладил и отпустил Божью тварь резвиться дальше среди гобеленов и балдахин.

– Да, разумеется, – кивнул Филипп, недоумевая что тут такого. – Стража просто вышвырнула зануду из дворца, наградив его парой пинков.

– Так, – Изабелла прикусила нижнюю губу. Филипп знал, что это высказывание Изабеллового *body language*⁴ означает быструю, прагматическую и беспощадную работу мысли. – Ты знаешь, где он живет?

– Нет. Откуда?

³ Перформанс (фр. *performance* – театральное представление) – здесь: событие с повышенной демонстрационной, игровой компонентой.

⁴ язык тела (англ.).

- То есть ты знаешь только, что зовут его Кадудаль...
- Клодель, – поправил Филипп.
- Ты говорил Кадудаль.
- Значит, оговорился, – Филипп поймал себя на нездоровой мысли, что с такой термоядерной мощностью его способна раздражать только изумительно упрямая и подозрительная Изабелла.
- А насчет его пивоварни ты не оговорился?
- Нет.
- Хорошо. Собираемся и едем.
- Куда? Куда едем?!

На дворе было близко к полночи. Герцог и герцогиня пребывали в первобытной наготе, причем темпераментная fuga «Плодитесь и Размножайтесь» была уже исполнена сегодня дважды и, по мнению Филиппа, усталые органисты заслужили полное право на отдых. Поэтому настроение сразу стало ни к черту.

4

Клоделя отыскивали только к двум часам ночи. Богатый каменный дом указывал на то, что Клодель немало преуспел в пивоваренном бизнесе. Похоже, действительно весь Дижон предпочитал именно его марку.

По приказу Изабеллы, которому Филипп служил лишь послушным ретранслятором, дом Клоделя был оцеплен двойным кольцом кавалеристов. Только после этого Изабелла соизволила постучать в высокие ворота, за которыми уже давно захлебывались лаем псы, песики, суки и шавки.

Отворили почти сразу. Некая кривая девица, отнюдь не выглядевшая заспанной, пробурчала:

- Ну чего вам?
- Перед тобой герцог и герцогиня Бургундские, – ласково (что особенно не понравилось Филиппу) сообщила Изабелла. – Хозяин дома?

Девица бухнулась на колени, принялась ловить край Изабеллиного платья, просить прощения за себя и за отца, а когда наконец удалось ее унять, выяснилось, что Клодель собирает пожитки, чтобы завтра уехать прочь из Дижона.

- Вот как? – улыбнулась Изабелла, мед с молоком.

5

– Руку! – потребовала Изабелла у трясущегося Клоделя. – Теперь Вашу, монсеньор, – обратилась она к Филиппу.

Большая комната, жмущиеся по углам домочадцы, хмурые солдаты герцога. На столе – свечи и две ладони. Герцога и пивовара.

Не меньше десяти минут Изабелла молча изучала линии и бугры. Потом, к сто первому за день удивлению-недоумению-раздражению Филиппа, облегченно вздохнула. Вслед за нею облегченно вздохнул Клодель, мокрый как мышь. Однако он явно поторопился.

– Собирайся. Ты пойдешь с нами, – сказала Изабелла Клоделю. И посмотрела на Филиппа так, что тот почел за лучшее не перечить.

6

На следующее утро герцог Филипп, известный своим принципиальным неприятием суеверий, на удивление всему Дижону издал грозный указ. Всякий, кто войдет в сношение с цыганом, кто позволит ему беспрепятственно гадать по линиям своей руки или любым иным образом, подлежит смертной казни вместе со злоумышляющим цыганом.

В подкрепление своего указа и в назидание всем жителям Дижона герцог Филипп приказал повесить за городской стеной знаменитого пивовара Клоделя, который впал в тяжелый грех суеверия и вместо наставлений матери нашей Святой Церкви предпочел сомнительные прорицания язычников.

– Нет, я все-таки не понимаю, к чему эта бессмысленная жестокость, – вздохнул герцог, когда довольная Изабелла вернулась с казни.

Филипп издал указ против цыган и гаданий только потому, что Изабелла этой ночью пригрозила ему полным и окончательным отлучением от супружеского ложа, причем поклялась принести свой обет безбрачия не где-нибудь, а на алтаре собора святого Петра в Риме.

– Я тебе еще раз повторяю, дорогой, – устало сказала Изабелла. – Если ты хочешь иметь наследника, не задавай никаких вопросов и ничему не удивляйся. Я все объясню потом.

Она помолчала, потупив взор, и добавила:

– Я очень люблю тебя, потому что ты добрый. Это хорошо звучит, правда – Филипп Добрый?

Филипп был подкуплен ее словами. Поэтому он не удивлялся, когда над местом, где повесили Клоделя, возвели громоздкую оранжерею. Филипп не удивлялся, когда оказалось, что он должен выделить сотню лучших лучников для охраны оранжереи, в которую не будут пускать никого, кроме двух фламандских цветоводов и лично Изабеллы.

И, следуя благоприобретенной инерции, Филипп не удивился, когда через три месяца Изабелла заявила, что ей необходимо предпринять новое паломничество в Сантьяго-де-Компостела.

Стоило кортежу Изабеллы скрыться среди дожелта испитых июльским солнцем нив, как Филипп направился к таинственной оранжерее, собственным именем разогнал лучников и ворвался внутрь.

Ничего особенного. Пень спиленного дуба, на котором (еще одна прихоть Изабеллы) был повешен несчастный Клодель. Множество свежевыращенных папоротников, образующих семь концентрических окружностей вокруг пустой полянки семи шагов в поперечнике. В центре – метровой глубины яма, где еще извиваются половинки перерезанного лопатой надвое дождевого червя.

7

Изабелла возвратилась вместе с последними погожими ноябрьскими днями. Она еще больше построймела, но и заметно похорошела. По крайней мере, так показалось Филиппу, который во время ее паломничества не был ни с одной женщиной (во что сам впоследствии отказывался верить; так, уже на смертном одре ему примерещилось, что именно в ту осень он распутничал напропалую в Аррасе и именно тогда сотворил Антуана и Бодуэна.)

Изабелла привезла из своего путешествия серебряную чашу с пространством латинским девизом и флакон из безвестного дымчато-серого минерала. Во флаконе была душистая густая жидкость, в чаше – пустота. На вопрос Филиппа о генезисе сих примечательных предметов герцогиня уклончиво ответила, что мир не без добрых людей.

Истосковавшийся Филипп был допущен Изабеллой к ложу только под утро, ибо, как сообщила ему вечером герцогиня, мягко, но непреклонно отстраняясь от поцелуя, «добрые дела вершатся отнюдь не в полночь, но после третьих петухов, монсеньор». Изабелла, одетая в целомудренное льняное платье времен первого крестового похода, протянула Филиппу давешнюю серебряную чашу – тяжелую, теплую, пахучую – и прошептала: «Пейте половину». В чаше было терпкое красное вино с ароматом жидкости из дымчато-серого флакона. Филипп выпил. Вторую половину выпила Изабелла.

8

Вот такое случалось в жизни Филиппа действительно один раз.

9

Через месяц румяная от мороза и смущения Изабелла сообщила Филиппу, что она, кажется, беременна. После всех «Не может быть!», «Повтори еще раз», «Я-люблю-тебя-люблю-тебя-я-тебя-безумно-люблю» Филипп подцепил на мизинец нечаянную слезу и севшим голосом попросил:

– Теперь расскажи мне то, чего я жду уже полгода.

– Нет, – твердо ответила Изабелла. – Еще не время.

Когда спустя восемь месяцев, на излете лета 1433 года, младенец мужеского пола был омыт в купели и крещен Карлом в честь несравненного Шарлемана,⁵ Филипп, пьяный вдребадан от счастья, вина, бесчисленных поздравлений и фимиама, подхватил на руки полегчавшую на десять фунтов (казалось – на сто) Изабеллу и прошептал: «Расскажи, расскажи, расскажи...»

– Что, что? – переспросила Изабелла.

– Ничего, – ответил Филипп, который вдруг осознал, что подаренное ему Богом чудо – крохотный Карл – не нуждается для него ни в каких гностических оправданиях. Более того, объяснить приход Карла в мир означает превратить чудо в ничто.

⁵ *Шарлеман* (Charlemagne) – франкский король Карл Великий (768–814), коронованный в Риме императором Запада. Фигура широкого исторического размаха и большой военной удачи. Воспет во многих французских героических поэмах и, в частности, в «Песне о Роланде».

Глава 2

Гранада⁶

– Братец, – сказал Юбер, обращаясь к Реньо, – что же ты не весел, хоть утром мы с тобою помирились?

– Так что-то, – ответил Реньо.

Алоизиус Бертран⁷

1

Конь его был бел, попона черна, в переметной суме, окрашенные темным багрянцем заскорузлой крови, безмолвствовали четыре головы.

Жаркое солнечное сияние, роща затоплена золотым золотом света, зеленым золотом смоковниц. Магома из рода Зегресов, алькайд⁸ Велеса Красного, видит христианку.

Почувяв сытный дух, исходящий от христианки, чье терпкое имя – Гибор – холодным ручьем омывает ее мраморные щиколотки, Джибрил рвет тонкую цепь, которой длина двадцать локтей, которой конец у седла Магомы.

Джибрил – пес с магнетическим взглядом, под которым издыхают серны и млеют жены Абенсеррахов,⁹ его не остановить, Магома молчит, наблюдая пятнистый лет пса сквозь тени смоковничной рощи.

Джибрил опрокинул христианку и собрался восторжествовать над нею.

Языками черного пламени полыхнули освобожденные волосы Гибор, заколка впилась в магнетический глаз, острие, предваренное спорой струйкой крови, выскользнуло из затылка умерщвленного пса.

В горячем воздухе обмякшее тело пса напрягает тонкую цепь, которой конец в руке Гибор, поднявшейся, простоволосой.

Магома любит отроков, чьи зады как зеленые дыньки, Магома любит свою симитарру, чей изгиб как лебединая шея. Христианка ни в чем не отрок, христианка во всем симитарра.¹⁰ Магома, лихо подцепив острием пики красноутробную смокву, галантно преподносит ее христианке.

Гибор нуждается в подношении.

– Я хотела набрать смокв, но твой пес помешал мне. Как его звали?

Половина плода исчезает, откушенная.

– Джибрил, – Магома прыгнул на землю и протянул руку к цепи, на которой продолжает висеть пес. Когда его пальцы близки к цели, Гибор равнодушно выпускает добычу, и мертвый Джибрил падает на землю, а по нему со звоном струятся блестящие звенья цепи, платье струится по плечам и бедрам Гибор.

– Никто не мог убить его, – говорит Магома, а рука, мгновение назад потянувшаяся к цепи, не имеет обратного хода и ладонь покрывает багровый сосок Гибор.

⁶ Гранада – 1) город в Южной Испании, столица последнего мусульманского государства на Пиренейском полуострове, уничтоженного в 1492 г.; 2) вся территория Гранадского королевства.

⁷ Источник: Алоизиус Бертран, «Гаспар из тьмы».

⁸ Алькайд – у мавров губернатор города, комендант крепости или наместник провинции.

⁹ Абенсеррахи – испанизированная форма арабского родового имени Абен-ас-Серрах. Абенсеррахи были самым могущественным гранадским родом и выполняли при гранадском дворе функции преторианской гвардии.

¹⁰ Симитарра – изогнутая турецкая сабля.

– Правую, лучше правую, – шепчет она, подступая.

Колкая борода мусульманина щекочет шею, щека прильнула к еще теплому Джibriлу – он ей подушка. Когда в разодранном заду распускаются алые цветы, Гибор, как и подобает благовоспитанной даме, иступленно стискивает зубы на холке Джibriла – лишь бы не застонать.

Магома, весь – восхищение христианской чистоплотностью, прячет девственно чистый руль в шаровары. Гибор, сидя на мягком Джibriле, печалится.

– Почему хмурая? – искренне недоумевает Магома. – Я был плохим с тобой?

– Нет, – Гибор вздыхает, задумчиво извлекает из глаза Джibriла заколку и прибирает волосы. – Ты так красив, силен, а я хрупка, словно сухая тростинка. Ты – мусульманин, я – христианка. Мое место теперь там, где свет неоттвует всегда и словно воет глубина морская, когда двух вихрей злобствует вражда.

Последние слова Гибор произнесла, наклонившись вперед, к лицу Магомы, который продолжал стоять перед ней на коленях, изучая красоту своей будущей наложницы, первой среди женщин, что смогла воспалить его суровую страсть наперекор обету безбрачия. И даже Дантов холод, который обжег его лицо, горячее и красное, как стены Альгамбры, даже хрустальный звон, с которым разбилась о змеистую цепь одинокая слеза, слеза-сингл Гибор,¹¹ не смутили Магому.

– Не плачь. Я знаю правильного дервиша, ему имя Фатар, что на вашем языке означает «Разбивающий и Создающий». Он умеет снимать заклятие креста. Ты сможешь быть со мной и на моем полумесяце (да, это Гибор сразу подметила – хоботок у мусульманина немного крючком) въедешь прямо в рай.

– В раю я уже побывала, – говорит Гибор, закрывая скобки эпизода полумесяцем-полуулыбкой.

Она уже вполне оправилась – так думает Магома, насчет «рая» он принимает за чистый комплимент, – хлопья пены морской неспешными улитками ползут шерстистым джibriловым боком и опричь них ничто не напоминает больше о конечной потере девства, да и помнить не о чем: Гибор снова дева, как Устрица-Афродита. Так думает Магома, но Гибор продолжает:

– Я хрупка, и я сломлена. Ты знаешь, что будет со мной, когда обо всем прознают люди ордена Калатрава¹² и ты знаешь, что будет со мной, когда твое ложе озарится багрянцем факелов в руках ассасинов.

Христианка права. Пройдет день, месяц или год, низкий раб или высокородный халиф докопается до истины, бумага под порывом ветра дрогнет на мраморе стола и скоропись доноса расплывется клубами стремительной пыли под копытами коней ассасинов. Магома умен, он думает большой головой.

– Чтобы не было так... – говорит Магома, осекаясь на роковой черте, и в его зрачках, восстановленная двумя волосками стали, несколько быстрее скорости света отражается симитарра – не извлеченная, но извлекаемая.

Гибор, отрицательно мотнув головой, рвет с шеи миндальный орех черненого серебра, в два такта баллады о короле Родриго мелодический медальон раскрывается, красный порошок ссыпан на тыльную сторону ладони, язык упоительной длины подбирает яд в один сапфический¹³ икт, и симитарра в зрачках Магомы истончается, вспыхивает, перегорает – она не нужна. Мусульманин видит, как быстрый яд опрокидывает Гибор на спину.

¹¹ «...Одинокая слеза, слеза-сингл Гибор...» – Сингл (от англ. single – одиночный, единственный) – в 1930–70-хх гг. синглами назывались виниловые диски с единственной песней-хитом. В этом эпизоде, проникнутом глубоким лиризмом, подразумевается реминисценция именно с этим значением слова «single».

¹² Калатрава – один из духовно-рыцарских орденов испанских католиков.

¹³ Сапфический – здесь: эвфемизм к «лесбийский», образованный от имени Сапфо, выдающейся поэтессы Античности, идеолога и лиры греческой гомоэротики.

Гибор еще дышит, а Магома уже торопливо налаживает свой разомлевший крюк для прощания.

– Любуйтесь ею пред концом... – Магома рвет платье, на саван сгодится и рваное, – ...глаза, в последний раз ее обвейте, руки, – она дышит лишь волею его шатуна, с размаху колеблющего самое ее подвздошье, ангелы смерти уже начертали на ее челе порядковый номер и пароль сегодняшнего четверга.

Магома словоизливается сквозь тяжелое уханье:

– И губы... вы, преддверия... души, запечатлейте... долгим поцелуем...

Он не понимает, что говорит, и только когда его язык уже готов восстановить логическую симметрию с Нижним Миром, он замирает в полудюйме от обрамленного красного каймою рта, ведь, верно, на ее губах яд, да и дело уже сделано.

Он не решается поцеловать свою мертвую возлюбленную, он длит этот миг долгие минуты, с гордостью подмечая неослабную твердость полумесяца, которому и теперь не хочется распрощаться навсегда с христианской ротастой рыбой.

В глазах Гибор сквозь смертную поволоку явственно читается укоризненный вопрос. Он столь явственен, что Магома безо всякого удивления встречает воспрявшие руки христианки, властно свившиеся в замок на его шее, и губы, преодолевшие последний полудюйм во имя торжества симметрии.

Красный порошок из медальона-миндалины, переданный из губ в губы, приятно горчит миндалем, горечь растекается от языка к гортани, к легким Магомы, вмиг схлопнувшимся уязвленной устрицей, нисходит вниз, и в спазматическом восторге лоно Гибор принимает последнюю крохотную каплю, напоенную миндальной горечью.

– Какие теплые, – говорит Гибор, наслаждаясь поцелуем, наслаждаясь пухлыми губами Магомы из рода Зегресов, ревностного убийцы неверных, которому сегодня утром посчастливилось укоротить на голову четырех кавалеров ордена Калатрава, а днем – умереть в объятиях прекраснейшей.

2

Головорез, аристократ и многоженец Муса Абенсеррах затворил за собой дощатые ворота госпиталя.

Впереди – опрятный белый дом. Надпись над входом: «Приют св. Бригитты».

Внутренний двор пуст, в буквальном смысле ни одной собаки.

– Аллах послал тебя, Муса из Абенсеррахов!

Это Жануарий, видный и высокий клирик, астенический образчик христианского служения. Главврач.

– Аллах, – Муса был обезоружен, он не ожидал, что его обнаружат так быстро, – но не только. Еще меня послал дядя.

– Твой дядя – достойный человек, – упреждающе согласился Жануарий. Он не любил, когда его убеждали в том, что, быть может, и неверно, но все равно неоспоримо. – Если хочешь, я покажу тебе госпиталь.

Муса согласился. «Слишком быстро согласился», – брюзжал внутри него властный фантазм дяди. Однако Мусе было ясно: блага распределяются в этом мире странно, но иногда получается почти поровну. Ему, Мусе, досталась сабля, могучая родня и покровительство земли и стен. Зато Жануарию – загадочная штука под названием «гнозис» и так называемое равнодушие. Вот почему Муса просто не может перечить лекарю. Может разве что разругать его пополам.

– Сейчас у нас пусто, – Жануарий распахнул ветхую дверь в сарай, выбеленный изнутри известью.

Муса, словно ныряльщик, всматривающийся в соленый аквамарин отмели, вытаращился вовнутрь. Там, убранные бедно, но опрятно, стояли деревянные кровати.

– Как же пусто? А вон те? – несмело, но громко спросил Муса.

Белый мужчина и белая женщина, словно две левые скобки подряд, лежали на кровати. Оба были не одеты.

Муса отвел взгляд. «Рисовать тело грешно, в особенности обнаженное. Однако, рассматривать тело, даже нагое, можно – иначе никак. Но вот смотреть на мужчину-и-женщину похоже, нельзя – чересчур смахивает на картину», – наскоро обустроил экзегезу Муса.

– Кто это? – допытывался Муса.

– Новопреставленные подданные Изабеллы Португальской, супруги Филиппа Доброго, Великого герцога Запада, – церемонно ответил Жануарий. – Женщину звали синьора Гибор. Мужчину – синьор Гвискар.

Бросив в лицо Мусе пригоршню титулатурного конфетти, Жануарий затворил дверь, приглашая продолжить экскурсию.

«По такой жаре через полчаса начнут пахнуть», – не договорил Жануарий.

3

– У меня дело. Надо чтоб ты помог, – не скоро родил Муса.

Они вошли в святая святых госпиталя. Кожистые книги, заложенные фазаньими перьями. Завиральный глобус. Поношенный астрологический реквизит. Скелет, набор ланцетов в распахнутом приемистой пастью беззубого чудовища футляре.

– Чем могу?

Муса вернулся к двери, которую Жануарий, приветливый к сквознякам, нарочно оставил открытой, и с силой захлопнул ее.

– Не хочу, чтобы подслушивали, – пояснил он.

– Вот еще. Нашел казарму! Здесь только ты и я. Пока ты не пришел, я был один.

Муса отступил в нерешительности.

– Один? – встрепнулся он, словно схватив афериста за рукав. – Один? А эти двое там, на кровати? Они что – не люди?

– Ангелы уже прибрали их, – Жануарий догадался, что Муса не понимает точного смысла слова «новопреставленный».

Муса гадливо поморщился. Ох и свиньи все-таки эти неверные.

– Ты грамотный человек, – сказал Муса. – Хотя я и могу изрубить тебя словно дичину.

Жануарий понимающе кивнул.

– Ты христианин. Ты можешь справиться нужду на мои святыни, – напирал Муса.

Пальцы Жануария смиренно перебирали четки.

– Но я не варвар, у меня широкие взгляды. Мне не нравится тебя запугивать. Я пришел взять тебя на службу.

– Не оправдаю доверия, – предположил Жануарий.

– Да, ты способен на подлость. Но ведь у тебя нету выбора. Хочешь оставаться в своем госпитале – давай работай. А нет – тогда все.

– И что я должен делать?

– Зегресов знаешь?

– Естественно.

– Нужно, чтобы их не было.

– Помилуй, Муса, у них в роду одиннадцать ветвей. Мне что, убить сто семьдесят четыре человека?

– Всех не надо. Я скажу кого, когда ударим по рукам.

Жануарий смотрел сквозь Мусу, не мигая, и думал о чем-то очень надличном. Ему все еще казалось, что весь этот торг – не всерьез. Но нечто надличное уже нашептывало ему нечто обратное.

– Слушай, Муса, а почему бы тебе не обратиться к чернокнижнику-единоверцу?

– Соблазн велик. Но дядя сказал «нет».

Жануарий понимал, что апеллировать к дяде все равно что к Аллаху. Спорить бесполезно.

– Хорошо, сказал дядя, если Зегресов уморит человек, у нас в Гранаде посторонний.

– Чем именно это «хорошо»?

– Со стороны лучше видно. Ты знаешь яды. Ты не Абенсеррах, никто ничего не заподозрит. В конце концов, думаю, тебе будет приятно.

– Ошибаешься.

– Да мне все равно. Мое дело предложить.

– А если я скажу, что не стану этого делать?

– Тогда все. Ты вообще соображай головой! Ты думаешь, можно тут вот так жить, устраиваться тут, как дома? Мы же чужие люди. Нам надо платить за наше терпение.

Жануарий не отвечал.

– Я вижу, ты согласен, – поспешил обрадоваться Муса. Дохлый таракан в хлебе был принят сослепу за изюм.

– Муса, но какого черта я?

– Ты страшный человек.

– Ну, допустим. И что?

– Зегресам должно быть плохо, потому что именно так должно быть плохим людям. Это можешь только ты.

4

Дервиша видно издалека, ведь цвет его одежд – желтый.

– Прелюбодеи должны быть наказаны, – нервически покусывая нижнюю губу, кипятится Алиамед. Он бос, его пятки шлепают по крупу легколетной гнедой кобылицы.

– Ха! Тоже мне прелюбодеяние! Ты ее за руку поймал? – это уже Махардин.

– Нет, не поймал, – признает помрачневший Алиамед, теряясь в облаке дорожной пыли. И снова появляется.

– Раз не поймал – значит все, – беззлобный Махардин.

– Что все? Пусть е...тся с кем хочет? – собачится брат прелюбодейки-сестры. – Достаточно того, что в голову пришла такая догадка! Если пришла, значит что-то в ней есть, – Алиамед направляет палец к небесам, к Аллаху.

– Ты о чем-то умалчиваешь, – качает головой Махардин.

Дервиш приближался не спеша. Спешить ему незачем. Конный отряд, во главе которого Алиамед из Зегресов и Махардин из Гомелов, приближался к нему куда быстрее, чем он к ним. Дойдя до жалкого подобия оазиса, дервиш сел у дороги, в тени потороченного ветром дерева. Встреча, к счастью, неизбежна – вон он, лиловый плащ Махардина, вон гнедая кобылица Алиамеда Зегреса, пока можно помечтать. Гвискар не любит суетиться.

– Да что тебе ее девство? А не положить ли тебе, друг мой, на него? – кашлянул, а на самом деле усмехнулся дородный Махардин. – Ты ж ей не жених?

Алиамед нарочно медлит с ответом. После паузы – даже вымученной – он прозвучит эффектнее.

– Не жених. Это правда. Но я ревную как брат! Если бы я знал наверняка – была она с этим низким псом или нет – тогда бы я знал, положить мне или нет. Свидетелей тоже нет, спросить не у кого, разве у самих прелюбодеев.

– Они тебе такого понараскажут, – прыснул в усы Махардин и поправил свой широкий атласный кушак, изумрудно-зеленый.

Дервиш лег на землю. Ее июльское убранство напоминало лысеющую макушку. Даже с земли две дюжины и еще двое мусульманских рыцарей видны отлично. Минуту назад Гвискар достал из переметной сумы внушительную книгу и подложил ее под голову. Он дервиш. Книголюб и пророк, рожденный сказку делать былью. Выкроив душевное движение среди всего этого маскарада, он вспомнил Гибор. Гвискар тосковал по ней, как умеют только дети.

– Пускай так, – миролюбиво басил Махардин (ему было жаль блудницу – она ему нравилась, хотя и факультативно). – Но если бы ты знал правду, ты бы все равно сделал вид, что не знаешь! Вот, например, что ты заладил «низкий пес, низкий пес»? Ты даже не знаешь имени того, с кем она е...т. А если знаешь, но мне не говоришь, значит ты уже на эту историю положил. А раз ты на нее уже положил, то незачем хорохориться, – Махардин упивался сочными низами своего голоса.

– Ты превратно толкуешь мои чувства к сестре! Будь я уверен, что она слюбилась с этим низким псом, я бы наполнил кровью сестры, кровью низкого пса и родственников низкого пса все фонтаны Альгамбры. Закрывать глаза мне не по нутру.

Махардин уже не слушал. Его откормленное тело стремилось в тень – отдохнуть, перекусить. Подле тех деревьев, например. Но вот ведь незадача – они уже отдыхали час тому назад, а дело безотлагательное. Этот Алиамед – у него соломинка в заднице. Скажет, что ему не по нутру отдыхать по десять раз. А что это там за труп в желтом? Э-э, да это дервиш!

– Послушай, Алиамед, есть способ узнать точно, что там было между ней и этим псом.

– Псом? – невпопад откликается Алиамед, погруженный в ретроспективу.

В бархатные складки сумерек вчерашнего сада слепой мордой тычется балкон, на котором он кушает арбуз и отдыхает. Но не ц-ц-ц-чание цикад и не тишина ночи сочатся снизу. Там, среди миртов и лавров, шуршат платья и шепчутся шелка. Он откладывает надкушенную арбузную скибку и слушает.

Внутри Алиамеда тревожно мчат грохочущие поезда. Где-то там в большой спешке творят любовь и дышат – их ровно двое, женский голос, мужской голос. Сестра? Он, правда, не уверен, он летит вниз, на ходу выхватывая кинжал, бегом, бегом – здесь? нет; здесь? здесь! трава смята, но где она не смята в этом саду, здесь с утра до вечера топчутся девушки. Он уже готов признать оши... но в серой зелени вытоптанной клумбы лунно сияет и свидетельствует в пользу обвинения безошибочная жемчужная капля сестриногo венца – ее выдрал и бросил Виктор. Виктор, это он.

– Мы говорили о низком псе, – напомнил Махардин, тяжеловесный как шутка из поучительной басни. Он разглядывает молодого дервиша. Правильное лицо, кроткий взгляд. Встретить дервиша – хорошая примета!

Дервиш приветствует рыцарей издалека. Теперь он сидит, скрестив ноги.

– Да не пес это, а мужик, – не выдерживает Алиамед, ему надоело темнить, что толку? – Его зовут Виктор, он слуга Фатара.

– Фатара?

Махардину неуютно и страшно. Он уже не рад, что в курсе всей этой истории. Слуга Фатара?! Иблис¹⁴ – он все-таки где-то там, а Фатар – он здесь и ничем не лучше.

– Ну ты и вляпался, друг мой. Убить Виктора ты все равно не убьешь – побоишься Фатара. Значит, лучше замять для ясности. Между прочим, мы с этого начали.

¹⁴ Иблис – дьявол.

– Ты меня не знаешь! Что мне Фатар?! Честь сестры дороже!

Алиамед заносчив, но сейчас это не заносчивость, а часть местного комильфо.¹⁵ Он не может сказать: «Ты совершенно прав». Это трусость.

– Тогда дерзай. Хотя я бы на твоём месте вначале узнал доподлинно, е...л Виктор твою сестру или не е...л. Тем более, что есть способ, надоело повторять, – нехотя говорит Махардин.

– И что за способ? – Алиамед спешит выговориться, пока можно. При дервише вести такие беседы не с руки. Святой человек.

– Спросим у дервиша, – шепчет Махардин, натягивая поводья.

– Не надо, – с напряженной ленцой в голосе бросает Алиамед.

Махардин не спорит. Не надо так не надо. Ему все равно. Если речь идет о Фатаре и о Викторе, слуге Фатара, все равно втройне.

– День добрый, Господень человек, – любезный Махардин приветственно подается вперед, то же самое – Алиамед.

– День недобрый, – говорит дервиш, – поскольку один из вас прелюбодей, а другой – убийца.

Махардин и Алиамед не смотрят друг на друга. Они смотрят на дервиша. Брови Алиамеда – силуэт парящей пустельги, лоб Махардина – русло пересохшей речки. За себя Махардин уверен – он не был с женщиной уже два года, он не прелюбодей. Значит, прелюбодей Алиамед. И точно.

– Ты, – дервиш указывает на Алиамеда, – справил на знамени Пророка кровосмесительное блудодейство. Слезы сестры еще не просохли на твоём животе. Посему я называю тебя прелюбодеем. А ты, – дервиш указывает на Махардина, – убийца, ибо сейчас ты убьешь прелюбодея.

Махардин выразил гипнотическое согласие. Странно, как он раньше не догадался! Так ревновать сестру! А то пудрил тут ему мозги про Виктора, в то время как сам...

– Ну что же ты медлишь, Махардин? – спрашивает Гвискар, и Махардину кажется, что он слышит голос дервиша не ушами, а всем телом сразу.

Когда ветер – былинки в степи колышутся, но их не увидеть каждую в отдельности. Возможно увидеть лишь общее движение. Требуется совершить много движений, чтобы снести голову. Они совершаются, но их не увидеть – только фонтан крови, голова, вприпрыжку припустившая по мягкой щетине былинки, голова Алиамеда. Это потом начинаешь замечать, как большой палец Махардина несмело пробует острие сабли, как он возвращает тяжесть своего тучного тела седлу, как его влажные губы шепчут что-то сакральное, что-то вроде извинений. Потом он оттирает меч о край плаща, кончики его ресниц описывают неполное полукружие, он медленно оборачивается к своим людям. Все они смотрят на него испытующе, а кое-кто с одобрением.

– Слышали? Он был прелюбодеем! – густой бас Махардина.

Конники, которым так и не было позволения спешиться, кивают. Все согласны с тем, что прелюбодеяние должно быть наказано, в особенности кровосмесительное. Прелюбодей должен быть убит. Все слышали, тем более, что обрывки господского разговора долетали, еще как долетали до их ушей. Дервиш врать не будет. Святой человек. Вон какая у него книжища! Махардин вопросительно смотрит на молодого дервиша. Правильно? Правильно, так и надо, доблестный рыцарь.

– Спасибо тебе, святой человек, – Махардина выдает дрожь в голосе. Он не смотрит на Алиамеда, который только что был жив, а теперь – не вполне.

– Не за что, – так переводится на человеческий язык кивок, на языке дервиша не значивший ничего.

¹⁵ *Комильфо* – кодекс дворянского благообразия.

Гвискар не смотрит на удаляющийся отряд. Он дивится жадности, с которой пересохла земля впитывает кровь Алиамеда Зегреса.

5

Дверь отворилась, и навстречу им вынырнул хозяин. Сутулый, бородатый, немолодой. Мавр. К маврам у Алабеса Зегреса было доверие, причем доверие совершенно особого рода, ибо мавр куда как лучше доброго христианина понимает, что клинок Алабеса наточен, в частности, и на его шею. Христианин понимал это, как правило, слишком поздно. Они вошли, Алабес опустился на ковер, его слуга сел рядом. Хозяин засуетился, принес и расставил курительные принадлежности.

Комната наполнилась дымом и на удивление плохо проветривалась. Люди в помещении имелись, но были склонны друг друга не замечать, были не в состоянии кого-либо замечать, словом, они были далеко друг от друга. Никто не разговаривал.

Хозяин раскурил Алабесу кальян и исчез, предоставив ему вкушать от опиума и уединения, хотя бы и мнимого. Алабес вдохнул немного сладкого дыма и, задержав дыхание, передал трубку слуге. Господин, сидевший в трех шагах напротив Алабеса, улыбнулся. Алабес мысленно извлек из ножен клинок. Обезглавленный господин продолжал улыбаться, но перестал существовать для Алабеса, заочно проложившего маршрут своему мечу в точности через то место, где голова господина сопрягалась с телом. Затем он выдохнул и струйка дыма, тонкая и острая, словно копье, устремилась в направлении жертвы. Она достигла ее и, к немалому изумлению Алабеса, вошла прямоком в распахнутый встречь рот господина аллегорией проглоченного оскорбления. Алабес мог бы краем глаза заметить, как растворился в дыму его слуга. Он был поглощен господином, на лице которого читал как на надгробии. Он не мавр, во-первых. Но отсюда, из Испании. Кастилец, если точнее. По воле Аллаха погиб от руки благородного и благочестивого Алабеса в Гранаде, и костям его уже не бывать в Кастилии.

Алабес жадно затянулся и выпустил еще одну струйку дыма, которая, пританцовывая, легла жемчужным ожерельем на шею Гвискара. Гвискар снял ее так, словно это была не неведомая субстанция, а вполне осязаемая вещь. Впрочем, не было никого, кто мог бы особенно этому удивиться. Так и Алабес. Погребальное украшение – носи, дружок, на здоровье. Алабес ядовито ослабил. Повертев ожерелье в руках, Гвискар сунул его за пазуху – так, на память. Затянувшись, он запустил в сторону Алабеса почти такое же, во всяком случае очень похожее колечко – так подделка похожа на оригинал, скипетр на кинжал, кувшин на кувшинку. Подарок Гвискара охмутил Алабесову шею. Мавр недоверчиво потрогал кольцо рукой. Немного подтянул, чтоб не слишком болталось – у псов пусть болтается и жеребцов. Гвискар подтянул еще. Алабес попытался ослабить. Гвискар, сочувственно пожимая плечами, подтянул еще. Алабес начал задыхаться. Гвискар дернул сильнее, и душа Алабеса Зегреса отлетела прочь.

Слуга никак не мог бросить тело хозяина, однако и нести на себе шестипудовый труп тоже не представлялось возможным. Расслабленность мыслительных жил помешала ему впасть по этому поводу в истерику. Он взял кальян хозяина и набрал полные легкие дыма. Гвискар, приняв это за проявление выдержки и твердости духа, понимающе ему поклонился.

6

Альбин-Амади Зегрес подошел к окну спальни. Но молодого месяца, которым он рассчитывал полюбоваться перед сном, еще не было. Только густая плесень сумерек над персиковым садом.

Трава укрыта ковром. Хасан заплетает волосы нагой Гибор в косы. От Гибор веет целомудренной отрешенностью, и это нравится Хасану. Когда солнце только утонуло за горизон-

том, он любил ее как странник – быстро, неопратно. Когда появилась первая звезда, он любил ее еще раз, но уже как Хасан – энергично и нахально. Он будет любить ее снова, когда взойдет месяц. И все равно от Гибор разит девством и холодом. Она как бы инфанта,¹⁶ а он – мужлан. Но это тоже хорошо.

Гибор – сама покорность, разделяет волосы на пряди и, когда косица подходит к концу, подает новую черную змейку Хасану. Ее не обманешь. Пока он еще раз, в третий раз, не оседлает ее, не видать ей свободы, не бывать ей дома. Хасан не из Зегресов, он из Гомелов, он будет жить, он – пустое место. Поэтому он может мучить ее сколько влезет, плести косы, колоть бородой. Не задаром, конечно. Завтра он шепнет своему другу Али – вот этот уже Зегрес – что нашел классную девочку. Поэтому и в третий раз она готова – беглый взгляд на разморенного Хасана.

Пока все спокойно. В черном меху дрыхнет инструмент, пока еще не заточенный. Молодой месяц еще не показывался – это значит, что у нее есть сколько-то там минут передышки. Времени, чтобы подышать.

– Хасан, мне нужно по-маленькому.

– Ты ж не долго, – напутствует Хасан, взглядом слизывая сладкие капли росы с удаляющихся ягодиц Гибор.

Хасан растекается по остывающей земле, прикрытой запасливо привезенным ковром, и дышит сумерками.

Пока Гибор где-то там писает, он может полежать. Еще разок – и можно отправляться домой. Он уже скучает по Гранаде, возвышающейся на холме, который не видим, но как бы осязаем в темноте за деревьями.

Любовь в персиковых рощах, объятых ночью, хороша, но плохи, тоскливы вынужденные паузы между кульминациями, – думает Хасан. Ему хочется в город. Поодаль фыркают кобылы – одна для него, другая для Гибор. «Сладкая девочка», – скажет он завтра своему закадычному приятелю Али Зегресу.

Но Гибор и не думает делать то, для чего, как полагает глупый и пустой Хасан, пошла. Она выходит на окраину сада и зрит сквозь необъятное поле. Она всматривается в черноту далекого города. Алькасар¹⁷ – это огромный мавританский фаллос, населенный доблестными рыцарями, словно огурец семечками. Он таков и днем, и ночью. Но ей неинтересны все семечки. Ей сегодня нужен только Альбин-Амади Зегрес. Его мучит бессонница. Но она не видит его, конечно. Слишком много каменных стен понастроено на пути ее всепрожигающего взгляда. Альбин-Амади Зегрес – каков он собой?

Но Гибор пора назад.

– Что-то ты долго, – сонный Хасан накрыл бедро краем ковра и зарылся в мятые шмотки.

Гибор идет к нему без улыбки. Ее правая рука поддерживает левую грудь, словно лунка корсета, а указательный палец левой трет сосок на правой. Это заставляет мужчин становиться губками. Угольный черный треугольник ее лобка – словно стяг на копье. На том будущем копье, которое отчасти губка.

Хасан присаживается у белых ног Гибор. Хасан пробует ребром ладони растворенную устрицу Гибор. «Ух ты, какая мокренькая шерстка!» – шепчет он.

Гибор глотает презрительную улыбку – это не та золотистая жидкость и не та белесая жидкость с грибным запахом. «Это просто пот», – промолчала Гибор, наблюдая, как Хасан наливаются желанием, словно помидор алым соком. Как помидор в ускоренной съемке.

– Поди сюда, моя любовь.

¹⁶ *Инфант* – принц крови.

¹⁷ *Алькасар* – цитадель мавританской крепости. Иногда – просто самая мощная башня замка. В целом, алькасар – полный аналог донжона европейских замков.

«Любопытно, – думает разводящая ноги ромбом Гибор и склоняется над Хасаном в индийской танцевальной фигуре, – как мужчины глупеют по мере того, как хотят. Кажется, член, для того чтобы набухнуть, должен высосать всю рабочую жидкость из мозгов».

Гибор присыпает скачку скупающим «давай-давай!». Бедра Хасана шлепают о землю. «Если бы лошади скакали ногами вверх по небесному своду, их крупы шлепали бы об облака точно так же», – замечает насаженная Гибор, извиваясь и ускоряя движения.

Хасан хрипит, стиснув зубы, и белки его глаз, словно два молодых месяца, выскальзывают из-под век, сливаясь в один и восходя к ночному небу на радость Альбин-Амади Зегресу. «Да», – дышит Хасан, «да» – скачет Гибор. Она уже забыла о Хасане, она помнит лишь об Альбин-Амади. И вот пальцы Хасана сжимаются, словно когти сокола на рукавице ловчего. Он стонет, пыхтит, царапает Гибор спину.

– Мне хорошо, – Хасан поводит под случившимся жирную недвусмысленную черту.

Отлежав обязательные две минуты, Хасан встает, запахивается, поправляет кушак. Снимает с персиковой ветки колчан, лук, скатывает ковер, смотрит на Гибор – когда это она успела одеться?

– Миленький, позволь твой лук. И одну стрелу, – добавляет она.

– Ну, возьми, – Хасану в общем-то не противно исполнить вот эту, вот конкретно такую блажь.

Гибор упирает ножку в скатанный бревном ковер, споро натягивает лук.

Она вкладывает стрелу пустоголового Хасана, целит в небеса юго-западнее молодого месяца. Звездный купол чуть приподнимается над Гранадой, тетива вскрикивает, и стрела устремляется в темноту.

– Поехали? – Хасан еле жив, ему хочется на лошадь.

– Поехали.

Стрела летела мимо стен, садилов, садов, беседок. Очень скоро она нашла алькасар дворца Альгамбра.¹⁸

И пока Альбин-Амади Зегрес любит молодым месяцем, по пояс высунувшись из окна, стальное острие стрелы входит меж его тонких бровей в то самое место, где индианки малюют красную родинку.

7

В ту ночь, когда ворота рая были распахнуты перед Альбин-Амади Зегресом босой ногой лучницы Гибор, мученицы Гибор, в венец той же ночи Гвискар и Гибор любили друг друга впервые и, стало быть, взаимоудивленно.

Когда в таком естественном деле, как любовь, что-то делается в первый раз, выходит нервно и замедленно. Рука не то чтобы ласкает, но пробирается словно лазутчик. Плоть не то чтобы трепещет, но дрожит. Зрачки всегда расширены, даже если ясный день истошно бел. Мужчина и женщина напряжены, словно ремни на запяточном коробе рудокопа, жилы на шее – словно прихотливые плечи греческой буквы, выпирающей из-под второго слоя палимпсеста.¹⁹

И все равно обычно получается скорее хорошо, чем плохо. В первый раз мужчина всегда скор на расправу. Во второй, который обыкновенно торопится по непросохшим следам первого, женщина помогает мужчине кончить, прохаживаясь указательным пальцем по мошонке. Естественно, помощь оказывается слишком действенной.

¹⁸ Альгамбра – крепость и дворец мавританских королей Гранады.

¹⁹ Палимпсест – древняя рукопись, написанная на писчем материале (как правило пергаменте) после того, как с него счищен (порою весьма небрежно) прежний текст.

В глазах Гвискара – две маленькие воронки, как два зародыша тайфуна. Глаза Гибор – две луны, ставшие черными.

8

Они присмотрели друг друга, следуя в Сантьяго-де-Компостела в свите герцогини Бургундской. Гвискар, и.о. конюха, был хорошо сложен. Гибор, горничная Изабеллы, была как лимонный леденец – никто не возражал ее попробовать. Они подружились и скоро поладили. В один из таких дней Гвискар угостил Гибор семечками. Он не знал, что в местности, которой они следовали, хозяйничал брюшной тиф.

Они слегли в виду приюта св. Бригитты. Точнее, не нашли в себе сил подняться с постели после одного из тех взаимных поцелуев, после которых волей-неволей сплевываешь один-два-три коротких курчавых волоса. Так их и обнаружили.

Препоручив Гвискара и Гибор своему давнему протезе Жануарию, который вот уже шесть лет систематически подметал и подбеливал темные закоулки ее души, Изабелла двинулась дальше. Лекарства от брюшного тифа Жануарий, что не удивительно, не знал.

Когда Муса колотил цепным молотком в ворота госпиталя, Жануарий заметил двух ангелов, спустившихся за душами Гвискара и Гибор.

Они неуверенно пересекали внутренний двор. Похоже, ангелы просто не знали точно, где искать тех, за кем они пришли.

Жануарий, проводив сожалеющим взглядом ультрамариновые хламиды гостей, поспешил к Мусе.

«Отошли с миром», – заключил Жануарий по поводу Гвискара и Гибор, отпирая ворота. Как оказалось вскоре, заключил преждевременно.

А когда Муса ушел, излив на Жануария всю отстоянную в мыслительных бурдюках смесь, Жануарий понял, что весьма опрометчиво дал вольницу Гвискару и Гибор, позволив им умереть от брюшного тифа.

«Если кому-то и резать Зегресов, так не мне, а им. Такую работу должны делать глиняные люди».

Жануарий наскоро затворил ворота за Мусой и со всех ног бросился туда, где лежали Гвискар и Гибор, заключившие друг друга в объятия вместо последнего причастия.

Жануарий успел как раз вовремя. Еще не раз он мысленно будет возносить хвалу вымороченной топологии госпиталя св. Бригитты, где могут замешкаться даже ангелы.

Звуков, голосов, шорохов не было. Но все происходившее можно было бы увидеть, если бы нашелся такой отважный дурак-вуайер,²⁰ у которого не пересыхало бы от увиденного в мозгу.

Жануарий отвесил земной поклон гостям, изложил свою просьбу и кратко описал то, что творится в безбожной Гранаде.

Жануарий рассказал о Зегресах и Абенсеррах и назвал свои обстоятельства.

Жануарий замолвил за Гвискара и Гибор слово перед двумя в ультрамарине.

9

Гвискар с Гибор свалились на землю, уже побывав одной ногой на небесах. Словно пара жертвенных желудей, которые пресыщенная рука смахнула с алтаря.

Правда, именовались они теперь не «человеками», а «глиняными человеками».

²⁰ *Вуайер* (фр. voyeur) – подглядыватель (как правило – за эротическими сценами).

Как ни странно, Гибор и Гвискар были Жануарию весьма и весьма благодарны.

«Спасибо в карман не положишь», только чуть длинней и гораздо вежливей сказал своим благодарным пациентам Жануарий и тут же предложил им возможность отличиться.

«Перебить Зегресов?» – спросила Гибор.

«А кто это?» – поинтересовался Гвискар.

Когда Жануарий объяснил, вопросы окончились.

10

Людей было много, и все они чувствовали себя неудобно, когда эти двое с крыльями за спиной ринулись с обрыва, а ведь там было не два фута – как бы не двести.

Но, вопреки опасениям и, честно говоря, ожиданиям, под нездоровое улюлюканье, они тем не менее взмыли – Икару с Дедалом привет! – и, описав восходящий круг, вернулись на глазах у всего честного народа, дабы приземлиться в том же месте, откуда минуту назад стремглав бросились вниз.

И солнце не растопило воск, что скреплял перья их рукотворных крыльев – ведь солнца в тот день не было. Они выглядели счастливыми – мужчина и женщина. Он поцеловал ее в сладкие губы – типа спасибо, что составила мне компанию. Она поцеловала его в ответ – типа не за что, было довольно весело и почти не страшно.

Они обратились к публике, а публика не отрывала от них взоров, и каждому кавалеру хотелось быть в роли Гвискара, а каждой даме – в роли Гибор, ведь это действительно была славная чета.

Трудности в том, чтобы побыть эту самую минуту на их месте, вовсе никакой не было, ибо приглашали они всех желающих испробовать на себе греческое чудо и цену назначили не слишком высокую. Но никто, однако же, не рвался. Это понятно.

Тогда они совершили еще один полет, а потом еще один, и всем на это посмотреть было в диковинку и в удовольствие, а им, видно, в радость было летать.

Дело это и вправду новое среди магометан, еще не ясно, позволительное ли, а уж христианам так точно нельзя – впрочем, христиан особенно и не было видно. Кроме этих самых летунов, которые точно были не мавры, а кто – Бог весть.

Уже ближе к вечеру сыскался один смельчак, который со своей юной невестой отважился совершить сей чудесный полет. Однако по приземлении поцеловаться с бесстрашной спутницей ему не случилось – обоих тошнило нещадно.

А под конец, привлеченный неизвестно чем больше – рекламой Хасана или доброй молвой – появился Али Зегрес, человек знатный и весомых добродетелей. С девушкой, которая ему жена, Фатима, и с десятком мавров, которые ему слуги.

Вот он появляется, и каждому уже очевидно, кто здесь будет первой пташкой, кто первым орлом, кто взмлет в небо. Гвискар уступает ему свое место, а поскольку лететь одному нельзя – таково устройство крыльев, такова их конструкция – то и Гибор, хоть и не без сожаления, уступает место его спутнице.

Вот Фатима, дрожащая от страха, и Али, трепещущий от возбуждения, стоят у обрыва, ими любитесь публика, а они любят городом и Альгамброй. Гвискар прилаживает последние застёжки на крыльях. Али подмигивает Гибор – девочка что надо, но придется потерпеть до вечера. Гибор подмигивает в ответ – давай-давай. Все напряглись в ожидании чуда, и вот чудо свершилось – Али Зегрес со своей женой взмыл, как и подобает человеку его достоинств и храбрости, взмыл в небо, словно ястреб или даже дракон.

Казалось, будто они летели очень долго, хотя на самом деле все заняло считанные секунды, и черные ветви деревьев в безбрежном персиковом саду, что лежал под обрывом, окрасились их кровью, чего уже никак нельзя было разглядеть с высоты в двести футов. В то

же время всем показалось, что они не рухнули вниз, беспомощно колотя переломанными крыльями, словно убитый влет свиристель, а попросту сели передохнуть.

Иным же показалось, что Зегресы, напротив, воспарили к самому солнцу, сбросив с себя тленные одежды, которые теперь покоятся внизу в персиковой роще, словно оставленные за ненадобностью водолазные костюмы. Так оно и было на самом деле.

11

Спустя сутки несколько десятков молодых мавров во главе с Мусой вломились в приют св. Бригитты.

Гарцующие басурмане ничуть не походили на благодарных клиентов, хотя все, что требовалось от Жануария, было исполнено в срок. И Жануарию стало не по себе от плохих предчувствий.

Живописное стадо лошаденогих, саблеблещущих Абенсеррахов обступило Жануария. Муса заговорил:

– Ты убил кого я просил, но еще ты убей Фатара, пойми это, и трех братьев Магомы убей. Если не убьешь, будет еще хуже, чем если бы ты не убил и остальных. А если убьешь – ничего плохого не будет.

– Хорошо. Убью и Фатара, и братьев Магомы.

К вящему неудовольствию мавров-клакеров, этим дело и кончилось. Братва сожалела о сговорчивости Жануария, которая испортила весь базар: ни тебе сапогом в рыло, ни тебе саблей по черепу. Муса скучный, не умеет сделать из наезда спектакль.

12

– Выходит, это еще не конец?

– Выходит, так, – неохотно согласился Жануарий. – Остались еще Фатар и братья Магомы. Они тоже должны умереть.

– Этому твоему Мусе – ему что, скучно, да?

– Он не мой и ему да, скучно, – Жануарий понимал и даже отчасти разделял ленивое раздражение Гвискара, которому, понятное дело, не нравилось быть машиной для вспарывания животов. Но, чтоб не питать его горячую желчь своими словами, отвечал нарочито скупое, смиренно дожидаясь, пока Гвискар выдавит из себя недовольное: «Ну ладно, завтра или послезавтра я этим займусь».

– Если скучно, есть рецепт, – пел соловьем Гвискар. – Пусть Муса соберет своих дармоедов, построит их «черепахой» и пойдет на Велес Красный. Средство проверенное. Первая кровь – и скуки как не бывало! А то сильно умный. Сначала – пяток заказных, а потом вдруг возьми ему замок с Фатаром и братьями Магомы. А дальше что – Гвискар, собирай пожитки и бегом воевать португальского короля? Он ведь, ясное дело, тоже родственник Зегресов по линии праматери нашей Евы?

Жануарий, сложив руки на груди, помалкивал. Он понимал, что несвойственная Гвискару болтливость напала на него потому, что убивать Фатара он не хочет. Ему боязно.

Фатар – матерый человечище. Он наверняка попытается сжечь Гвискарову тень, как только сообразит, что перед ним стандартный глиняный человек, который не пойдет на компромиссы, не купится на деньги и перебьет всех, кого поймает. Фатар будет прав. С големами – только так. Фатар и сам их помощью, по слухам, не брезговал. А удастся Фатару подловить глиняного человека или нет – это уж зависит от Гвискара.

Еще Гвискару немного лень. Уж очень энергоемкое и утомительное мероприятие – призывать мятежный замок к повиновению.

И, наконец, Жануарий чувствовал, что за его благодеяние Гвискар и Гибор уже расплатились своими услугами. Его докторский кредит исчерпан. Теперь и в будущем только взаимозачет, бартер, рука руку моет (с юридически закрепленным количеством мытийных процедур и мыла с каждой стороны).

– Хорошо, Гвискар. Что ты хочешь за это дело?

– Я? – Указательный палец Гвискара уперся в его собственную грудь так, будто поблизости был еще один кандидат на штурм Велеса. – Я, то есть мы с Гибор, хотим, чтобы ты нас обвенчал, – торжественно объявил Гвискар. Чувствовалось, что этот маленький шантаж был продуман загодя в одном из недавних альковов.

– Это совершенно невозможно, – наотрез отказался Жануарий.

– Почему?

– Я не имею духовного сана. Это раз. У вас с Гибор никогда не будет детей. Значит, венчать вас все равно что готовить весельную лодку к катаниям со снежной горы. Это два. Любой клирик скажет вам то же самое. Это три. И я не советую обращаться с этой просьбой к клирикам, ибо ведомство имени синьора Орсини еще не поразила губительная зараза либерализма. Это четыре, – устало перечислил Жануарий.

– Постой, а почему у нас не будет детей? – к вящему удивлению Жануария, Гвискар был обескуражен, опечален и обозлен именно предпосылкой к аргументу номер два. – Ты нам об этом не говорил!

– А вы об этом меня не спрашивали, – отрезал Жануарий. – Поэтому проси что-нибудь другое. Что-нибудь, что мне по силам.

– Тогда, взамен Фатара и братьев Магомы, я прошу у тебя ребенка.

– Разве я похож на беременную женщину? – поинтересовался Жануарий.

Судя по движению желваков, его челюсти только что смолотили в пыль невидимую пулю. Жануарий демонстративно перевел взгляд с Гвискара на воробьиную стайку, полоскавшуюся в пылище. Может, если на него не смотреть, он выкажет большую сообразительность. Жануарий не ошибся – прохладное, широкое, неожиданное лезвие кинжала уперлось в его сонную артерию, а белая рука Гвискара легла ему на затылок. Выказал.

– На беременную ты не похож. И все-таки нам нужен ребенок.

– Возьмите любого ребенка и назовите своим!

– Нам не нужен любой. Нам нужен наш, – настаивал Гвискар, усиливая давление кинжала.

– Возьмите любого младенца, который вам приглянется, и он до гробовой доски будет уверен, что он ваш сынок или дочурка. Или вас смущает безнравственность такого поступка? Это же нехорошо – воровать чужих детей? – ощерился Жануарий, косясь на Гвискара.

– Нет. Меня смущает, что если наш ребенок будет человеком, то мы с ним едва ли уживемся, – пока Жануарий переживал за свою шкуру, в душе Гвискара зудели экзистенциальные проблемы. Насколько Жануарий мог судить по голосу, Гвискар был не на шутку озадачен своим футуролого-пропедевтическим прогнозом.

– Гвискар, по-моему, ты слишком увлекся. Ты хочешь ребенка, но понимаешь, что ребенок едва ли уживется в обществе двух големов. Чего же ты хочешь?

– Проще простого. Наш ребенок должен быть таким же как мы.

«О Боже!» – хотел вскричать Жануарий, но не вскричал. Он немного поразмыслил – со стороны это выглядело так, будто он считает воробьев, – затем властно отвел руку Гвискара с кинжалом и, словно гинеколог, которого занесло в кинозал, где крутят любительскую порнографию, ответил:

– Убери, мне надоело. Если ты настаиваешь, я научу тебя, как сделать, чтобы у вас был ребенок, чтобы он был големом и чтобы вы были довольны как слоны. Правда, вам и самим придется попотеть – я не собираюсь колесить с вами по миру, пока вы разыщете подходящую кандидатуру в сыновья. Вы сделаете все нужное сами.

13

Конь его был бел, попона черна, в переметной суме, окрашенные темным багрянцем заскорузлой крови, безмолвствовали четыре головы. У седла была приторочена великолепная симитарра. Девиз на ножнах: «Магома, Зегресы, Эра Аллаха Великомошного».

Гвискар был одет в шаровары, тунисскую кольчугу до колен, приколотая к черному тюрбану изумрудной брошью зеленая же шора застила лицо до самых глаз.

Его заметили издалека.

– Магома возвращается!

Стены и три разновысокие башни Велеса Красного – скалы, напоенные геометрией, отлившиеся в бастионных углах, расчерченные жесткими тенями и прямоугольниками бойничных провалов, тел абсолютно черных, пожирающих излишек солнечного света и вражьего любопытства, скрывающих отблески белков сарацинских глаз, – многоочитые стены и башни Велеса Красного узрели и узнали Магому издалека, и только залиvistый лай Джibriла не отразился жидким эхом в хаосе скал, поставляющих фрактальный фон для мавританского замка. Потому что Джibriла не было с Магомой, потому что с Магомой не было Магомы, потому что с Гвискаром не было никого больше.

Магома возвращался и Магома молчал. Он кивнул двум привратникам – чистым джиннам, заросшим длинным черным волосом в той мере, когда телу уже не требуется кольчуга – и привратники, дикие йеменские кочевники в туманно-генетическом прошлом, растворив ворота Велеса Красного, пали пред ним ниц, целуя тень тени Магомы, святого рыцаря, строгого пастыря, сократителя неверных.

Гвискару было наплевать на то, что чьи-то коричневые губы обсосали всю его тень – плевать, впрочем, менее, чем могло бы показаться, ведь в его тени воплощалось куда больше Гвискара, чем собственно во плоти – поэтому симитарра блеснула дважды и трижды не из оскорбленных чувств, отнюдь.

Зарубив правого привратника без труда – двойной проблеск кровопролитного металла – Гвискар безропотно принял боль в левом бедре. Второй привратник оказался чуток, второй привратник не мог не видеть краем глаза, как его коллега воссоединился с пухнувшей от крови пылью – и когтистые лапы, впившись в бедро фальшивого Магомы, рванули его из седла.

Гвискар понял, отчего у привратников не было оружия. Будь он, Гвискар, просто человеком, невероятной силы демон Зегресов оторвал бы ему ногу по самый копчик. А так она осталась при нем, он не вылетел из седла, но конь, заржав и захрипев, упал на привратника, и вместе с ним упал Гвискар. Привратник с ревом в глотке и хрустом в переломанных ребрах ворочался под навалившейся на него тушей, когда в тройном проблеске Гвискарова сабля утешила раненого. Первые два удара неловко отпружинили от его проволоочных волос, но третий наконец-то решил задачу отыскания нормали к сферической поверхности, и череп привратника, неохотно крикнув, раскрылся. В нем симитарра и осталась – сломанная, ненужная.

В глухом двореке крепости Гвискара встретили стрелы. С ним не было ничего кроме переметной сумы, но и она оказалась доброй эгидой. Три стрелы он принял в нее, четвертую – в левую руку, пятую – в левую руку, шестую – в левую руку, седьмая воткнулась в разодранное привратником бедро.

Дверь – первая любая какая угодно дверь, – брякнув вырванным запором, распахнулась перед Гвискаром. Удар из ступенчатых сумерек опрокинул его на спину. Удар копья, как он заключил, взбежав глазами по тисовому древку в красные облака среди фиолетового неба.

– Так его не убить! – услышал Гвискар.

Нападающий, видимо, не верил – копьё, вырванное с профессиональным хаком из его груди, на мгновение показало незапятнанный наконечник, но не воткнулось Гвискару в глаз.

Потому что Гвискар, вполне уже собрав в небытии черепки расколотого тела, умерев и возродившись, откатился в сторону, и копьё поразило звонкую каменную пустоту, подзвученную изумленным воплем воина.

В быстроте сравнимый с фальконетным ядром, Гвискар перехватил копьё, выкручивая-вырывая его из рук жадины, а когда тот оказался силен, оковкой сапога раздробил ему колено. Теперь он обладал копьём, прежний владелец которого остался на пороге, рядом с отброшенной переметной сумой.

Гвискар поднимался по винтовой лестнице. Левую руку он запустил в свалившуюся шевелюру Магомы, под головой которого не хватало тела, и если бы не копьё в правой, был бы, наверное, похож на Персея.

Двое с мечами догнали его снизу, предварительно разувшись, осторожно ступая босыми ступнями, чтобы ни одним звуком не выдать свое приближение. Но волна кровавой разгоряченности, опередив их на несколько шагов, догнала Гвискара быстрее.

Арабы с ужасом пробудившихся в саркофаге встретили вполне осмысленный смертью взгляд головы своего бывшего господина. Гвискар приколол их, как снулых по осени ленточниц-ночниц, но булавка сыскалась лишь одному, а другой, выбракованный, покатился по трем-ом-ом ступенькам и все.

Лучшая из трех ног Гвискара была для руки коротковата и он, перевооружившись одним мечом вместо одного копьё, оказался на галерее, переполошив лучников окончательно. К обломкам предыдущих стрел сразу же прибавились новые, пока еще целые. Но не это испугало Гвискара – в конце галереи мелькнул пестрый силуэт, мелькнул и исчез.

В глазах Гвискара остались длинные неоновые треки, они долго не хотели пропадать, и Гвискар плохо видел, кто куда падает и зачем так истошно вопит выброшенный через перильца во двор лучник, а куда идет он сам, Гвискар, и дважды поскользнулся на чужой крови, чего с ним раньше не случалось.

И хотя он разогнал их в основном головой Магомы, самый намек на сходство с Персеем исчез окончательно. Из галереи в небольшой висячий садик с фонтаном, разбитый на крыше и уводящий все далее вглубь замка, вырулил языческий идол: измазанный красным от рожи до пят, попорченный стрелами верных в угаре иконоклазии, жадный до жертв и безбожно блистательный.

Гвискар припал на колено, и неприятельская альфанга,²¹ обозначив полукружие горизонта над его головой, высекла плотничьи брызги из ствола скрюченного фисташкового дерева. Он поднялся, мгновение назад коленопреклоненной ногой отталкивая проткнутого прочь и подавая меч на себя, сделал три шага вперед и был вынужден вновь остановиться – в радужном одеянии, колеблемый и дробимый фонтанными струями, Гвискару явился силуэт коренастого карлика.

Гвискар не знал, кто перед ним, потому что видел его второй раз в жизни – первый случился едва не минуту назад, в галерее, мельком, вдалеке. Не знал и знал вместе с тем совершенно точно – это Фатар, Разбивающий и Создающий. О нем говорил Магома в лицо Гибор, о нем шептала Гибор в ухо Гвискара, о нем справлялся Гвискар у Жануария и в ответ услышал: «Убить его быстрее, чем увидеть».

Чтобы убить Фатара, Гвискару нужно было сейчас немного – полтора шага вперед.

– Кто он? – спросил Фатар.

Ответ прозвучал откуда-то снизу – Гвискару почудилось, что говорит его левое бедро.

– Гвискар, глиняный человек.

Гвискар скосил глаза к источнику этого откровения. Говорит голова Магомы в его левой руке, конечно. И он не может сдвинуться с места, конечно, потому что трещины, без которых

²¹ Альфанга – мавританская сабля с обоюдоострым концом.

нет и плит на дорожках любого сада, трещины тонкими и цепкими корешками вырастают в тень его ног и держат крепко.

Гвискар сорвал злость на вещи головы Магомы. Ее раскрытые остатки упали вниз, к хищным трещинам, и те, послушные Фатару, но глупые, как и вся безмозглая природа, поймали их, ослабив хватку на Гвискаровой тени.

В один прыжок он оказался в каменной чаше фонтана. Но Фатара в радужном струении уже не было – мокрые следы и быстро-быстро семенящий несколько впереди них карлик удалялись от фонтана и исчезали меж двух последних деревьев сада.

А секунду спустя хлопнула дверь в бронзовых узорочьях, и дьявол меня прибери, сказал Гвискар, если я понял, на что ушло мое время между последним взмахом меча и этим мгновением.

Гвискар отыскал Фатара, а Фатар соблаговолил быть отысканным спустя четверть часа. У двери, сплошь составленной из перевитых литых виноградных лоз, Гвискар рубился с троими. Двоих он убил, а последнего до поры до времени помиловал. Ему нужен был поводырь, ему нужен был передний браток, ему нужно было обмануть Фатара.

Коридором, низкий потолок которого арочно обнимал головы впереди идущих, прошли двое. Гвискар руководствовался искренними признаниями своего спутника, а его спутник – искренней верой в то, что нельзя врать демону, каким представлялся, отчасти справедливо, неистовый Гвискар.

Двое – один спереди, другой за ним следом, вперив острие кинжала в спину первому – вошли в заветную дверь, которая драматически всхлипнула.

Гвискар был в сердце Велеса Красного, и он настиг Фатара. Фатар ждал его без страха, потому что знал и силу, и слабость глиняных людей. Путей к их убийству куда больше, чем к созданию. Фатару были известны не менее восьми, но самым простым и действенным представлялось сокрушение их тени, отложившейся от тела на что-нибудь подходящее. Шелк, нафт,²² порох. Под рукой был только порох, да и то немного.

Когда дверь провозвестила появление Гвискара и Гвискар влетел во мрак колдовской обители в своей мокрой, окровавленной, изодранной одежде, Фатар был готов. Он знал, что теперь у него не будет союзника в лице, точнее, в голове умерщвленного Магомы и придется все свершать с проворством лепездричества.²³

Фатар был верен себе. С семи ярчайших светильников упала, обманчиво и сладостно шурша, толстотканная шора, свет проявлял незваного гостя во всем его подозрительном великолепии, а десница Фатара уже сообщила огонь пороховой западне на полу.

Шипящая дуга расползлась по крупцам пороха, обращая серое в черное. Тень врага была сожжена без остатка. Враг повалился лицом вперед, исторгая хрип, недостойный глиняного человека.

Гвискар обманул Фатара. Мимолетный передний дружок, пораженный кинжалом Гвискара в спину, был мертв, Гвискар был жив, Фатару, только что испепелившему тень какой-то жалкой шестерки из колоды Зегресов, оставалось жить совсем недолго.

Чужой, неприятно легкий меч в руке Гвискара в погоне за сердцем Разбивающего и Создающего искрошил среди прочей магической утвари анфиладу демонов-покровителей. Фатар держал свое хозяйство на огромных, возносящихся ввысь стеллажах, расставленных по стенам предтечами Эмпайр Стейтс Билдинг.

Фатару было некуда бежать и он, словно юнга, словно человек-паук, споро перебирая руками-ногами, полез вверх. Гвискар подпрыгнул, но острие его меча лишь нежно кольнуло Фатара в пятку – суетливый карлик успешно уходил в третье измерение.

²² *Нафт* – араб. нефть.

²³ *Лепездричество* – электричество (детский жаргон).

Гвискар расхохотался. Он, Гвискар, здесь, среди пороховой гари и мускусной вони, загоняет на небеса вредного старикана, который мог бы коротать остаток сытой жизни в кругу прыщавых внуков, так нет, гляди, и он туда же – Разбивающий и Создающий!

Фатар был уже на высоте четвертого этажа. Из-под его ног сорвался и полетел вниз исполинский тигель с какой-то философской отрыжкой. Гвискар учтиво отошел в сторону. Тигель разорвался с силой бомбического ядра, и на Гвискаре прибавилось пурпурных оспин. Сандаловые плашки на рукояти меча, обляпанные рыжеватой бурдой, поспешили обуглиться. Гвискар поспешилбрякнуть безобидное богохульство.

Фатару это понравилось. Обустроившись на четырнадцатой по счету снизу полке, он смахнул на Гвискара все ее содержимое – двенадцать томов Руми²⁴ в золотых окладах, стопу пустых пергаментов, кучу мышиноного кала и действующую модель человека по Абу-Сине.

– Подвязывай! – крикнул Гвискар скучным голосом. У его ног звонко дрожал воткнувшийся углом в пол одиннадцатый том.

Фатару не думалось подвязывать. Его душа рвалась вверх посредством падкого до жизни тела. Пальцы Фатара легли на край пятнадцатой полки. Легли в осязательное ощущение мягкого войлока – пыль, как заключили пальцы. Пыль на паутине, гордо уточнил кое-кто.

Кое-кто, скрытый во глубине вечных сумерек пятнадцатой полки, имел представление о пальцах Фатара через дрожательное ощущение. В мироздание кое-кого вторгся съедобный друг, несъедобный враг, нечто невразумительное – нужное укусить.

Как падал тигель, как падали тома Руми, как падал человек по Абу-Сине, так падал вниз Фатар, человек по Дарвину. Гвискар сопровождал его взглядом до самого одиннадцатого тома. Разбивающий и Создающий пропорол себе чрево об его золотой оклад.

Гвискар отрубил Фатару голову.

Гвискар растоптал плоского и алого (в прошлом – серого) паука, барахтавшегося в крови Фатара.

Гвискар вздохнул и осмотрелся.

Соппротивление было подавлено.

За внутренней пустотой Фатара придут двое в ультрамарине (Гвискар снял с пояса Фатара трут и кресало; досадливо тряхнул головой, поморщился и осторожно вернул их умертвию; подошел к семи светильникам; наотмашь рубанул по ним сарацинским мечом; на толсто-тканые шоры, на пол, на расплющенное тело злого мудреца пролился огонь), а над внешней пустотой будут трудиться простые законы вещного мира. Апейрон, бальтасар, флогистон.²⁵

14

Гвискар вышел из Велеса Красного, провожаемый восторженным испугом трех десятков Зегресовых зольдатов, которые совершенно не входили в Гвискаров estimate.

Гвискар прихрамывал. Какой-то идиот пустил ему в затылок одинокую стрелу. Промаяхнулся, вдобавок.

Тень глиняного человека потускнела – это камнем пущенный в небо дым Разрушающего и Создающего притушил на время солнце.

²⁴ Руми — Маулана Джалалуддин Руми (XIII в.), арабский поэт, мистик, суфий.

²⁵ «Апейрон, бальтасар, флогистон». – Апейрон – первопричинная и бесконечная стихия, введенная в греческую философию Анаксимандром. Апейрон может пониматься как необъективированный сам по себе первоэлемент, объективирующий себя в качестве четырех классических элементов – воды, огня, воздуха и земли. С определенными оговорками греческое понятие апейрона может быть сопоставлено буддийскому понятию шуньяты. Бальтасар – в средневековой традиции имя одного из трех волхвов, пришедших поклониться младенцу Иисусу Христу. Флогистон (от греч. phlogistos – воспламеняемый, горячий) – по представлению химиков XVII–XVIII вв., «начало горючести», гипотетическая составная часть веществ, которую они якобы теряют при горении.

15

В ущелье его ждала Гибор и подарки: три застреленных Зегреса – младшие братья Магомы.

– Они беж-жали моего гнева! – Гвискар артистически заломил бровь, и из свежего пореза на лбу вышли несколько лишних капель дурной крови.

– И повстречались с моим. Умойся, Гвискар.

– Устала?

– Устала.

– Значит, сегодня не будем? – спросил Гвискар.

Он ошибся, конечно.

16

Гвискар и Гибор дулись в кости под стеной госпиталя, когда ворота взяли рамой кортеж Изабеллы Бургундской. Гибор была поглощена комбинаторикой.

– Нет, ты только глянь! – Гвискар даже улыбнулся – без нужды, то есть когда не требовалось изображать обаяшечку или наводить коварный политес, он делал это нечасто. Не из злобности, которая якобы имманентна глиняным людям, а просто от лени, которая им действительно имманентна.

Изабелла Португальская была симпатична Гвискару куда больше Жануария. Жануарий – неплохой босс, но, как выражался Гвискар, «изрядно притомил».

– Да посмотри же, ну! К нам приехал кто-то очень важный!

– Не посмотрю. Пока я буду смотреть, ты опять нажульничаешь, – огрызнулась Гибор, которой ужасно не везло сегодня.

Она потрясла кожаный конус с тройкой игральных костей. Она решила рискнуть и бороться за «стрит».

– Не будь занудой, милая! Что теперь твои кости, когда тут сама герцогиня Бургундская?

Стоило прозвучать имени, как Гибор подняла глаза от игрального платка и выпрямила спину. Безусловный рефлекс придворной дамы.

– Мои рыбки! Живые и здоровые! Вы чудесник, Жануарий! – всплеснула руками Изабелла, отослав всем присутствующим один-единственный воздушный поцелуй на собачью драку.

17

– Знаешь, она какая-то слишком суетливая. Крикливая. Как я раньше не замечал?

– Согласись, мы многого раньше не замечали, – сакраментально заметила Гибор.

– И мне не нравится, что она назвала нас «рыбками». Я терпеть не могу, когда сюсюкают.

– И я. Ну и что с того?

– А то. Мы с ней никуда не поедem. У меня от ее писка закладывает уши, – вполголоса заметил Гвискар, глядя на Изабеллу, которая щебетала Жануарию о жите-бытье, о святых мощах, которые везет в особом ларце, о замечательных арабах, которые бывают такими красивыми, о своем пятилетнем сынишке Карле, который пишет ей такие смышленные письма; о том, например, как он встретил волшебного пса. («Представляете, так трогательно сказать: „волшебного пса“!»)

– Тогда куда мы поедem, если не с ней? – спросила Гибор.

- Знаешь, у меня есть виды на один замок у моря. Мы будем купаться, если захотим.
- А у его хозяина есть виды на нас в этом замке?
- Это проблема решаемая, – обнадежил ее Гвискар.
- Тогда лучше поедem во Флоренцию. Там тоже можно купаться.
- В говне? – насмешливо спросил Гвискар.

Гибор нервно потрясла колпак с костями. Швырнуть бы их в рожу этому мужлану!

– Давай так, – предложила Гибор после десятисекундной борьбы с искушением. – Если я сейчас не выброшу «стрит», мы не поедem в замок у моря.

Гвискар, поморщившись, провел с предложением Гибор необходимые логические операции и спросил:

- А куда?
- Во Флоренцию.
- Ну давай.

Кости разбежались по игральному платку. Гибор досадливо прикусила губу.

Гвискар в сомнении молчал, не зная, что сказать и, главное, стоит ли. Через минуту великий порт Флоренция занял в его рейтинге подходящее место возле порта семи морей Москвы, где-то в конце списка после Цюриха и Кордовы.

– Ладно, так и быть – Флоренция. В принципе можно и не купаться, – великодушно согласился он, стараясь не глядеть на «стрит».

- А Жануарий?
- А что Жануарий? С ним мы квиты. Услуга за услугу.
- А если он нам соврал и ребенка не получится?

18

Пяти лет отроду Карл встречает волшебного пса. Клеверные луга исходят испариной, отцовские вассалы собираются на охоту, добычей Карла становятся тучный шмель, улитка, коровий колокольчик. Колокольчик, как вещь по природе своей холодная и недвижимая, дался ему в руки с покорностью. Улитка, миролюбивейшее из несущих панцирь, тоже. Но шмель храбро защищался и был пленен уже безнадежно израненным. Прежде, чем испустить дух, он ужалил Карла – ай!

Карл хныкал, выщипывая клевер, расшвыривая клевер, сочные стебельки и махровые головки летели прочь. Он наверняка умрет, как многие умерли до него, и короной завладеют враги.

Двое воронов покинули рошу и закружились, возгоняя аппетит и алчность. Маленький Карл умрет, уже холодеют ноги, уже песок в глазах, звон в голове.

Улитка оползает его запястье, но он безразличен к этому, плача навзрыд и без удержу. Сквозь слезы Карл уже не может разглядеть воронов – не исключено, они совсем близко. В траве деланно выискивают червячков и милых букашек, себе на уме. Наконец подозрительное тепло, исключительная шершавость улитки, ее назойливость и громкое сопение заставляют Карла проявить интерес – может статься, так ангелы обхаживают новоприбывших господ.

Он протер глаза и увидел пса, который с поистине собачьим тщанием облизывал ему ужаленную руку. Огромный и добрый, палевый и длинноухий, магический и волшебный, кобель и паладин. Он спас Карла от шмелиного яда и, когда тот почувствовал себя лучше, довез на спине до предмостного укрепления. После этого убежал, не дождавшись посвящения в рыцари Золотого Руна, ужина, придворной синекуры. Убежал на свою Дикую Охоту, оставив Карла счастливым обладателем волшебных блох.

Глава 3

Лужа

1

Спи-усни, о усни, мой прекрасный Тристан!²⁶

Церковная служба сродни колыбельной. Колыбельная – тонкая портьера, потворствующая полумраку. Свадьба – балаган, где дерзкий, шумный уродец-шут с воплями «тетушка, вот она, моя тетушка!» скачет тебе на колени, в то время как астматически задыхающиеся от смеха зрители складываются пополам.

Служба по случаю женитьбы – колыбельная, которая опускается на тебя и гостей, воспитанно сдерживающих зевки и смешки. Но тебе будет не до смеха, когда ты встанешь у алтаря, ведь оттуда не скрыться. Ты женишься, и это, скорее всего, навсегда. «Увы» или «ура» – выяснится потом, но пока ты должен просто осознать, что участвуешь в действе, у которого нет обратного хода.

Приблизительно так путаник и прохвост Луи, паж почти уже жены, а час тому просто Като, напутствовал почти уже мужа, а час тому просто наследника герцогства Бургундского Карла, графа Шароле.

Луи – четырнадцать, над его верхней губой апрельским газоном пробиваются усы, он искушен в придворных ритуалах, он взыскателен и почти остроумен.

Карл – нет, ему одиннадцать. Он – подвижный молчаливый мальчик с волнистыми девичьими локонами, завитыми мамкой Валенсией при помощи раскаленного чугуна прута, с гравюрно прочерченными бровями, острыми локтями и коленками цапли. Он не слишком способен в науках, доверчив, злопамятен и небрежен, как механизм с разболтанными гайками. Он прожектор, мечтатель и трусишка.

Луи забавляется зубочисткой, которую взял за завтраком как сувенир или скорее как трофей. Только что он втыкал зубочистку в Карлов бархатный бок (такая фамильярность Карлу очень понравилась, ему редко случалось побаловаться по причине отсутствия равных компаньонов). Потом, подустав, Луи стал вертеть свой комариный Экскалибур большим и указательным пальцами, будто бы рассчитывал, что трение возожжет огонь. Могло показаться, что он сучит суровую нить. У Карла, внимающего Луи, всезнающему Луи, который барахтался в задаче беспрецедентной щепетильности – объяснить юному графу смысл и назначение свадебной церемонии, – у Карла даже родилось подозрение, что он не видит эту нить только потому, что чересчур поглощен рассказом.

2

Хороша ли собой Като Французская, его грядущая супруга? Вот что интересует Карла больше всего, но он не решается спросить. Если Луи станет говорить неправду, подправлять портрет невесты и выгораживать ее, выщипывать ей лакомые брови и заворачивать в молочно-белую кожу, то, если Като некрасива, Карлу станет еще горше от того, что посторонние глаза видят то же, что и его собственные – дурнушку. Конечно, они видят дурнушку, раз посторон-

²⁶ *Тристан* – один из самых ярких образов влюбленного и возлюбленного в европейской мифо-эпической традиции, персонаж романов о Тристане и Изольде (известны несколько десятков обработок этого сюжета). В куртуазной культуре Средневековья Тристан – весьма популярный мужской сеньяль (см.).

ние рты считают должным лгать и преувеличивать. Ну а если Луи скажет, что Като так себе, это будет и того хуже. Значит, Като настолько уродлива, что даже бессовестному Луи не за что зацепиться, значит, она страшнее чумы.

Буквально до самой свадьбы Карл, выпестованный на сказочках, в которых прекрасные герцоги женятся на прекрасных королевах, не подозревал, как это наивно – надеяться взять в жены красавицу. «На всех монархов Европы красавиц не напасешься!» – говорил Луи восемь лет спустя по такому же поводу, но уже совсем на другой свадьбе.

Карл украдкой глядит в сторону невесты, которая накрыта непроницаемым кисейным куполом. На ней платье и фата снежного флера, она убрана жемчугом и вся блестит, как ледяная. На душе у Карла делается пасмурно от отвратительных догадок. Если бы Като была хоть немного красива, ее не привозили бы сюда, в Дижон, как кота в душиной корзине, как диковинную заморскую блоху в табакерке. Даже если бы она была просто «ничего», разве стали бы ее так прятать? Разве давали бы тогда за ней такое колоссальное приданое? Зачем пускать за красавицей обоз с деньгами! Красавицу и голой с руками оторвали бы у сватов другие герцоги, не такие гобсеки, как добрый батюшка Филипп. Особенно если голой.

С гротескным укором во взоре Карл оборачивается к родителям. Филипп ободряет сына жестом, отдаленно напоминающим «по pasaran», на его лице умильная гримаса. Изабелла промокает счастливую слезу перчаткой, прижимаясь к мужнину плечу. Мамка Валенсия и все остальные застыли в позах, приличествующих новогоднему утреннику в детском саду.

«Между прочим, твоя жена – родная сестра Людовика, который непременно станет королем Франции!» – сообщает Луи и многозначительно замолкает.

3

Заголосили певчие. Но ни одно слово свадебного гимна, ни один латинский звук не разбудил спящего Тристана – Карл дремал или, по меньшей мере, не бодрствовал. «Ты так и не понял, что женишься!» – с деланным вздохом отчаявшегося педагога ехидничал Луи. Но Карл, будто каталептирующая курица, даже не пошевелился.

Между двумя номерами (по маразматической забывчивости епископа служка побежал за Писанием) воцарилась пауза. Коленопреклоненным собором овладело облегчение и замешательство, которым не замедлили воспользоваться распорядители и болтуны. Антракт обещал быть коротким. Зал сыпал лакониками: «нашла?», «не забудь!», «я жду!», «твой кошелек!». Като сделала знак своей девушке, та поправила на ней платье и разгладила фату на спине, чтобы не морщила. Наконец Писание принесли и вновь воцарилась служба. Карл безо всякой радости отметил прилив сил.

Стали читать. Скука с искусством и здесь шли рука об руку, давно, впрочем, обвенчавшись: Карл, цепenea от холода и обиды, тешил себя соборной росписью и скульптурой. Лепниной и писаниной, как выражался один всамделишний спартанец. Вынужденно пируя вместе с другими слушателями в Кане Галилейской, он так же вынужденно переступал с ноги на ногу, разминая заперевшие в башмаках пальцы. Кстати, всю первую половину службы Карл простоял на носках, чтобы казаться выше. Даже на таком расстоянии Карлу было видно, что Като длинна и костлява. Карл постановил, что необходимо скрыть разницу в росте. Он, как и всякий в его возрасте, обожал бесплатные ланчи, случайные копеечные находки и всякую легкую добычу. Скрыть разницу в росте было, по мнению Карла, легко. Легко, ибо все знают о ней, и о том, что ее наверняка будут скрывать, а значит не станут особенно присматриваться в уверенности, что не высмотрят ничего нового.

4

Один из мальчиков, взалкавших яблок и потрясающих палками где-то на задворках фрески с научающим Моисеем, немного походил на Луи. Отметив сходство, Карл оставил купол в покое. Многокрасочное и позолоченное удовольствие не стоило тех неудобств, которые причиняли утомившиеся от смотрения искоса вверх шея и глаза – в них, как в калейдоскопе, расплывались пестрые кляксы Роршаха.

Только что ему пришлось поцеловать Като сквозь кисею. Като пахла отцовским гардеробом. Он учился целоваться вчера после ужина, под руководством Луи – целовал вазос зеркало, чтобы не осрамиться. Прикладываясь к собственному отражению, Карл не без отвращения отмечал, что уподобляется попугайчику, в чью проволочную одиночку поставили карманное зеркальце. Благодаря ему попугай до самой кончины считает, что обеспечен другом, собеседником, соперником, богом и даже подругой. Считает или ведет себя так, как будто считает – не столь уж важно. Сейчас все кончится.

«Амен!» – сообщил епископ, и нетерпеливая свита хлынула к выходу из собора, забыв о новобрачных – глотнуть свежего воздуха. Карл, как настаивал отец, взял Като под руку и молча повел ее прочь.

Двадцать восемь лет спустя Карл признался своей последней жене Маргарите, что за все время брака с Като сказал ей только два слова. «Извините», – когда наступил на подол ее платья, робко отозвавшегося парчовым треском. И еще «Нет», когда она спросила «Почему ты так волнуешься?»

«Мужем и женой», – звучало и звучало, «ужем и еной», – кривлялось и кривлялось, – «уе-и-еой» – перекликалось эхо. Карл невольно заслушался. Получилось, что граф Шароле и Екатерина Французская вышли из собора едва ли не последними.

5

Снаружи их заждались. Кому-то не терпелось влиться в свадебную кавалькаду, кто-то злорадно отмечал, что никакой кавалькады не будет, потому что ехать никуда не придется, а все пешими пойдут в замок, который в двух шагах. Многие сосредоточились на том, что эти два шага лежат через тернии, чернь и лужи. И, главное, через Большую Лужу – водоем почти атлантического размаха, претендующий на то, чтобы быть демисезонной достопримечательностью бургундской столицы наравне с Нотр-Дам де Дижон и холмом Святого Бенигния.

Батюшка Филипп и его приближенный шпион Бернар сдержанно спорили относительно ее глубины. К Като подскочила мамаша и щебечущие подружки. Одна из них тут же бросилась строить Карлу глазки (так ему казалось).

Пришлось бросить Като и спастись бегством, тем более, что очень хотелось узнать, какого мнения Луи обо всем на свете. Луи был польщен. Карл расправил плечи и пожаловался, что мечтает о том, чтобы присесть – на скамью, на ковер или на пол. Нет сил стоять. «Главное, чтобы ночью стоял!» – скаламбурил в утешение Луи. Этот тухленький каламбур показался Карлу смешным, хотя в принципе можно было оскорбиться.

Отсмеявшись, Карл вдохнул полной грудью. Но не воздух, нет – влажный туман хлынул в легкие. Пока таинство соединения душ совершалось на небесах, здесь, поближе к земле, собрались дождевые тучи – опальные вассалы горного двора. Они облепили колокольню и прильнули к стрельчатым витражным окнам, как ратники к бойницам, как соглядатаи к замочным скважинам.

Дверь собора с грохотом затворилась, и раскаты отозвались в самой гуще облака – гигантского, как гора. На изумленных глазах Карла разорванное грохотом облако разрыдалось. Под-

ступы к собору погрузились в непогоду. Нищие, алчно прохаживавшиеся поодаль в ожидании подачек, нецензурно отметили, что снова из-за ненастья срывается благотворительная раздача. По личной просьбе Карла Луи откомментировал несколько герметических выражений, долетевших до слуха Карла. Многие из них Карл охотно употреблял всю оставшуюся жизнь.

6

Лужи – словно щеки, изрытые оспой. Подруги Като опасаются показаться жеманными и потому безропотно пробираются вперед, приподняв подола платьев. Они почти не капризничают. Они готовы терпеть все, лишь бы не омрачать бракосочетание. Есть такая игра – «жены декабристов». Это оттуда. И хотя правилами игры не предусматривается быстрое вознаграждение за душевный подвиг, кое-кто поглядывает на мужчин, надеясь на похвалы своей сдержанности. Тем временем первые ряды подошли к эфемерному украшению соборной площади, диадеме Дижона – Гранд-Луже. Подошли и остановились.

Внезапно тучи расступились на манер занавеса. Выпущенное под залог светило ударило слабым лучом в мутную гладь лужи, и отраженный луч ушел в небо, намечая очередную пробоину во вздувшемся облаке.

«Это называется атмосферное явление!» – блеснул эрудицией Карл и нацелил палец вверх. Луи послушно посмотрел в небо, но его взгляд съехал на башню и башенные часы. Без одной минуты три часа пополудни. Солнце.

7

Башня собора Нотр-Дам де Дижон отбрасывает тень, и тень – остроноса, как русская борзая – берет след свадебного кортежа, еще теплый, втоптаный в отсыревшую площадь, и, то крадучись, то вдруг преодолевая одним махом несколько шагов, спешит настичь все то, что дети обобщают в ликующем, кричащем «свадьба, свадьба!». В спину Карлу с колокольни несется медное: дин-дон, дин-дон, пусть вам будет сладок сон, дин-дон.

Сон, усталость, каламбур Луи, первая брачная ночь. Еще один дин-дон – и у Карла безнадёжно испортилось настроение. Тем более что красноречивейший жест отца и скользкое «Быть может, было бы лучше, если бы вы...» (это Луи) склонили Карла к тому, чтобы вновь приблизиться к Като и взять ее за руку. Это совершенно необходимо для того, чтобы выглядеть супружеской четой. Такой, как в свадебных альбомах, или такой, как чета Арнольфини.

Карл принял руку Като, выпорхнувшую из кокона, так, словно это была рука лягушки или прокаженной. С брезгливостью начинающего естествоиспытателя. «Он еще совсем дикарь!» – растроганно всплеснула руками Изабелла Португальская, хозяйка крупной лошадиной улыбки.

Кисею возле рта колеблет неровное дыхание Като – легкая одышка маскируется под волнение. Карла осеяет – эта женщина (он еще долго мысленно говорил о Като как об «этой женщине») тоже, оказывается, волнуется! «Ну и пусть себе волнуется», – равнодушно отворачивается Карл, как вдруг кинематографическая смена декораций заставляет его вздрогнуть всем телом.

Две кряжистые, грязные руки – руки попрошайки, в мгновение ока очутившегося на заранее подготовленных позициях, руки самого настырного из попрошаек, сложенные лодочкой, влезли под нос жениху-Карлу-подателю, а из уст, надорванных розовыми шрамами, вырвалось тягучее «у-у-у», требовательное и жалкое, как «дай» хилого олигофрена. То есть такое, противостоять которому невозможно.

Карлу объясняли, что щедрость к лицу рыцарю. Кругом шепчутся: подай же ему, подай – мол, это нормально. Но Карл по-прежнему медлит в рассеянности. И тут Като уверенно забирает у него свою руку, достает флорин и, словно в насмешку над нерасторопностью сво-

его малорослого, заторможенного, несовершеннолетнего мальчика-мужа, мальчика-невежды, кладет золотой на ладонь попрошайке.

«У него еще нет своих денег», – комментирует Като и в довершение всего тепло похлопывает нищего по бородатой скуле. Тот довольно урчит.

А в это время Карл, в котором вместо крови теперь бурлит голубая ненависть, с ужасом спрашивает себя: «Неужели то, что произошло, непоправимо? Почему случилось так, что *это* моя жена?»

Вдруг Карл как наступит сапогом в лужицу! Брызги в лицо нищему и всему белому свету – видали!

8

Стрелки на башенных часах, первая, Бог свидетель, длиной в указующий перст, вторая – с людоедову зубочистку, огромные вблизи и немалые снизу, сложились в сапожок и озаглавили город совершенным L.

Идущие – он с невестой (с женой!), расфуфыренный, как весенний подалирий,²⁷ сумрачный в царственном обрамлении собольих покровов, облачко роскоши в авангарде роскошного облака, он и все вслед за ним – сделали еще один шаг прочь от церкви, раскрывая толпу, как нечто раскрывает нечто.

Невидимое ненавидимое лицо, рассеченное улыбкой всем и каждому: тебе, тебе и тебе, нищему, и так каждому нищему, скопом и отдельно, прокажено милостивым благоволением, воспрещено к созерцанию в настоящем, обращено в прошлое, в порок, в будущее, в измену.

Нетрудно догадаться, что герцогиня нищих улыбается своему верноподданому народу, пользуясь млечным флером во имя мелочного обмана. Но если она выше на голову, это еще не значит, что ей позволено водить за нос кого ни попадая, а главное – его, Карла, без двух минут герцога. А ведь на фаблию прошлого года отнюдь не двое и не трое были свидетелями, как он сорвал с этой башни один из грохочущих колоколов и размозжил им череп Морхульта²⁸ Ирландского, как он швырял камень на двенадцать долгих лиг и от каждой принцессы брал не по два и не по три надушенных платочка. Возможно ли спустить ей с рук такое предательство – давать деньги нищим, улыбаться нищим? Что потом – впустить к себе прокаженного?

Вот они с Екатериной возлежат, и вдруг новая война, он и отец седлают коней, берут в плен короля, возвращаются в Дижон, и что же? – замок наводнен немытыми попрошайками, чадом, тухлой кониной. Екатерина спускает в кости свою добродетель. Костлявая Като улыбается верноподлическому народу сквозь флер кухонного чада, а химеры нотр-дамского фриза хороводят у очага, степенно вышагивая под колокольный грохот – рыжий кузнец молотит по пустой наковальне, дин-дон, как он. И все оттого, что отцу и матери захотелось провести его от собора до ложа рядом с палками, замотанными в тряпье, рядом с тыквой, обернутой в кисею.

Идущие – дамы и рыцари, рука об руку, все сплошь дамы и рыцари, видит Бог, по парам, пара за парой выстраивались подле лужи.

9

Лужу не обойти. Не навести ли нам переправу, милейшие, во славу Господа и монсеньора Андрея святого?²⁹ Не настелить ли меховой мостик, чтобы по нему прыг-прыг-прыг на ту сто-

²⁷ *Подалирий* – крупная дневная бабочка с нарядным желто-черным окрасом и «хвостами» на задней паре крыльев.

²⁸ *Морхульт* – в романах о Тристане и Изольде ирландский король. Персонаж отрицательный.

²⁹ «...Во славу Господа и монсеньора Андрея святого?» – Имеется в виду Андрей Первозванный, один из двенадцати апостолов. Проповедовал христианство балканским и причерноморским народам. Распят по приказу римских властей на кресте,

рону лужи? Но соболя ведь не годятся для этого! Может быть, лодки, а на них положить соболей? Нет. Тогда пусть кургузнейшие Рыцари Золотых Деревьев подхватят на руки своих фей и перенесут их на ту сторону лужи, ведь все равно соболя уже замараны и ради такого случая можно будет справиться новые сапоги, коль старые недосуг будет чистить. Пусть подхватят.

Нет, Карл не хочет тащить на руках Като, Като из коробки, диковинное Като из табакерки. Пусть лучше кто-нибудь другой. Но тогда, выходит, не муж первым коснется жены своей, но кто? Не прекрасный Тристан, но нищий. Жену прекрасного Тристана перенесет на ту сторону лужи нищий. Вот хотя бы один из тех, что сейчас тянут руки к поживе, к распорядителю, ссущему медью и золотом. Пусть жену прекрасного Тристана перенесет нищий Тристан, любовник, плут и прелюбодей. А за это, за это награда ему – добрый дар в дар ему. Пожаловать землю этому молодчику! А если кто не захочет, а если Като не захочет? – захочет! А нет, так надо воспитывать покорность – вещам, подобно прочим лакеям, вменяется в обязанности добрая служба своим сеньорам. Запропавшая глиняная птичка, будучи застигнута в бегстве и поймана, подлежит молотку, непокорная пуговица – отторжению, неверная жена – прокаженному. Гранд-Луже – верный пес, в дар ему даму дай, добрый дар в дар ему, мой печальный Тристан.

Вот и она, королева нищих, оступившись, манерно ахнув, ожидая своего короля, всецело готовая отдаться двум вспоможествующим рукам прокаженного, двум серым проблескам в вихре рванья, может вечность пребывать Пизанской башней. Но! Гранд-Луже – верный пес – не зря раззявил подернутую рябью пасть и недаром, о! все глазают на них, оплетая их, да! любопытством, и граф Шароле щедрой рукой отсыпает страждущему катеринок. Более Пизанская башня, нежели сама Пизанская башня, Екатерина в лад колокольной вакханалии – прямо в грязь, прямо в грязь, дон-дин-дон, дин-динан.

Совершенство L разрушается, и вслед за Екатериной минутная стрелка начинает свое растянутое падение на стрелку часовую.

10

То был качественный скандал. Малолетний граф Шароле топит в ноябрьской луже свою жену Екатерину Французскую сразу после венчания! По таким событиям сохнут телетайпы, под такие придуманы первые полосы газет и глянцевого обложки женских журналов, именно к таким новостям тянутся трудящиеся, мусоля шоколадки дистанционного управления телевизорами.

Тем более удивительно, что скандал с Екатериной породил одни лишь разговоры. Комментируя действия молодого графа, Людовик (в будущем французский монарх Людовик XI), изредка симпатизировавший греческим демократиям, прибег к универсальному фольклорному штампу «от осины не родят апельсины», имея в виду герцога Филиппа.

Филипп, мрачно перебирая четки, предположил: «Может, это и к лучшему». И тут же обнародовал подозрение, что Вечный Мир с Францией неугоден Богу и недостижим по причинам, скрытым от смертных, и никакими женитьбами (которые между династиями как плановые вязки) положение не исправить. Поэтому можно сказать, добавила Изабелла в продолжение мысли супруга, что Карла вело Провидение, которое играючи опрокинуло в лужу самонадеянный франко-бургундский план породниться семьями на манер Монтекки и Капулетти и перестать воевать. Этот план по дерзости, пожалуй, был способен составить конкуренцию проекту поворота сибирских рек на юг.

«Ну ты зве-ерь!» – с неподдельным уважением сказал Карлу Луи, и его губы сложились во впечатленную тильду. Тронутый лестью Карл внезапно осознал, что не будет настоящим

имевшем форму буквы «Х». Отсюда и происходит Андреевский крест – символ, вошедший в эмблематику российского военного флота и герцогства Бургундия. Андрей Первозванный – святой патрон Бургундии.

зверем, если не аннексирует Луи в свое пожизненное пользование. Луи сделал вид, что раздумывает, хотя в душе торжествовал.

Любой торжествовал бы на его месте, ведь бургундский двор цвел гораздо шикарней, жил бесшабашней, а интриговал умеренней французского. Вообще, подвизаться при Великих герцогах Запада было и престижно, и хлебно. Не то, что в Париже. И еще (Луи доверил это «еще» только Изабелле, второй жене Карла) он предвидел, что, оставшись при Екатерине, из пажей скоро вырастет (как вырос из казаков-разбойников и дочек-матерей). И что как только под шерстяными облегающими штанами начнет биться сердце мужественного мужчины, его разжалуют в кухонную прислугу, чтобы не смущать невинность высочеств. И еще (об этом Луи и вовсе никому не заикался) потому, что его батюшка (которому он приходился бастардом³⁰) то и дело впадал при королевском дворе в немилость, из глубин которой, впрочем, всегда всплывал, но... короче говоря, вместо супруги Карл приобрел первого в своей биографии личного вассала (на полях: для юбилейной брошюры «Этапы большого пути»).

Кстати, Карлу было искренне жаль Като, и по этой причине он в ближайший год только и знал, что увиливать от обсуждения своей женитьбы. Потом многое забылось, а то, что осталось, было переработано памятью в полуфабрикаты, из которых потом получились «воспоминания». Из полноцветной трагедии под открытым небом женитьба на Като усохла до исцарапанной ч/б короткометражки, из фрески стала прорисью, из многологии – либретто оперы, которую никто никогда не поставит. Правда, еще не раз Карла сравнивали с Тристаном, и, всякий раз не находя оснований, сравнивали просто так, по привычке.

³⁰ *Бастард* – незаконнорожденный сын короля или герцога. В Средние Века не менее официальный титул, чем «князь» или «принц».

Глава 4

Мавританская танцовщица

1

1447 год обогатил противоречивую агиографию³¹ Карла двумя в разной степени фотогеничными, но одинаково значительными эпизодами. «Детской болезнью и дефлорацией», – конкретизировал наставник юного Карла Деций на 122-й странице своего труда.

Строкой ниже Деций, предтеча энциклопедического зуда лапидарной Реформации и поклонник безобидных филологических спекуляций, отмечал, что два этих события имеют общую заглавную букву. (Можно согласиться при условии, что мы будем полагать круп «детской болезнью», а термин «дефлорация» применять по отношению не только к девушкам, но и к юношам, что в равной степени и озорно, и смело, но пахнет пропагандой педерастии). Вслед за этим случайным наблюдением следовало глубокое обобщение. «Герцог и герцогиня плакали от счастья, когда Карл наконец-то выздоровел и поборол детскую болезнь. Но, право, они радовались не менее, когда доверенные лица сообщили, что отныне Карл принимает участие в исконно мужских забавах наравне с записными итальянскими жеребцами. Такова человеческая природа – радоваться всему без разбору, не различая события истинно важные (такие, как выздоровление после детской болезни) и мнимо важные (такие, как потеря девства)».

Шутки ради и Карл, и кто угодно другой мог бы посравнивать две эти биографические вешки между собой. Смерить их высоты, поспорить, какая значительней отозвалась в душе юного графа Шароле, какая сильнее повлияла на формирование той фиктивной субстанции, которую посредственные психологи и все подряд литературоведы называют «характером». Одним словом, пройти след-в-след за Децием. (Незадолго до своей глупой гибели он выдал нагора небесталанное повествование о детстве Карла Смелого, этакую «Карлопедию»³² – рукопись была уничтожена вместе со всем остальным во время революционного разорения Дижона в 1793 году. В ней Деций без видимых затруднений датировал конец детства Карла Смелого 1447 годом и, расцветив декабрьские утехы юного графа в последней главе, с легким сердцем завершил повествование афористичным «Вот и все»).

Но, *helas!*³³ После смерти Деция никому до детства Карла дела не было, а сам Карл нечасто искушал личную историю линейкой и штангенциркулем, когда возвращался в 1447 год. Обычно, правда, он возвращался туда по делам – чтобы вспомнить лицо, место, обстоятельства. Но «нечасто» и «никогда» – вещи разные. В честь этой тонкой разницы устроены не только страховые компании, но и литература.

2

В тот момент в бане находились: Франческо, Никколо, Бартоломео. Все как один мужчины, как один – флорентийцы. Франческо – толмач и писарь флорентийского посольства, поэт. Состоявшийся графоман с жемчужной душой теленка.

³¹ Агиография – в христианской традиции жизнеописание святого. Следует отметить, что любая позитивно окрашенная биография политического деятеля Средних Веков несет в себе черты агиографического подхода.

³² «Карлопедия» – «Воспитание Карла» (греч.). Название образовано по аналогии с «Киропедией» Ксенофонта.

³³ увы (фр.).

Он и сейчас пишет. Но отчего дрожит перо Франческо, скребет бумагу, брызжет чернилами и дрожит? Да оттого, что на его перодержательной руке висит камнем – утопляемому, а ему – приятной обузой, Лютеция, пародия на лютик, чайная роза во второй стадии расцвета, дева по гороскопу и так, существо продажное, но без достоевщины, трогательное, как чебурашка, и вдобавок говорящее. Не говорящее, правда, по-итальянски, но это пустяки! Во-первых, его нам заменит язык жестов, трам-пам-пам, красotka. Во-вторых, Франческо говорит по-французски. В принципе. Сейчас он нем.

Товарка Лютеции Франсуаза осуждающе глядит в затылок прилежному Франческо, затаившись у него за спиной – невиданное кощунство работать в бане. Лютеция нервничает.

На Франческо кальсоны, Никколо и Бартоломео без них. На лавке подле оконца они гоняют игральные кости, время от времени прикладываясь к рубиновой жидкости, которая плещется в оплетенной до пояса бутылки – такие задают вертикаль каждому второму бургундскому натюрморту. Бартоломео подолгу сосет бутылку и, отвалившись, каждый раз отдувается, сонно шурясь. Никколо прикладывается чаще и пьет тоже из ствола, скупыми гомеопатическими глотками. Все ясно, синьоры любят вино. А теперь скажите, как не заскучать двум честным девушкам, сиротам и розам, банщицам привилегированной спецбани имени первого Великого герцога Запада Филиппа Храброго?!

Высшая доблесть поэта – трубить ни о чем, пустословить, но делать это так, чтобы на авансцене рисовалось нечто возвышенное. Чтобы даже Марыванна, не отрывая зада от своего места на балконе третьего яруса, могла разглядеть ангелов и лестницу на небеса в свой театральный бинокль.

Высшая доблесть чиновника – даже о возвышенном писать так, чтобы его не упрекнули в пустословии. В этом отношении эталонен, наверное, отчет прокуратора Иудеи за 33 календарный год от Р.Х. Две этих доблести – два модуса письма. Они, словно норд и зюйд, делают географию буквенного мира описуемой. Франческо, пребывая на чужбине, повествовал своей любимой о любви к ней и к любимому городу, это очень замечательно, рафинированно прекрасно. Но Франческо – и поэт, и чиновник. Писать прозу, будучи чиновником и поэтом – как править квадригой³⁴ тянитолкаев. Пиши же, доблестный Франческо, и пусть пот градом стучит по бумаге.

3

Тело под действием пара. «Что это ты такое пишешь, миленький?» – интересуется Лютеция со всей представимой в походной канцелярии обольстительностью. Заворачивает пряжку за ушко, напоказ чистит перышки. Франческо неохотно отрывается от работы, поднимает на нее близорукие глаза, растирает пот по лицу и рассеяно сообщает: «Не твоего ума дело, милашка». Сообщает, впрочем, совершенно беззлобно. Франсуаза, чьим ушам тоже перепало учтивого хамства, глазами плюнув в затылок Франческо, устремляет сердце к иному обращению и отступает – простодушная, добросовестная и полнозапятная. Презирая Франческо, она уходит прочь, фривольно пританцовывая. Она направляется к Никколо и Бартоломео. У них, по крайней мере, алкоголь, доисторические анекдоты и игральные кости. Это ближе к делу. Между прочим, она честно отрабатывает свои денежки. Заплатили – работай!

Но увы, увы, Никколо и Бартоломео показательно игнорируют подкравшуюся Франсуазу. Что ж ей теперь – сесть задницей на эти крапленые кубики, чтобы привлечь к себе внимание? Ну уж нет, она будет просто стоять и дожидаться, когда господа поймут, что ее рабочий день подходит к середине, а когда он подойдет к концу, она сейчас же развернется, топнет ногой,

³⁴ *Квадрига* – колесница, запряженная четырьмя конями. Также – просто четверка тягловых животных (здесь – тянитолкаев).

потом хлопнет дверью – и отправится в оплачиваемый отпуск. Но подлость судьбы в том, что ждать этого «развернется» придется до первой зорьки. Франсуаза скрестила руки на груди и превратилась в статую.

Оскорбленная Лютеция также оставила Франческо в покое, села на лавку и горестно подперла голову ладонями. Ее желания просты, но противоречивы. Ей тоже очень хочется домой. Ей хочется отработать свои деньги, она так привыкла. Хочется писать. Хочется превратить это трехголовое флорентийское братство в хрустальное яйцо и размозжить его, затолкав в пасть к Щелкунчику. В самом деле, эти итальяшки какие-то недоделанные – один пишет, двое с костями вафлят бутылку, а тем временем девушки-розы, девушки-лютики томятся и млеют, девушки вздрагивают (даром что никто не замечает) в ожидании дела, в ожидании тела, струят млеко и соки нектарные с розовых ножек. И стебельков.

Все так скучно и плохо, что даже непонятно, что имели в виду, когда придумывали слово «разврат» и вводили соответствующие индульгенции.

Как вдруг: Франческо темпераментно откладывает перо (заметим – не отшвыривает, кладет или мечет). Перо нехотя перекатывается. Далее: изгоняет из своего поля зрения написанное, встает из-за стола, приобнимает скорбящую Лютецию за плечи и голосом, в котором кропотливость елется сочетается с фельдфебельской хрипотцой, командует: «А ну-ка, милашка, живо в постель!» «О-у», – жертвенно кивает Лютеция, ничего себе перепады давления, может взорваться манометр, и семенит туда, туда, подальше от бочек, исходящих испариной, бочек таких страшных, словно бочкарем был Неназываемый, словно рогатый банщик наполнил их смолой и серой, а не водой, словно это не бочки, а тренажеры, чтобы упражняться в визитах туда (палец указывает вниз, но не в смысле «нельзя помиловать», а под землю, в ад, в геенну). О Боже! Это в последний раз! – сквозняк из Хельхейма³⁵ разметал волосы на голове у Лютеции, и она клянется, она, честное слово, клянется, опускаясь на ложе с балдахином.

Лютеция уже сбросила платье на бретельках, она уже успела щелчком удалить с предплечья ипохондрического таракана и взбить подушку. А Франческо все еще плетется. Кальсоны с бульбами на коленях, бицепсы, не тронутые анаболиками, на груди пятно курчавой шерсти – издали кажется, что это грязь. Нет, в натуре, девочки, этот писарь дослужился бы до старшего матроса на корабле дураков! Он ни за что не снимет кальсон, пока не залезет под одеяло – они такие, эти итальяшки. И Лютеция побилась об заклад, сама с собой – снимет или нет?

Но Франческо тоже можно понять. Он и не думал возлечь на ложе продажном, дышащем прохладой и мелиссой, белеющем снежной горой в царстве пара, предбаннике преисподней, он – нет, он – ничуть, он не из тех, он не ложится со шляхами и уж давно не снимает перед ними ни кальсон, ни шляпы. Пусть вольная Флоренция от моря и до моря облобызает своего стыдливого сына. Он заслужил, он останется непричастен.

Лютеция, которая до всего этого еще не додумалась, в порядке инициативы кладет на живот Франческо ручку. «Не тронь, блудилище», – Франческо мягко, но решительно снимает ее руку. Лютеция не находит в этом ничего обидного. В ветхозаветном «блудилище» ей слышится что-то значительное, историческое. «Вот так и лежи, не мешай!» – с ловкостью медбрата он накрывает Лютецию одеялом и, пригрозив ей кулаком, возвращается к своим бургундским запискам. «Не иначе как самому королю пишет», – догадалась Лютеция в оправдание Франческо. Его женский кулак, его решимость, его податливая строгость ей импонировали. Она перевернулась на живот, чтобы все видеть. Она так и лежит, не смея послушаться. «Он занят. Пишет королю и поэтому не может пока лечь», – утешает себя Лютеция. Какому еще королю? – в пору спросить.

³⁵ Хельхейм – у скандинавов мир холода и смерти, ад.

4

Бартоломео и Никколо, плоть от плоти флорентийской, стучали костями в обществе Франсуазы, осененные ею словно духом Франции, о нет, не бывать Бургундии французской, словно духом Бургундии, словно душицей, мелиссой постельной, женщиной в цвету, музой игры, уст не отверзающей, молчаливой, красногубой, честные денежки. Она устала быть статуей, корой, кареатидой. Она пританцовывает на месте, хотя музыки не слышать, Франсуаза танцует, она гарцует, словно лошадка, застоявшаяся у коновязи.

«Понимаете ли, девушка, – виновато объясняет Николя, но та, разумеется, не понимает по-итальянски все эти *tutto-rogazzi*, – мы чувствуем, вам с нами скучно, но видите ли...» – Никколо с понятной досадой опускает глаза туда, куда уводит минетчицу пижонская дорожка, ах, ну да. Франсуаза аплодирует ресницами – от нее ускользают детали, но то, что об этом продолговатом предмете вообще зашел разговор – это она поняла и обрадовалась. Это уже прогресс, это шаг вперед, это без двух минут смена дискурса. А вдруг этот итальянский компот – прелюдия к долгожданному трам-пам-пам? Может быть, он сейчас заискивает: «Милашка, о роза, о красotka, не сердись, мы тебя уже почти хотим, а через минуту захотим по всем правилам, посмотри хоть сюда, ведь уже лучше, правда, гораздо лучше?»

Может и лучше. В смысле, может, у трупов и хуже. Но скажите, почему эти кретины невозмутимы как два комода, почему они говорят тарабарщину и пьют вино, вместо того чтобы делать то, за что они уже заплатили? Почему они просто сидят и глядят, как бьется ресница об ресницу, как твердеют ее соски, в то время как между ног у них – и это Франсуаза сразу с тоской отметила – между ног у них два недовольных зрителя, два пикуля, безнадежных, маринованных, сморщенных пикуля.

Франсуаза не понимает почему, ведь они оба такие молодые. Слава Богу, итальяшки тоже понимают, что это непорядок, значит, есть надежда. «Короче, подожди!» – подъелдыкивает Бартоломео. Франсуаза, которая поняла это так, что перед ней извиняются, сказала «Ничего!», но Никколо понял это «ничего» как нечто, обращенное персонально к нему – как упрек, как неоплаченный счет.

«Погодите, сейчас я вас развлеку, чтобы вы так не томились, а тем временем мы придем в соответствующее настроение», – пообещал обходительный Никколо. Он был секретарем посольства, начинающим негодциантом и любителем всяких пушечек, метательных машинок, механических механизмов, словом, смекалистым ребенком, который хорошо помнит мертвительную силу скуки. Сказал – и был таков. Лютеция видела, как он скрылся за занавесями в глубине бани и сосредоточенно там копался. «А мы пока выпьем», – предложил наскоро накидавшийся Бартоломео. Франсуаза не стала отказываться.

Бартоломео рассказал ей анекдот о глисте-солитере, который выглянул изо рта завтракающего хозяина, чтобы выразить свое недовольство. Хозяин, а точнее, партнер этого солитера только что выпил кофе, но почему-то отказался от ежеутренней сдобы. Вот глист и спрашивает: «А булочка где?»

Потом Бартоломео сообщил, что его фамилия Каза. В ходе всего рассказа Франсуаза преданно улыбалась, но то была улыбка всплывшей на поверхность Офелии. Бартоломео был вдвойне красноречив, когда знал, что его не понимают.

5

Довольно скоро Никколо возвратился, но что это у него в руках? Мамочки, мавританская шкатулка! Ох уж эти мавританские штучки! Никколо открывает ее («бр-рынь» – ото-звался замочек), богатый ящичек раскрывает зев вишневого испода и из нее, Ионой из китовой

утробы, выкатывается стройная, испанской спелости женщина. Механическая женщина. Вот они какие, эти розы во вкусе эксцентричной Испании! «Это – мавританская танцовщица», – делает открытие Франсуаза. Она про них слышала, когда была маленькой. Будто все мавританские танцовщицы когда-то были живыми девушками и женщинами, но чары коварных муэдринов навеки сделали их тела фарфоровыми, а волосы шелковыми. Ее, бывало, страшили, что если она будет баловаться, ее продадут в Мавританию, и тогда все. Никколо заводит шкатулку ажурным ключиком. Франсуаза очарована. Она уже простила Никколо все – и пикуль, и кости, и оплетенную бутылку. Все-таки они не такие козлы, какими кажутся с первого взгляда.

Танцовщица очень красива, она движется как живая. Она одета, но кажется, что обнажена. Танцовщица всегда обнажена. Она так стройна и так улыбчива! Если такие шкатулки распространятся в Дижоне, все честные девушки останутся без работы, в бани будут ходить раз в две недели, чтобы помыться, и куртуазную вселенную постигнет коллапс! Но ведь эта женщина не настоящая, осеняет Франсуазу, и она, растроганная, издает вздох облегчения. Шкатулка поет, фарфоровая женщина танцует, Никколо и Бартоломео экстатически вопят и прихлопывают в такт ладонями – о да! о да! о да! Эпистолирующий Франческо искоса поглядывает на шабаш с вежливым, ревнивым неодобрением. «Это, верно, его шкатулка!» – догадалась Лютеция, на этот раз действительно попав в точку.

6

Веселье в самом разгаре, и если это действительно самый разгар, то ничего скучнее измыслить невозможно. Окошко, у которого теснятся Карл и Луи, под самым потолком. Оно узкое, как бойница, тесное, как нора, высокое, как дупло, как черт бы побрал эту духотищу вместе с недоделанными итальяшками, которые платят шлюхам за безделье. «Надо же! – негодует Луи, – они поливают полыхающих неботаническим цветением в полном объеме женской добродетели девушек высокомерным презрением, гордостью импотентов. Зачем?»

«Но чем, о чем, о чем!» – отвечает-отпевает-отплясывает на последнем дыхании мавританская штучка из слоновой кости, из берцовой кости, ножка в сторону, ах, поворачивается медленно, медленно, ручка вверх, и выше всех устремляется указательный пальчик, завораживающе полунеподвижен в своем элегантнейшем круговращении, гипнотизирует! Танцовщица искристо скалится, Франсуаза скалится, итальяшки веселятся, – а заводец-то оканчивается.

Никколо протягивает Франсуазе шкатулку, подкрепляя свой жест улыбкой, по-итальянски означающей, должно быть: «Это вам, душа моя, поиграйтесь, пока суд да дело, а мы тут досоображаем в костишки». На козлячем же наречии все это звучит как: «Я, при-дурок, есть не говорить по-французски», – шепотом передразнивает Никколо Карл.

– Возьмите, возьмите! Ключик вот он где! – переводит его улыбку и жест подоспевший Франческо.

«Ах, возь-зьмить-те, возь-зьмить-те! Ключик-то вона где!» – переводит слова Франческо Луи, и ключик недвусмысленно выпирает из его штанов. Карл сглатывает смешинку.

– Благодарствуем! – принимает шкатулку солнечная от восторга Франсуаза и, прижав ее к животу, делает угловатое па, пол-оборота на одном стебельке, полшага к постели, где скучает в одиночестве Лютеция. Слоновое подражание костлявой девице. Будут скучать вдвоем. Нет, втроем, с танцовщицей.

«Исключительная штуковина!» – одними губами признается Карл, снедаемый черной завистью.

Спровадив девушек, Бартоломео возвращается к бутылки, Франческо – к письму, а Никколо – к костям.

7

Конец терпению. Последняя сцена положила конец их терпению, терпению Карла, да! И любопытству Луи. Любопытству, заведшему их тайными ободранными лестницами в укромное местечко под самой крышей бани, тихо дрейфующее сквозь ночь и клубы пара. В каморку непонятно кого – истопника? прислуги? В каморку крошечную, словно канарейкина клетка, даром что насрано, но птичка, видно, тут помещалась немаленькая, и любознательность была у нее в характере. Из любопытства она проклевала себе окно в баню, а потом продрала еще и лаз в ту же самую баню. Чтобы, посмотрев, потрогать, ибо сказано: «Что трогаю – тем и владею».

Конец терпению, и Карл, разворачиваясь на одной ножке, – о-ля-ля! – как заправская танцовщица на тупом острие пуанта, становится на четвереньки у устья лаза и нахально ползет в парной мир, где обижают Лютецию, гнушаются Франсуазой, где царит несправедливость. Луи лезет следом. Они обязаны быть там, рядом со слабыми девушками, они должны отнять бургундских принцесс у итальянских придурков, должны исполнить долг мужчин, они должны. От подобных модальностей в четырнадцать лет (а Карлу всего-навсего четырнадцать лет) в голове начинается парад планет, в смысле все мысли выстраиваются в одну линию, дальний край которой упирается в условную женскую фигуру, естественно, обнаженную.

8

Бочка, опрокинутая выпавшим из лаза вослед Карлу Луи, наделала едва ли не больше шума, чем выпущенная неуклюжими пальцами Франсуазы шкатулка, и не в пример больше, чем сама Франсуаза, этим обстоятельством изрядно испуганная. Все целы? Все. Никколо мигмом оказывается у ног Франсуазы. Лепеча лишённые магической силы, затертые итальянские проклятия, он поднимает шкатулку и осматривает ее при этом так, словно видит впервые, на деле же гораздо внимательнее: все-таки упала этак с пяти футов! Все целы. Тревога постепенно рассеивается и оставляет Никколо так же, как наемники оставляют крепость, в которую вломился неприятель, то есть быстро.

– Ага, попались! – первым нашелся Франческо.

Правда, он еще не признал в Карле Карла, графа Шароле (это произойдет на несколько минут позже). Для него это выглядит так: двое мальчиков виноваты в том, что это неосторожное блудилище уронило ценную вещь. Сейчас он задаст им трепку.

Лютеция нашла вторую.

– Он подглядывал, он, они, их там сколько?

9

В танце восемь: Франческо, Никколо, Бартоломео. И, да! И Карл! Ну а Луи, бычок Луи: «Черт меня побери, каковы красотки», – он-то болтает, ему член во рту не мешает болтать, а я твой сюзерен,³⁶ я – твоя денежка, чудовищем о двух спинах *Te Deum* поем *laudeatur-amur-murr*,³⁷ мелисса мурр. Также: Франсуаза – муза и зиза, Лютеция – зыблема сюзереном, неколебимо прекрасна. Париж, ебимый Дижоном, непобедимый – эмблематично.³⁸ Также: мавритан-

³⁶ Сюзерен – владетель крупной территории, голова над своими вассалами, герцог, король, князь. Здесь употребляется в значении «хозяин».

³⁷ Тебя, Бога, хвалим (лат. искаж.). Начало католической молитвы.

³⁸ «...Лютеция – зыблема сюзереном, неколебимо прекрасна. Париж, ебимый Дижоном, непобедимый – эмблематично». – Действительно эмблематично. Дело в том, что Лютеция – раннее, римское название Парижа. С другой стороны, на гербе

скими па трам-пам-па королева шкатулки – с нею же восемь, дамы и рыцари. Какова какофония, вкус дурен? А на кус недурен, не подделан, не мягок, да, не свинец, золотишко.

Уста разосперсты, отверзты, приемлют – мур-мур – нам претит болтать, мы поглощаем вас, вы поглощены нами. Там, где на отдалении видится большое, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, обнаруживается, обнаруживается – мур-мур – карта Страны Любви, о! – колыханье Омфала и волосатая тропка к нему.³⁹

Итальянцы, и при них позабытая цаца, и при них позабытые кости, наконец-то бежали общества дам и прочего общества, отгородившись от громко флиртующих парочек болтовней – мы вас как бы не замечаем, обходим вниманьем.

– Покажите письмо, Франческо.

Бартоломео Каза ленив и нелюбопытен, но радение, чтобы республика не претерпела ущерба, берет верх. Он давно подозревает магистра наречий в... в более чем всех смертных грехах. К тому же, он проиграл девять флоринов, не считая двенадцати, прилипших к дамским ручкам по настоянию того же Никколо – зачем? Зачем? Его монсеньор Шалтай-Болтай – пс-с-с. Пс-с-с – и все. Исключительно все. Он, видите ли, любит подглядывать.

Франческо отступает на шаг – против воли на шаг, таково естество существа.

– А-а, – это Лютеция.

– Э-э, – это Франческо. – Э-э, мое послание носит исключительно частный характер.

– Будет же направлено адресату за двадцать флоринов из моего кармана. То есть казны, разумеется, – Каза ядовит. – Письмо, извольте.

Никколо хоть и не любит подглядывать, глядит во все глаза. Карл молод, но крут. «Утопил жену-француженку прямо так, в чем была, в подвенечном платье», – шуршит вся Италия. А теперь вот еще раздраит эту Лютецию на две половинки. Представьте, синьоры: Лютеция-левая, Лютеция-правая. Лютик, чашечка, пестик.

Поведа плечом – извольте, мне не жалко – Франческо жестом кавалергарда-посыльного императорского театра подает письмо. Нет, театра не выйдет, не выйдет молодца-кавалергарда – он наг, даром что в кальсонах, наг, как Адам Пеннорожденный. Придется подойти к лавке, поклониться россыпи костей (Северная Корона в апрельском небе) и сунуть драгоценное письмо Бартоломео. Тот с миной заседателя верховного магистрата – он и вправду некогда (никогда?) был (не был?) кем-то в Совете Десяти – разворачивает письмо. Раз: осьмушка – в четверть. Два: четверть – в половинку. Три: целиком, цельное, целое!

10

Луи поет альбу⁴⁰ под оконцем мощной резвущки. О-ля-ля, оконце, в оконце лилейный цвет.

Луи, дурным голосом:

– О-ля-ля, каковы красотки!

Бартоломео читает.

– Можете вслух, – небрежно, протяжно, терять нечего, разрешает Франческо.

Парижа изображена ладья, колеблемая бурей, и начертан девиз: «Fluctuat nec mergitur» («Зыблема, но не потопима»). Каковые факты и доставляют семантическое пространство для каламбура.

³⁹ «...Колыханье Омфала и волосатая тропка к нему». – Омфалом в ранней Античности именовался жертвенный камень фаллической формы, служивший для отправления культов хтонических божеств. Заметим, что подобный *omphalos* имел место в дельфийском святилище и назывался «Пуп земли». Примечательно, что контексту комментируемой фразы удовлетворяют сразу два понимания Омфала – и пуп, и фаллос. Все зависит от того, в каком направлении пройти «волосатую тропку».

⁴⁰ *Альба* – «предрассветная песнь» в поэзии трубадуров. Альба – стихотворение, построенное в форме обращения поэта к своей возлюбленной, который сообщает о том, что уж алеет горизонт, и сменяется стража, и скоро вернется ее супруг, а потому пора расставаться, хотя это и печально весьма.

«Когда я думаю о Флоренции, то представляю себе дивно пахнувший город, похожий на венчик цветка: ведь ее называют городом лилий, а наш собор называется Санта Мария дель Фьоре».

Бартоломео, морщась:

– Что за жеманная ерунда?

Франческо, победительно:

– Читайте-читайте.

«Когда же я думаю о тебе, то представляю себе дивно пахнувший цветок, похожий на эдемскую лилию: ведь ты же называешь ее своей лилией, а мой собор – Сан-Марком дель Фьоре».

‘О – ‘о, наш Франческо, акула пера! дон-жуан! паровая машина желанья! Даже Никколо избрал его центром своего внимания, даже Никколо. А ведь, казалось бы, Карл и Луи – картинка куда как живее. Бартоломео посрамлен гением эротографии, растерян, но не отступает: все равно лишь пс-с-с, вся эта писанина – чисто для отвода глаз, и траты на девушек – тоже.

Никколо в восторге аплодирует младшему братцу: знай наших! Каза вы-ы-ынужден рассмеяться: ха-ха-ха, как мило. Франческо улыбается, Никколо хохочет, итальянская партия на банном приеме взрывается весельем, в веселье взвивается пламя над крышей бани, в щелях стропил перебегают язычки, язычки, тошный дым оборачивается вокруг балок, кровля летит искрами – салют господину небесному фейерверкеру!

11

В глазах шлюхина сына Луи, возведенных горе, блестят непристойные иероглифы, сложенные из чернеющих перекрытий; он ликует, поверженный ликующей Франсуазой, и в хлопьях опадающей сажи они ослепительно неотразимы, как некий юный рыцарь, что в том году спас чудотворную статую святого Бенигния⁴¹ из-под горящих сводов нашей часовни: выбежав, черный, словно Сатанаил, на свежий воздух, он упал без чувств, да его еще сверху придавило дородными статями святого мужа. Он пробыл два часа в мистическом экстазе, а потом отец хотел пожаловать ему, нет, я сейчас больше не буду, нет, слушай же! – достойный лен на юге, в Шароле. Но он, так и не открыв своего лица, ускакал прочь. И только тебе я могу довериться, если бы не уголек, упавший на папирусно-нежное плечо Лютеции, вскрикнувшей, испуганной, недовольной. *Ignis sanat*⁴² – успокоил бы ее Карл, если бы знал латынь, если бы не был сам перепуган до смерти. Огонь-то настоящий, словно сотни опаклеванных стрел из темноты, из ниоткуда, пробили стены и... тьфу ты, какая гадость – «опаклеванных». А итальянцы-то...

– Спасите! – прогремел Карл Смелый, Карл Мужчина.

Неистребимо ослепительный, Луи взбрыкнул под взмыленной Франсуазой, на коновязи – весьма и весьма далеко – заржали флорентийские кабыллицы. Каза обронил письмо, Франческо вздрогнул, Никколо поперхнулся смехом, опущенный дымом. В сон механической жрицы танца, сквозь изрезанную сурами⁴³ шкатулку, ворвался невоздержанный юноша и похитил ее прямо с ложа, заспанную газель, стыдливую луну, тень розы, монограмму капель росы. Лютеция-левая и Лютеция-правая вновь сошлись вместе, сомкнулись, лютик отходит к дремоте и, чтобы ему слаще спалось, приправленные слюною пальцы монсеньора Михаила, архистра-

⁴¹ *Бенигний* – святой католической церкви. Патрон Дижона.

⁴² Огонь излечивает (*лат.*). Из афоризма Гиппократ: «Чего не излечивают лекарства, излечивает железо, чего не излечивает железо, излечивает огонь».

⁴³ *Сура* – глава Корана.

тига,⁴⁴ большой и указательный, снимают пламя, увлекая за собой в небо извитый дымчатый вьюнок.

Чудо, шлюхи, чудо, жеманники.

Карл, не одевшись, не поцеловав в шейку свою королеву, не попрощавшись, прихватив лишь шкатулку, облеченный священным молчанием, удаляется.

«Надо было что-то сказать – что? Я женюсь на тебе в следующий раз?»

Так из итальянского кармана оплачивался самый что ни на есть низкосортный разврат при бургундском дворе.

12

«Однако, очевидное подтвердилось. В детском мире все осталось лежать как лежало. Все на своих местах. Шлюхи – работают, развратники – развратничают, баня – горит», – Карл высморкался, схаркнул гнойно-салатовую амебу и опрокинул пол-стакана пунша, над поверхностью которого клубился освобожденный спирт. Это для дезинфекции – после воспаления того же 1447 года его легкие представлялись ему двумя кульками, сшитыми из листьев кочанной капусты, которая перезимовала зиму-другую в овощехранилище сельхозкооперации, то есть вместилищем гнилым и ненадежным. Такую гниль необходимо обдать обжигающей жидкостью, ведь льют же в раны кипящее масло.

Тело струило почти уже печной жар, миндалины были как блокпосты на шоссе Грозный-Краснодар, Карл болел. Впрочем, умереть прямо сейчас, от простуды, он совершенно не боялся, потому что это было так же невероятно, как, например, начать сейчас ухаживать за Лютецией. Он уже обладал Лютецией, он уже один раз умирал от этого же самого. Дважды умирать с одним диагнозом мог, кажется, только Осирис. Тогда, в детстве, Карла обкладывали льдом с ног до головы. Он был похож на свежемороженого хека.

⁴⁴ *Архистратиг* (греч. «верховный военачальник») – архистратигом в христианской традиции называется архангел Михаил, предводитель небесного воинства, победоносный антагонист дьявола.

Глава 5

Фаблио 1451 года

Сверхзвуковая авиация превращает владение небом в фикцию.
В. Скопин⁴⁵

1

Мартин с изумлением обнаружил, что он, кажется, женат. Может быть, просто помолвлен. Он определенно старше себя теперешнего – лет на семь. На нем длинный-предлинный алый плащ с парчовым солнечным подбоем, он облачен в легкие доспехи, очень дорогие и прочные. У него прекрасный щит – какой-то белоснежный зверь (лось? козел?) на алом поле. Выходит, такой у него герб. Он во главе несметного войска, он вроде как коннетабль⁴⁶ Франции. Франции? Почему Франции? Он даже толком не говорит по-французски. Ну ладно, главное, что коннетабль.

Кажется, только что он победил врага – тот лежит задубелой раскорякой где-то за спиной. Если не лень, можно обернуться и посмотреть. Не важно кого – главное, что победил. Он знает, что ждет человека, который появится с минуты на минуту.

Поразительно холодно, губы стали пластмассовыми. Наверное, это Швеция. Или Москва. Он не узнает это место. Он здесь впервые. Холм, где сервирован щедрый вороний пир с преобладанием мясных блюд, взрывается человеческим криком – тевтоны, которых он сразу узнал по белым плащам с черными крестами, приветствуют кого-то кличем «Бургундия!». Но, кажется, он и тевтоны по разные стороны баррикад, и ему нисколько не жаль. Он молчит и напряженно всматривается в приближающуюся конную лаву. Сердце перестает колотиться, звуки исчезают – они не нужны, только мешают, потому что он наконец-то узнал того, кого ждал.

Вот лицо человека, к которому примерз его взгляд, приближается настолько, что он может его как следует разглядеть, впитать, как губка. Резко очерченные скулы, любимицы осторожных цирюльников. Полные, обветренные губы, которым непривычно пребывать плотно сжатыми, губы-растяпы. Правильный, но тяжелый нос. Не то чтобы жестокие, но чужие, озабоченные глаза, сам разрез глаз какой-то женственный, южный. Этот человек немолод, ему за сорок, каштановые волосы пополам с сединой. Он тоже в доспехах, пальцы железной перчатки сомкнуты на эфесе меча.

Но не успел Мартин что-то заключить, как его тело стало легким, будто было сделано из сливочного крема, а внутри все закипело, как в бутылки с теплым шампанским, и в голос заплакало, заныло плотским желанием. Мозг завелся, словно там квартировал пчелиный улей, который для бодрости sprays одколоном «Бодрость». Мучительно захотелось поднести этому человеку ящик сиреневых фиалок, рассказать миллион вещей, которые память припрятала для него одного, хотелось под любым предлогом взять его за руку, он помнит, что его руки горячи, как угли, взять и утащить в ближайший город, где есть гостиницы, где есть отдельные комнаты, где есть отдельные кровати, и море, море клопов, а потом все равно что – кокаин, эмиграция, операция, товарищеский суд, аутодафе или просто обоим отравиться крысиным ядом.

⁴⁵ Источник: журнал «Revue militaire suisse» («Швейцарское военное обозрение»), 1955. Цит. по В. Скопин, «Милитаризм». – М., 1956.

⁴⁶ *Коннетабль* (франц. connetable от позднелат. comes stabuli, начальник конюшен) – название должности главнокомандующего во французской армии в период с 1191 г. по 1627 г.

Мартин рывком сел на кровати. Отравиться крысиным ядом. Боже. Его комната похожа на закрытый белый гробик. Сундук, стул, кровать, распятие. Все. Тевтонская роскошь.

Грудь взмокла от пота. Простыня – тоже. Дядя Дитрих настаивает, чтобы он спал голым. По его мнению, только так должны спать настоящие мужчины, когда они не на войне. Опять же – тело дышит.

«Интересно, это сон в руку? Я действительно буду коннетаблем Франции?» – спросил себя Мартин, чтобы как-то отвлечься от человека, которому хотелось подарить ящик фиалок. Интересно, что сказал бы дядя Дитрих, если бы узнал, что мне сни... но тут его взгляд упал на размазанное бедром и развезенное вширь тяжестью тела белесое пятно, испортившее льняную непорочность постели. Густо, бархатно покрасневший Мартин поднял серые глаза на распятие и, сложив руки, зашептал: «Господи, сегодня я возжелал мужчи...» Но не успел он закончить, как на пороге возник дядя Дитрих.

– Молишься? Это хорошо. Впрочем, негоже обращаться к Господу, пребывая в языческой наготе.

– Виноват, дядя Дитрих. – Пунцовый Мартин бросился натягивать штаны.

– Ничего.

Но Дитрих не ушел, хотя в такую рань предпочитал восхищаться природой на конной прогулке, а не отчитывать домашних. Выждав, пока Мартин примет благообразный вид, Дитрих торжественным голосом сообщил:

– Сегодня вечером мы отправляемся в Дижон. Я получил приглашение от герцога Филиппа Доброго.

2

«Вы утверждаете, его зовут Мартином? Совсем молоденький!»

«Я видела, как Карл жонглирует яблоками. Впечатляет. Но я о другом. Мартин там тоже был. Глаза на мокром месте от обожания. Вдруг Карл оступился, вся композиция пошла коту под хвост, яблоки попадали и раскатились куда попало. Мартин тут же бросился собирать, но Карл на него ка-ак рывкнет! Собрал все сам и сильно был рассержен. Я сама видела».

«А этот Дитрих фон Хелленталь, он... отец? Ах, опекун! Ага. Мальчонка, значит, без отца, но с опекуном. Полагаю, он богат».

«Среди молодежи Мартин самый пылкий. Нательный крест у него червленого золота, так и пылает на солнце».

«Мартин всегда богато наряжен. По нужде выходит в берете, куртка застегнута на все застегжки, плащ с оловянной пряжкой в виде хищной птицы. Для такого сопляка это наглость, я считаю. Он как бы упрекает тех, кто живет просто. Стыдит серость. А может, дело в другом? Может, какая-то бабенка ему здесь приглянулась, и все эти старания для нее?»

3

– А Дижон далеко? – интересуется белокурый отпрыск худосочного, но, к счастью, небедного дворянского рода Остхофен, уроженец города Мец, и провожает взглядом перетекающую в хлыст руку взмыленного не меньше самих лошадей кучера. «Там», – отвечают ему. Что «там»? Он не спросил «где?», он всего лишь в десятый раз спросил «далеко ли?».

– А долго ехать?

– Еще пару дней. – Все тот же, в десятый раз все тот же ответ, нетерпение словно отнимает память и спустя час запиленная граммофонная игла возвращается на свою коронную борозду. «А скоро?» Скоро.

Вопреки неверию, краткому дождю, зубастым насекомым, несварению желудка и жуткой тряске, они все же доберутся туда. Рано или поздно. Скорее рано, ибо в первый раз, попирая приличия, все приезжают на фаблио немного раньше, чем следует.

4

Что будет происходить в Дижоне, понимали не все. «Там же будет весь свет!» – недоуменно таращится троюродная тетка Мартина в ответ на в общем-то не лишенный оснований вопрос своего племянника. С ее безукоризненной точки зрения в Дижоне будет происходить именно свет. Для нее «Дижон» совершенно и полно включает в себя весь немалый спектр значений слова «свет», начиная от огней Святого Эльма, через Александрийский маяк и пьяные фонарики веселых кварталов, через люстры и зеркала трапезной, такой большой, что там впору устраивать кавалерийский смотр, сквозь муравейник энциклопедических букв, предназначенных непосредственно для про-свещения невежества, вплоть до самого Люцифера. Вероятно, тот свет, который увидит она на смертном одре, будет представлен пышным черно-золотым герцогом Карлом, поднимающим кубок во здравие Людовика XI.

5

И вот Мартин и Дитрих фон Хелленталь, уполномоченный опекун, товарищ бывшего отца и игрец на арфе, прибыли в Дижон – пижонскую пристань галеонов⁴⁷ бургундской куртуазии.

Брюнетки поражали воображение Мартина своей многократностью. («Они везде есть», – поучал его словоохотливый чичисбей,⁴⁸ некто Оттохен). Блондинки – своим спесивым нарциссизмом, который находил себе оправдание в тотальном отсутствии перекиси водорода, но блондинок все равно не красил. Рыжие редко нравились, хотя вызывали половодье ботанических и скотоводческих ассоциаций – странный фрукт, горный цветок, редкий окрас, из той же оперы «пойдет на племя» и многозначительное окающее «порода». Цвет волос, по мнению Мартина, пользовался привилегией решающего голоса, председательствовал. Локоны Карла – каштановые, как листья каштана, перезимовавшие под снегом, но чуть-чуть темней – стегнули его по глазам как ветви и веточки, когда пробираешься через заросли средней полосы. Они сделали взгляд Мартина близоруким, дальтонирующим, а самого Мартина полуслепым, затурканным и нечестным.

Приметив бюст молодого Карла, выпроставшийся из-за позднеготической колонны, бюст, пылко жестикулирующий, втолковывающий кому-то вдогонку что-то запоздалое, но важное, Мартин натянул поводья, застыл конной статуей и уставился на молодого графа. Вот он – именно тот цвет, то сияние. Волосы Карла – инь-янь черного и каштанового – озадачили Мартина. Как именуется такая масть, как зовется этот...

– *Wer ist da?* (Что за прелестные волосы?!)

Дитрих фон Хелленталь, сердитый тевтонский мерзавец в маске родителя строгого, но благого, цыкнул на юношу по-французски:

– Мартин, поприветствуй же наконец Карла, молодого графа Шароле!

⁴⁷ Галеон – сравнительно крупный по понятиям позднего Средневековья парусный корабль.

⁴⁸ Чичисбей – в Италии эпохи Возрождения специальный человек, которого нанимал богатый, но занятой муж для того, чтобы тот привселюдно ухаживал за его супругой, восхвалял ее красоту и добродетели и давал ей понять, что она отнюдь не «вдова при живом муже». Услады иного рода контрактом обычно запрещались. Здесь чичисбей – ухажер за замужней дамой, чье волокитство носит демонстративный характер.

6

Девушки плетут из своих кос канаты для катапульт, когда город осажден и опоясан вражескими валами. Юноши бреют головы, когда у них на уме осада чужого города. Карл откинул с лица щедрую прядь. Катапульта выплюнула вишневую косточку, увесистую, словно колокол Сан-Марко дель Фьоре, бритоголовая дружина проорала победную тарабаршину. Мартин, отстукивая сердцем истерическую морзянку, выпалил на французском (который с того момента, как ему было дано осознать, что он и его лошадь топчут исконно франкскую пылищу, ухудшился, только ухудшился, оскудел и осип), точнее, процедил сквозь спазм на каком-то полуфранцузском:

– Здравствуйте, Карл, Вы очень хороши.

– Тю, – Карл выстрелил понимающим взглядом в недоуменные очи Луи, которому он только что объяснял, откуда деньги родятся.

Так все и началось.

7

Среди многочисленных гостей был некто по имени Альфонс Даре. Он приехал с опозданием – все уже успели устроиться, обжиться, поднадоесть Карлу и подустать от разнообразия. С Даре прибыла фура, груженная неизвестно чем, и юноша, которого он звал попеременно то сыном, то Марселем, и который был похож на него, как жеребец по кличке *Falco*⁴⁹ на сокола. Фуру бережно откатали на задворки, куда отправилась горстка любопытных, среди которых был, разумеется, и Мартин.

Граф Шароле изволили беседовать с господином Альфонсом, по одному извлекая из-под полотняного полога фуры различные предметы непонятного назначения: хламиды, расшитые элевсинской чертовней, шляпы, какие носят нарисованные сарацины, идолища с фальш-рубинами вместо глаз и прочее. Мартин издали наблюдал за тем, как появляются и исчезают в фуре вещи, делая вид, что шатается просто так. Считает звезды, высматривает жучков для коллекции, знакомится с окрестностями.

Юноша по имени Марсель отирался в непосредственной близости от Карла и Альфонса Даре, брал все, что брали они, смотрел на все, на что смотрели они, и явно был в курсе.

Когда господин Альфонс закопался в фуре, выставив наружу стоптанные подошвы сапог, Марсель предложил Карлу совершить экскурсию за угол, где якобы было утеряно важное нечто, которое не сыскалось. Таким образом Марсель уединился с Карлом, и они говорили несколько невыносимых минут. Тем же вечером во время импровизированного пикника Марсель преподнес Карлу душистую ветку черемухи. Весь следующий день юноша не показывался, зато сутки спустя он прилюдно попросил Карла позировать ему для портрета. Он, видите ли, художник. Мартин, никогда не державший в руках карандаша, был готов удавиться.

– Я не буду позировать специально, но ничто не мешает рисовать меня так, – рассудил с занятой миной Карл.

Нервическая пружина внутри Мартина ослабела на микроныютон. Это как на дыбе – когда из-под тебя убирают жаровню с углями, ты уже готов признать, что в этом лучшем из миров все к лучшему.

⁴⁹ Сокол (*ит.*).

8

В целом это была невыносимая неделя. Каждый день на прогулке Карл выбирал подходящую поляну, изъеденную кружевным дурманом цветущей черемухи. Марсель раскладывал свой станок, который был неуклюж и тяжел. Кстати сказать, кому-то всякий раз приходилось помогать донести этот станок до места. Добровольца назначал сам Карл. Доброволец всегда был не рад. Мартин так и не успел побывать добровольцем.

Шершавая кисть Марселя старательно облизывала холст. Холст все больше темнел. Прихоть Марселева дарования заключалась в том, чтобы двигаться от краев портрета к его центру, от фона к лицу, от флоры – к графу. Марсель был полон решимости вначале как следует изобразить то, чем Карл не является – колонной, листом черемухи или мухой, – а затем, полагал Марсель, будет гораздо легче изобразить, чем же Карл является. Своего рода стихийная апофатика.⁵⁰ «Что хорошо в литературе, дурно в живописи», – мечталось связать Мартину, но его, как назло, не спрашивали.

Лицо Карла – бескровное, цвета холста – оставалось в карандаше посередине. Кругом пестрел дополнительный план, который в детских описаниях портретов величают «остальным». Звезды, луны, травы, птички, змейки, лютни, прикорнувшие в уголке, загадили все, некуда было плюнуть. Остального прочего было так много, что не оставалось сомнений – Марсель всю жизнь рисовал одни декорации. Карл перемещался по поляне, описывая полукруги-полукружия; Марсель вторил ему перед мольбертом; Мартин, слившись со стволом ясеня, чувствовал себя Полканом на цепи, в то время как его взгляд любопытной сорокой парил над поляной, где творили живопись. Так Мартин подсматривал в холст.

Портрет продвигался к концу, неделя – к субботе. Мартин был близок к тому, чтобы отравить Марселя, перепилить струны на арфе дяди Дитриха и начать брать уроки рисования. А в воскресенье Марсель вместе с отцом исчез, ни с кем не попрощавшись.

9

– Как тебе понравился сынишка этого Даре? – вскрывая едва затянувшийся гнойник, спросил Дитрих. Кажется, уже в понедельник. Мартин буркнул: «Понравился». Впрочем, его ответ был безразличен Дитриху, всегда имевшему по любому поводу свое золотое мнение. Его старания быть образцовым воспитателем превращали всякий вопрос в риторический. Не важно, что спрашивать, лишь бы в итоге получалось наставление.

– Он уехал домой, обхаживать болезную матушку. Хороший мальчишка. Ты знал, что он пишет юного графа?

– Простите, а кто такой этот Даре? – Мартин стеснялся своего неприкрытого любопытства, от которого в иной момент воздержался бы. Дитрих, впрочем, не был склонен видеть тут что-либо предосудительное:

– Альфонс Даре – мастер из Арля, он привез с собой какие-то штуки, декорации и фокусы. Среди прочего, представь, есть, по слухам, даже невидимая веревка. И все это, включая веревку, совершенно необходимо для фаблио. Каково?

⁵⁰ *Апофатика* – тип рассуждения (как правило, теологического), в котором осуществляется сознательный отказ от ответа на вопрос «Что есть рассматриваемый (исследуемый) предмет?», а истина постигается через ответ на вопрос «Что не есть рассматриваемый предмет?»

10

Как-то Мартину пришлось прослушать длинную дидактическую читку с экземплярами⁵¹ – краем уха, как и все, что говорилось Дитрихом, – о некоем обычае, бытующем в землях язычников. О предметных письмах. Когда кто-то заинтересован в передаче сообщения и не умеет либо не желает воспользоваться принадлежностями для букворождения, он шлет письмо, собранное из предметов. Заворачивает в красивый платок голубиное перо, два кардамоновых орешка и медную монету, а затем поручает посыльному доставить многозначительный сверток адресату. Это значит: «В два возле голубятни – за мной должок».

Получается очень выгодно – и адресат, и корреспондент в случае чего имеют возможность оспорить свою причастность к переписке, отстраниться от сообщения. Иными словами, предметное письмо – густые кущи, где всегда может скрыться струсивший или сомневающийся. Истинный податель письма в случае чего – недоказуемый податель. Тот, кто получил, в случае чего – несообразительный либо вообще ничего такого не получавший простак: платок сторел на углях, перо пущено по ветру, орешки разгрызены и выплюнуты, грош брошен нищему. Никакой графологии, никаких уличающих бумажек – разъединенные предметы перестают значить, сообщать, существовать как письмо.

«В самом деле, какая это замечательная придумка, – размышлял Мартин, – для тех, кто таится». Так исподволь Мартин попал в плен предметной идеи послать Карлу сокола.

11

Представляя себе вероятный разговор с Карлом, который обязательно произойдет, Мартин всякий раз норовил направить его в то наперед выхоленное русло, где собеседника уже ожидает какая-нибудь заранее заготовленная и офранцузенная умность. Делая так, он тешил себя мыслью, что не просто фантазирует, но, подобно великим стратегам, просчитывает ход сражения, расставляет войска и устраивает засады.

12

Выбирать ловчих птиц, равно как и все остальное, Мартин толком не умел. Необходимость скрывать намерения делала Дитриха плохим советчиком. Сама идея представлялась Мартину то дурной, то доброй, но отказываться от столь эффектного послания не хотелось.

Можно было, конечно, послать «как бы сокола» – рисунок, статуэтку, камео, но ведь предмет, тем более один, должен говорить о предмете письма по всем канонам красноречия. Тогда понятно, что единственно живой сокол – прожорливый, вертлявый, способный к полету – может быть уподоблен всепоглощающей страсти, плохо запрятанной любовной горячке, очень даже рациональному иррациональному влечению «быть с», а не просто так – «быть, и все». Безобразный и старый виллан,⁵² добывший для Мартина птицу, получил сполна – пожалованного «болезненным немецким барчуком» доставало на покупку телушки и четвертушки.

⁵¹ *Экземплы* (от лат. *exempla*, пример) – поучительные истории, притчи, басни (порою довольно забавные, но в целом весьма скучные), на которых в соответствии с римской поговоркой *exempla docent* («примеры учат») в Средние Века строились проповеди для мирян и обучение приходских священников.

⁵² *Виллан* – крестьянин, деревенщина, мужлан. В устах дворянина «виллан» – слово практически всегда ругательное.

13

Добрая половина дня впереди. Разомлевшие гости коротают полуденную сиесту, сидя за неубранным столом, во главе которого Филипп, Филипп Добрый, Филипп Уставший. Еду больше не подают, но, напротив, время от времени уносят лишнее. Грязные тарелки сменяются чистыми, приглашающими себя запачкать. Эта смена не возбуждает аппетит, но уменьшает тошноту. Граф Сен-Поль подливает себе вина, бокал полон на четверть, потом на половину, на три четверти. Дитрих с интересом косится на него. Сколько эти бургунды могут выпить и не лопнуть? Два литра? Три литра? За окном, у конюшни, Филиппов лоботряс Карл бьет баклуши. С Карлом – водимая им молодежь. Среди молодежи – Мартин.

14

Все утро Карл водил молодежь по конюшням. Наверное, так келарь⁵³ показывает молодым послушникам винные погреба – сироп из гордости и смущения.

Два брата – молодые Эннекены – хлопали породистых лошадок по крупам и угощали их ситным калачом, остальные насмехались. Самый младший, десятилетний, сопливый Русси, перепачкался с ног до головы навозом, и это тоже вызвало смех. Мартин был настойчиво немногословен и сдержан, словно римская карикатура на идеального спартамца. Он очень опасался испортить все равно чем торжественность предвкушаемого дарения или спугнуть глупым словом что-то, отвечающее в мире за счастье и за благосклонность лесных фей, красивых и всеми обожаемых людей, маленьких девочек и мальчиков. Сокол был в клетке, клетка в дырявом мешке, все это купно – на хранении у конюха.

От ненаблюдательного Карла не укрылся, однако, тот наэлектризованный неуют, который исходил от Мартина, погруженного в свои похвальные, но непонятные Карлу старания. Он без обиняков спросил у трепещущего от близости юноши, так ли скверно у него на душе, как это может представиться, если присмотреться к его фиолетовой роже. «*Nein*. Вовсе наоборот! *Alles in Ordnung!*»⁵⁴ – вспыхнул Мартин, готовый к откровениям любой тяжести. Поразмыслив еще, он даже улыбнулся «фиолетовой роже», ничуть не обидной. Он же слышал, он знает, что в Дижоне вовсе не такой пуризм, как в его родном Меце.

Заскучавший Карл отвернулся. В ответе юного отпрыска не было на его взгляд ничего, кроме невежливо онемеченного словотворения. Он-то сам немецкого не знает и знать не хочет. Да и вообще: ты ему участливое слово, а он тебе за это тарабарское слово, по смыслу что-то вроде «Да не цепляйся ты ко мне, пожалуйста!». Вот оно – пресловутое немецкое высокомерие. Очень охота разбираться, можно подумать, отчего у этого Мартина чего. Да чего у него может быть в пятнадцать лет? Любимый песик околел? Или там добренький хомячок отправился в Страну Обильной Еды? Или, может, противный дядька Дитрих запер Овидия на ключ и сказал, что если будешь и дальше коротать вечера за срамотищей, не видать тебе библиотеки как своих ушей? В общем, Мартин был вымаран из списка собеседников.

Заливаясь соловьем о седельных луках, слабых подпругах, выходящих из моды наглазниках и входящих в моду цельножелезных чепраках, Карл наслаждался своей добродетельной чуткостью, снисходительностью, способностью нравиться – в конце концов, Мартин определенно им восхищается, и это приятно. Хотя из списка собеседников он вымаран, да.

⁵³ Келарь – монах, заведующий монастырскими едой и напитками.

⁵⁴ Нет... Все в порядке (нем.).

15

Когда позвали к обеду, стоя молодых карасиков и самый большой карась, Карл, умерили интерес к сбруе и копытным, засуетились, засобирались. Не успевший оробеть Мартин приблизился к Карлу. Так индианка приближается к алтарю с ароматами и гирляндой. «Монсеньор, вы не могли бы задержаться здесь со мной на недолго?» – эту фразу Мартин фанатично репетировал полночи и, тем не менее, смазал конец.

Карл, отмечая про себя удивительное отсутствие чувства голода, согласился. «Мы вас догоним, мне необходимо переговорить с Мартином», – объяснил Карл своей молодой пастве, разувшей глаза завистливые, непонимающие. «Валите-валите!» – крикнул в нерешительные спины граф Шароле, непонятно зачем интригующий малышню, подливающий масла в огонь недоумения.

«Что там у вас, Мартин?» – справился Карл и повалился в сено. Он приготовился к повести о безвременной гибели злосчастного хомячка и уже заранее настроился внимать с тем выражением лица, которое было у святой Бригитты на одном образке. Ему было даже чуть-чуть интересно. Он скажет в утешение, что для всякой твари забронирована конура в зверином рае. Немец, правда, скорее всего не поверит.

– Я всего лишь хотел поднести вам в подарок вот эту птицу, – едва ворочая сухим языком, сказал Мартин, стащил мешок и передал клетку Карлу – возлежащему, всебезразличному.

– Ух ты! – Карл вскочил, весь – закипающая молодецкая удаль, весь – пружина. – Ух ты, какой красавец! – он уже почти не помнил о присутствии Мартина, о его занудстве, о его доставучем немецком. Он зачарованно постучал по клетке пальцем, сокол попытался расправить крылья. – Спасибо, Мартин.

– *Es ist sehr wenig!*⁵⁵ – Мартин испугался этого всплеска ненаигранной заинтересованности, квинтэссенции сюрприза и, не сумев совладать с испугом, снова заговорил на том языке, на котором ему предстоит отпираться на Страшном Суде.

– *Vielen Dank!*⁵⁶ – слюбезничал Карл, снизойдя до редкого делегата из немецкого словаря, забитого-таки наставником Децием в его голову, и погладил юношу по безбородой, бескровной, безумной, возносящейся щеке, скользнув указательным пальцем по доверчиво распахнутым губам и чиркнув ребром ладони по белому локону. И все это – не отрывая взгляда от сокола. Птица всецело завладела вниманием Карла, кажется, надолго. Он, честное слово, хотел похлопать Мартина по плечу, но рассеянная рука заблудилась, сбилась с пути, промахнулась и ненароком благословила, нечаянно осчастливила.

– Спасибо! – швырнул через плечо Карл, затворяя ногой дверь конюшни. Таким образом, вся процедура дарения заняла не более шести минут.

16

На анонсированном обеде ни Карла, ни Мартина не было. Молодой граф тетешкался с живой игрушкой в своих покоях, откусывая наугад от хлебного ломтя с куском окорока. Мартин вкушал блаженство неожиданности на поляне среди знойного аромата земляничных листов и шмелей, першеронами пересекавших абрис соборных шпилей Нотр-Дам де Дижон. Надо же! Всего за шесть минут он успел разжиться крохотной вечностью.

⁵⁵ Это же очень мало! (нем.)

⁵⁶ Большое спасибо! (нем.)

17

«И ты забудешь все это как кошмарный сон». Почему так говорят? Правильнее было бы так: «Ты будешь помнить это как кошмарный сон». Или это: «Я еще поверил бы, если бы...» – так любит начинать Луи. Как странно думать, что если ты не можешь поверить сейчас, то сможешь поверить после, когда сложатся для этого благоприятные условия. Ведь очевидно, что вера и обстоятельства не состоят в близком родстве, всего-то шапочно знакомы. Карл вышел по нужде и заодно попить. Ничто так не отрадно душе, как стакан воды после кошмара. А потом – на свежий воздух. Вначале промыть потроха, а затем проветрить.

Вот он выходит и стоит на балконе, вдыхая кусками майскую ночь. Сплевывает вниз, плетется в уборную.

Два голоса, доносящиеся оттуда, опознаны Карлом как принадлежащие братьям Эннекемам – неразлучным засранцам. Карл не то чтобы крадется, но идет гепардом, дабы не наступить на швабру. Карл собран, не дышит, не пылит дорога, не дрожат листья. Подожди немного, *ruhest du auch*.⁵⁷

Немецкий – Мартин – сокол от Мартина – вернуться и задать ему корму. Мысль слегка поугагать этих недоделанных Эннекемов показалась Карлу не такой уж дурацкой – напротив, взбодрила и развеселила. Спрятаться возле уборной и с чувством повить – больше ничего не требуется для ее воплощения, в этом-то и прелесть забавы. А после ждуть в кустах, когда они выскочат оттуда, творя молитвы и осеняя все и вся крестным знаменем. Побегут, спотыкаясь, в свою спальню, к другим мальчикам – расскажут по секрету и будут психовать дуэтом.

«Успеть бы сотворить молитву Господу и трижды осенить крестом нечистого». Помнится, так. Энергия кошмара, застопорившаяся в теле Карла, требовала сублимации – в виде кошмар-водевиля для недорослей Эннекемов.

Карл устроился в кустах близ уборной. Затаился на корточках. Со стороны это еще как смотрится! Молодой граф Шароле – в будущем по меньшей мере герцог, а может и король – в засаде. Среди ветвей и отголосков смрада, одной ногой в муравейнике, на околице нужника. Шпион-вервольф. Нинзя-черепашка – как выразились бы те же Эннекемы пятью веками позже.

Куда им азы фехтования, какие им конюшни! Им еще пасочки печь в песочницах. Взрослее, чем в восемнадцать, Карл не ощущал себя никогда после.

18

Устроился. Теперь нужно дожидаться удобной паузы в разговоре и предаться зловещему вою, сложив ладони бочонком. Причем сделать это побыстрее – все-таки зябко. Ага. Обсуждают фаблю.

– ...Думаю, самый смак будет как раз когда фаблю закончится. Все налижут и разберутся по сеновалам, все твари по паре или кто как устроится. Сен-Поль, слышал? Водит шашни с этой Лютецией, – просвещал младшего старший Эннекен.

– С какой еще Лютецией?

– С той, которую Мартин обозвал сундучкой.

– Это тот Мартин, немец?

– Тот самый – любимчик Карла. Вот увидишь, после фаблю Сен-Поль с Лютецией, ручки крендельком, пойдут налево – скажут, прогуляться, а Карл с Мартином в обнимочку – направо; тоже что-нибудь наврут.

⁵⁷ Отдохнешь и ты (нем.). Из стихотворения Гёте «Wandrer's Nachtlied».

– Да ну! – Карл словно видел сквозь стену, как младший таращится на брата, определяя где север, а где юг, или недоверчиво, а может, близоруко щурится, отыскивая в очке гальюна стрелку компаса.

– Точно говорю. В Дижоне все такие. Бабы уже никого не интересуют. Я сам видел, как они с графом миловались в конюшне, помнишь? И на обеде их потом не было.

– Не верю! – стойчески оборонял свою мировоззренческую целомудренность младший.

– Ну и дурак! – старший Эннекен, как и всякий Мефистофель, был жестоко уязвлен недоверием.

Единоутробные товарищи, составив счастливый бинарий – фантазерство и здравый смысл, ложь и правда, интересное-неинтересное – вышли из строения посвежевшие и готовые смотреть сто вторую серию своих сновидческих сериалов, а Карл так и остался сидеть в кустах – охреневший, растирающий руками предплечья рыцарь в гусиной коже.

19

«Buenos noches, добрый вечер, сынок!

Сквернейший вечер, если говорить правду. Верный нам синьор Мигель дель Пазо любезно согласился быть моим ave de paso (почтовым голубем) и, значит, передаст тебе мое письмо во что бы то ни стало – он человек слова. (Если ты читаешь это, значит он не соврал.) Моя жизнь здесь среди песен melodioso, из которых у моих компаньонов лучшие всего выходит о любви к Господу, была бы хороша, если бы не мигрень. (Нынче на здоровье в письмах не жалуется только ленивый.)

В прошлый раз я уже описывала тебе все – крючковатый нос нашей настоятельницы, мигрень и здешнюю кухню. Вроде бы ты еще не ответил мне. Впрочем, это не странно – у тебя, полагаю, столько хлопот, сколько новых людей в Дижоне. Сеньор Меццо, которого твой отец совершенно, на мой взгляд, незаслуженно назвал в моем присутствии chivo и castrado (козлом и кастратом), что несколько антиномично, навещал меня в этой обители всего угодно Господу и рассказывал о том, с каким всеобщим рвением готовится грандиозное фаблио о Роланде. Мечтаю увидеть, точнее, мечтала бы увидеть это действо, где ты, мой повзрослевший, лучшие всех.

К слову, теперь уже можно открыться, мы с твоим отцом до недавнего времени были не на шутку обеспокоены, и вот чем: ты казался нам несколько более ребенком, чем то пристало юноше твоих годов – ты всегда сторонился женщин, шумных сборищ, развитых сверстников. Теперь, к счастью, нет поводов тревожиться о твоей инфантильности, но появились другие. Бог с ними. Однако прошу тебя, сынок, сохраняй в тайне все, что касается этого chico, тичасчо, реуепо (мальчика, мальчика, мальчика). Здесь, в Компостела, такое относят к большим грехам (сорок флоринов), в Кордове хуже – уличенных предадут колесованию. Впрочем, ты не в Испании.

Не оставляю надежд повидать тебя. Молюсь за тебя, люблю. Adios!»

20

Мать никогда не подписывала эпистулы,⁵⁸ адресованные близким. Твой адресат узнает тебя по первым словам. Для этого ему не нужен автограф.

Иное дело читающие из любопытства – якобы случайно увидел на столе, когда хозяин стола в отлучке, якобы подумал, что ему, якобы прочел только заглавное обращение и все такое прочее. Вот для таких существуют подписи. Кроме всего, подписи как бы заявляют о признании читателя-воришки, того, кто не узнает корреспондента по почерку. Матушка Изабелла не желала подписываться. Для нее это было жестом презрения к постороннему.

Монастырь Сантьяго-де-Компостела был достаточно далек, чтобы полагать его каким-то затридевятьземельным, но и достаточно близок, чтобы письма приходили часто. Карл свернул письмо в трубочку. Развернул в парус. Согнул вчетверо. Сослал в потайной ящик. На дно самого потайного из ящиков, куда можно получить доступ лишь в сновидческом угаре.

Чернила, пожираемые пламенем эпистолярного аутодафе, химически воняли. Карл закашлялся.

21

Сен-Поль, Дитрих, вечер. Из дома Юпитера в дом Марса проносится падающая звезда.

– Я не понимаю. Настоящий мужчина рождается с мечом и Евангелием в руках. Настоящий мужчина живет с мечом и Евангелием в руках. Мой прадед умер с мечом и Евангелием в Святой Земле, мой дед умер с мечом и Евангелием в Пруссии...

Сен-Поль, замороженный убедительным тевтонским рокотом, мерно покачивает головой – девяносто пятое согласие, девяносто шестое согласие, на тебе держится вся Священная Римская империя, твой отец подпирает небосвод за страной гипербореев, твой дед произошел из серебряной серьги твоей прабабки...

– У вас не так. Ученость, вежество, богохульство. Войной ведают лучники, бомбардиры и инженеры, на проповедях болтают о Тристане.

Сен-Полю скучно. Нераспечатанное письмо от Лютеции стучит в его сердце, вызывая к прочтению.

– Только законы приличия, которые особо строги к гостям, удерживают меня от резких шагов. Мой Мартин, доселе благоразумно полагавший в женщинах дьяволиц, вчера так смотрел на прислужницу, вашу, прошу извинения, Франквазу, что небеса пунцовели от стыда, оскорбленные. В Меце он никогда не позволял себе так, хотя наша Гретхен ничем не хуже.

Сен-Поль, словно китайский болванчик, кивнул еще раз. Вчера Мартин *так* смотрел *сквозь* прислужницу, ибо вездесущий абрис ее задницы то и дело застил ему экспозицию Карла. С некоторых пор прислужницы модны в Бургундии стеклянными.

22

«Из всех фрустраций важнейшей для нас является любовь».

До жеребьевки оставалось около часа. Мартин, напряженный, как и все немецкое, вышедшее за опушку Герцинского леса,⁵⁹ напряженный, как мировое яйцо в момент «минус ноль»,

⁵⁸ *эпистула* (лат. *epistula*) – письмо.

⁵⁹ *Герцинский лес* – огромный девственный лес, простиравшийся в античности между Рейном и Дунаем. В Герцинском лесу обитали многочисленные германские племена.

напряженный, как дверь в ожидании заговорщического стука, методически перелистывал страницы, силясь найти потерянное.

Карл говорил: «Бургундское фаблио мягко только на языке, на деле же это не так». Почему фаблио? Почему это слово, подслащенное соком сицилийских смоков, тающее леденцом, дремотное, почему не ристалище, не игры, не противоборение? Карл сам же ответил: «Дристаллище – не про бургундов», и ослепительный след, оставленный весельем, начисто выжег в памяти, почему не игры и почему не противоборение.

Карл говорил: «Наше фаблио лучше охоты. На охоте триста лиг гонишь единорога, и во всей округе, как назло, ни одной девственницы. На охоте стреле удобно метить в перепела, а воткнуться в перья на вашей шляпе. Охота хуже турнира».

Когда поили коней, Карл исчез в зарослях жимолости и возвратился только когда двое его братьев-бастардов, уверившись, что граф исчез навсегда, уже успели поделить герцогство на Антуанию и Бодуэнию. Карл назначил им полную ночь караула, пароль «Карл – герцог» и, преступив границы мирской власти, по пятьсот отченашей на каждого выблядка; затем продолжал: «Визиволлен, наше фаблио отнюдь не свальный турнир. Да, есть сходство с тем, что немцы называют „бугурт“.⁶⁰ Но на турнире Морхульт может сразить Ланселота,⁶¹ а может Ланселот Морхульт, и ничто не предначертано. У нас же если сказано, что Роланд сразит дюжину сарацинских эмиров, значит уж сразит так, что обломки копий достигнут небес и падут к ногам святого Петра, а дамы не просохнут и к обеду».

Что, такая кровяница? Или грязь? Или такое что? «Такое наше фаблио», – таинственно подмигивал граф, брахман среди париев, я бы стал браслетом на его запястье, златым агнцем на его лебединой вые.

«И если сказано, что Роланд падет на бранном поле, а его душа отлетит в объятия Святого Петра, значит уж падет, как Ерихон, и отлетит, как Фаэтон, хотя, ставлю эку, никто из вас о таком и не слыхивал». Честно отдав эку просвещенному племяннику архиепископа Льежского, Карл ответил: «Да, без дураков. Отлетит. Кто-то из вас отлично прокатится. (Что, правда? А как же, ведь душа?) Кто-то прокатится, а другие будут петь псалмы, а третьи походят вслед за баронами с амуницией и побегают с любовными записочками, а четвертые поскучают в невольниках – все решит жеребьевка. Но это не главное. Три дня – под открытым небом, в шатрах, паланкинах, фурах, раззолоченных клетках, под кустами, в седле и пешком – все будут жить законами „Истории о пылком рыцаре Роланде и его славном Дюрандале, Марсили, эмире Сарагосском, злонаветном Ганелоне и гибели сарацинов при соответственной экзекуции их поганых божеств, или О трубном гласе Олифана“.

Вопросы поглотились варевом всеобщей и конечной неясности. Карл встретил тишину встречным улыбчивым молчанием. Наконец: «Но и это не главное». Пр продемонстрировав внутренность небольшой торбы, где копошились изумрудные жуки, граф торжественно провозгласил: «Прошу не забывать, на фаблио будут все дамы Дижона!»

Со страницы, засеянной семьдесят четвертым псалмом (Не погуби. Псалом Асафа. Песнь),⁶² на Мартина зыркнул правым и единственным оком сокол, облюбовавший куст орешника.

⁶⁰ *Бугурт* (нем. buhurt) – род рыцарских состязаний, в котором противники, вооруженные только копьем и мечом, выступают друг против друга на конях отрядами (в отличие от более распространенных на турнирах боев один на один).

⁶¹ *Ланселот* – один из рыцарей Круглого Стола. В Средние Века имя Ланселота наряду с другими рыцарями (Гэлэхэд, Персеваль, Артур, Тристан) стало нарицательным и означивало куртуазный идеал воителя (несмотря на то, что Ланселот по существу предал Артура, своего короля, наставив ему рога вместе с его супругой Гвиневрой).

⁶² «...*Не погуби. Псалом Асафа. Песнь...*» Приводим наиболее значимый отрывок: 5 Говорю безумствующим: «не безумствуйте», и нечестивым: «не поднимайте рога, 6 Не поднимайте высоко рога вашего, не говорите жестоковийно».

23

– Если хотите знать мое мнение, оно таково. Монтенуа нам не подходит – склоны крутотаты, да и не избежать трений с епископом. Мельничная гора излишне высока, терновые заросли на ее склонах слишком густы, и там никто ничего не разглядит. Лучше холма Святого Бенигния на Общественных Полях ничего не сыщешь. Отличный обзор, живописные дубы, удобные подходы. Кстати, через дубы и протянем... Вы согласны?

– Да, мой граф.

24

Карл упал на кровать, закинул руки за голову, цокнул языком. Сегодня я был более чем внятен. Как андреевский крест. Ш-ших-ш-ших, в два смелых и уверенных взмаха ножа, какими вскрывают гнойники в бубонную чуму. Все оттого, что рядом не было Луи, при Луи не выходит говорить как Луи, а это очень удобно, словно бы не по-французски. Единственно, забыл намекнуть на странность нашего фаблио. А ведь и правда, странное дело – на фаблио всегда ровно одно недоразумение, ровно одна пропажа. Как в том году уперли Святой Грааль, а на первом Изольда понесла не поймешь от кого. На то и фаблио.

25

Развернув письмо, Сен-Поль сразу же узнал полуграмотную руку Лютении. Быстро пробежал по строкам, по строкам, мимо «нашей любви» и «служения искусству», в поисках времени и места, предпочитая числа словам. Ни X, ни V, ни кола. Уже в постскриптуме, прочитанном только со второго, более прилежного захода, значилось: «Когда наш паладин испустит дух, на холме Монтенуа».

26

Дитриху фон Хелленталь не повезло – по жребию ему выпало быть злонаветным Ганелоном, главным предателем великофранцузских интересов среди рыцарей Карла Великого. Но не поэтому – о нет! – Дитрих пребывал в состоянии музицирующей гневливости. Тевтон удручался кощунственной ролью, которая досталась его подопечному. Мартин – душа Ролянда, подумать только! Со всем согласная арфа печально откликалась третьим «ля».

27

Его подкараулили, когда шли к заутрене. Сначала накинута на голову мешок, затем связали, заковали в колодки шею и руки, заткнули рот, завязали глаза и посыпали раны красным перцем. Все это сделали с ним, и, наверное, это было не все, что с ним сделали – просто он не знал. Когда шли к заутрене, Карл оказался рядом с Мартином у дверей собора. Карл сказал: «Забери своего сокола, чтоб я его больше не видел». Руки Карла – руки палача, волосы Карла – волосы палача.

Сделав сообщение, молодой граф отделился, нырнул в толпу нарядных матрон, окликнул кого-то – и был таков.

28

Служба.

Среди прихожан всегда находится кто-то, кому не до вечности, кого не отпускает, кто думает о своем. Мартину было не до образов, не до вертикали, не до латыни, не до песен. Не до чего, кроме Карла, к которому, чтобы объясниться, он шажок за шажком пробирался.

– Опять ты! – Карл дрожал от раздражения. Саломея пустилась в пляс. Еще одно па, потом финальный поклон – и пора рубить голову. Он бы сейчас снес голову Мартину. И снес!

Теперь и Карлу было не до службы. Мартин, объявившийся у его уха, был воплощением самого себя – ненавистный, тощий пацан, белокожий как девка, скотина, зуб выщерблен, глаза грешного серафима. Ничего не скажешь – хорош задний дружок! В отдалении маячили стриженные затылки Эннекенов. Младший обернулся, посмотрел на Карла, на Мартина, потом подался к уху старшего брата, такого же недоноска – поделиться с ним добычей. Но ни один из них не сглотнул смешок, не захихикал, не прыснул в изнеможении и даже не скривился ядовито – ничего подобного.

– Ну! – негодующий Карл.

– Пожалуйста, не отказывайтесь от подарка!

– Мне надоело, отстань, – отрезал хамский, жестокий Карл.

– Выпустите птицу, если она вам не нравится, только не отказывайтесь!

– Я сказал забери! Да и вообще – вали, хватит ко мне клеиться! – Карл был аспидом шипящим, spraysнутым уксусом углем, немилостивым, неумолимым.

Свеча длинная-предлинная. У девушки впереди головной убор похож на перевернутый и начищенный коровий колокольчик, у ее соседки – на таз. Мартин роняет четки. Нагибается, садится на корточки, шарит рукой по полу. Подолы платьев, шлейфы, ноги, чужие ноги, нога Карла в шерстяных белых рейтузах. Мартин глянул вверх – Карл вроде бы совсем не смотрит на него. Он придвигается к белой голени, подносит бескровные губы к белой шерсти рейтуз, целует, еще раз целует и отстраняется. Никто ничего не заметил. Карл ничего не заметил и оттого молчит.

Украденный поцелуй Мартин спрятал – до лучших, до худших ли времен. Служба закончилась очень скоро.

29

На выходе из собора дядя Дитрих подловил Мартина и разразился спонтанной нотацией. Нельзя приличному мужику, каким Мартин станет в перспективе, быть таким чистюлей, каким Мартин уже есть. У Мартина оскорбительно чистые ногти, подозрительно завитые волосы – ты что, спозаранку сегодня их укладывал? – его тело пахнет какими-то эликсирами, манжеты чисты, словно он меняет сорочку раз в полдня. Да, дядя Дитрих, нет, дядя Дитрих. Всего лишь раз в день. Я буду. Я не буду. Понимаю. Ваша правда, дядя Дитрих. Мартин – благодарная мишень для всякой стрелы.

– Милейший фон Хелленталь, – заворковал Карл, подлаживаясь под медвежью поступь Дитриха Научающего, – ваша волшебная арфа будет на фаблио как нельзя кстати. Я бы просил...

И так далее.

Глаза Мартина – глаза ягненка, которого принесли к жертвеннику стреноженного, увитого гирляндами, окурили, омыли и приготовили, но! В последний момент жертвоприношение расстроилось и, похоже, его вот-вот отпустят. Мартин ищет в неожиданной приветливости Карла

ответ: может быть, его все-таки отпустят? Быть может, вот оно, прощение, и Карл не сердит более?

– А-а, Мартин! – Карл говорит как бы невзначай, будто только заметил его. – Там твой костюм, тот, что смастерил Даре, так его нужно подогнать по твоей мерке.

Карлово невзначайство обескураживает.

– Прямо сейчас? – спрашивает Мартин, успешно офранцузившийся для того, чтобы при случившемся буйстве чувств не ляпнуть чего-нибудь невпопад по-германски.

– Мне все равно, – смакует мнимое равнодушие Карл. – Если ты не против сейчас, то иди к декорациям, а я тебя потом догоню. У меня тут еще одно маленькое дело.

Мартин взглядом спрашивает и получает разрешение дяди Дитриха, сворачивает на нужную тропку. Карл исчезает. Дитрих, околдованный любезностями молодого графа, плетется восвояси.

30

В виду пустующих декораций Мартин оборачивается. Карл дышит ему в спину. Как случилось, что я не распознал родное дыхание, растворенное в переменчивых майских ветрах? – недоумевает Мартин и останавливается. Карл дает ему пощечину. Мартин закрывает глаза руками. Карл снова бьет. Бьет еще – кулаком поддых. Лупит открытой рукой по щекам, плечам, ссутулившейся спине. Шлепки, тычки – хладнокровные злые руки Карла работают без усталости. «Ты меня позориш-ш-шь!» – шипит Карл в унисон последней затрещине.

31

Общественные поля были наследственным леном герцогов Бургундских, а названы «общественными» с легкой руки Иоанна Бесстрашного, деда Карла, романофила. Он придумал фаблю и частенько выступал в нем под женской личиной, что не мешало ему там же, теплой майской ночью, зачать Филиппа Доброго.

Общественные поля, когда-то, возможно, плодородные, за шестьдесят лет были вытоптаны безвозвратно. Дернув Мартина за рукав, Бодуэн с гордостью сообщил: «Здесь не пасутся ни козы, ни другие нечистые животные. Здесь нет навоза».

32

В воздухе еще витал дух ночной грозы. В комнате было сыро, на улице – свежо и солнечно. Сен-Поль, как обычно, малость заспался. Завтра – фаблю. Это значит, пора идти на Общественные поля, отправлять обязанности распорядителя. Но это еще ладно. А вот то, что вчера поздним вечером ввалился Луи и, глядя ему точно в переносицу, сообщил, что граф Шароле настоятельно рекомендует составить краткое изложение грядущих на фаблю событий, и притом сделать это к сегодняшнему полудню, дабы к ужину переписчики успели изготовить должное количество экземпляров для всех невежественных гостей, вот это уже не лезло ни в какие ворота.

Сен-Поль шумно выдохнул, молодецки отшвыривая покрывало и переправляя босые пятки на персидский ковер. Ну зачем, зачем, спрашивается, пересказывать сюжет всем известной «Песни о Роланде»? Ведь все и так просмотрят и прослушают ее от первой лэссы⁶³ до

⁶³ Лэссы (фр. laisses) – единицы членения французских средневековых поэм объемом от 5 до 40 строк. В частности, в «Песни о Роланде» насчитывается 4000 строк, сгруппированных в 290 лэсс.

последней, без купюр. Ладно еще в прошлом году, когда занимались «Персевалем», в котором сам черт ногу сломит.⁶⁴ Но «Роланд»! Да его наизусть знает каждый немецкий мальчик. Впрочем, иные вызывают сомнение. Вот Дитрих: «Настоящий мужчина живет с мечом и Евангелием в руках». Его бледный подопечный наверное и не знает вовсе ни о каком «пылком рыцаре Роланде», ни о «Марсили, эмире Сарагосском», ни о «трубном гласе Олифана». А должен бы знать, ибо ему предстоит весьма вдохновенное дело.

Итак, Общественные поля и Роланд. Орать на ленивых мастеровых, сооружающих махины для фаблио, и одновременно с этим писать чернилами все равно не получится – только раскрасишь школярскими кляксами и бумагу, и рубаху. Поэтому предусмотрительный Сен-Поль остановил свой выбор на старом военно-полевом инвентаре: железном грифеле⁶⁵ и четырех восковых дощечках. Много он все равно не напишет – вот уж дудки вам, граф Шароле. И вообще – просвещали бы публику сами.

Сразу за дижонскими воротами Сен-Поль для взбодрения духа погнал коня вскачь. Не теряя времени, он по дороге сочинил несколько первых фраз и, как только подошвы его сапог ухнули в парную траву близ холма Святого Бенигна, выхватил грифель с намерением поспешно ввернуть их воску. В этот момент, по своему дурацкому обыкновению словно из-под земли, появился Жювель.

– Не серчайте, сир, но без вас лихо. Не могу с плотниками говорить по делу.

Сен-Поль обронил мрачное «скоты» и пошел смотреть на плотников.

33

Вершина холма. Дуб слева, сорок шагов пустоты и дуб справа. В центре – распотрошенный магический ящик Альфонса Даре с надписью «К смерти Роланда» и десяток лентяев с лопатами и топорами. Лентяи мнутя над одной парой роскошных ослепительно-белых крыльев, панированных жемчугами, одной клеткой, одним мотком веревки, двумя лебедками – с воротом и без, и тремя блоками на длинных кованых стержнях.

Ну что ж тут не понять? Под левым дубом, где будет лежать Роланд и где душа графа покинет тело, роется яма с потайным выходом на обратный скат холма – там все равно болото, а публика не дура, кормить пиявок не пойдет. Выход еще обсадим кустами боярышника, которые надо выкопать на Монтенуа (но не все – иначе негде будет разложить Лютецию).

Но боярышник – это уже послезавтра, под шумок, пока все будут смотреть резню в Ронсевальском ущелье. Иначе цветы на кустах засохнут и куртуазного вида не выйдет. В яме будет врыта одна холостая лебедка, и в ней мы засядем вместе с этим немецким везунчиком, который жеребьеван душой Роланда. Там он загодя оденет крылатую сбрую, прицепится к веревке и получит от меня благословение. А под правым дубом будет такая же яма с таким же выходом, но лебедка там будет не холостая, а ведущая, и при ней будут трое ослов во главе с ишаком-верховодителем – Жювелем. Там же – первый блок, от которого пойдет веревка на второй блок, что будет на самой верхотуре правого дуба. Ну а третий блок будет в нашей с душой Роланда яме.

Когда отгремят из поднебесья слова «В рай душу графа понесли они», Жювель скамандует вращать, и подцепленная на веревку душа появится из-под земли. Но Роланд будет лежать так, что возникнет полная иллюзия отделения души от бездыханного тела. А потом, преодо-

⁶⁴ «Ладно еще в прошлом году, когда занимались „Персевалем“, в котором сам черт ногу сломит». – Имеется в виду роман «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха. Персеваль (нем. Парцифаль) – рыцарь Круглого Стола, искатель и охранитель Святого Грааля.

⁶⁵ Грифель – формально правильнее было бы «стиль» или «стило». Но здесь автор нашел возможным последовать примеру М.Л. Гаспарова, который при переводе «Божественного Юлия» (Светоний, «Жизнь двенадцати цезарей») применительно к заостренному металлическому предмету для письма употребляет слово «грифель».

лев сорок саженей наклонного взлета, душа исчезнет в кроне правого дуба, которую, кстати, добро бы сделать погуще. Там будет клетка с символическим голубем, и Мартин выпустит его. Голубь взмоет вверх, и все.

– И все, остолопы! – заключил Сен-Поль, дважды повторив весь план, смысл и назначение грядущих работ, а заодно и начертав грифелем на лысой макушке холма места для ям и потайных ходов и даже набросав (это уже для самоуспокоения) на земле контур Роланда. – Вот, здесь он будет лежать. Ясно?!

– Ясно, – расцвели в малоосмысленных улыбках остолопы.

– Ну ты-то хоть понял? – спросил Сен-Поль у Жювеля.

– Понял. А не убьется?

Больно он умный, Жювель.

– Если убьется – я тебя этой самой веревкой распилю надвое, – Сен-Поль указал на чудовервие Даре. Образ мыслей Жювеля графу очень не понравился. Не понравился, ибо в точности совпал с его собственным.

Сен-Поль уединился на том самом обратном скате холма Святого Бенигна, где намечались фортификационно мудрые «потайные ходы» и, с трудом собирая обрывки распуганных Жювелем мыслей, записал: «Славный император Карл Великий идет войной на сарацинов, истребляет и крестит их семь лет и берет Кордову. Испуганный Марсилий, эмир язычников...»

Землекопы принялись за работу и затянули гнусную песню. «Шибче, братва, давай-давай!» – ободрял их Жювель ежеминутными вскриками.

Сен-Поль обернулся, собираясь всыпать трудовой капелле по первое число, но когда он уже открыл рот, его удержало одно соображение: молчать для этих работяг означает спать или быть мертвыми. И наоборот – работать значит горлопанить.

Сен-Поль подошел к ним, сообщил, что через час приедет с проверкой, посулил по два су⁶⁶ сверху, если они к его возвращению успеют углубиться на длину лопаты, и поехал куда глаза глядят. Графу были необходимы покой и уединение.

34

«Славный император Карл Великий идет войной на сарацинов, истребляет и крестит их семь лет и берет Кордову. Испуганный Марсилий, эмир язычников, собирает в Сарагосе военный совет. Его приспешник Бланкандрен предлагает откупиться от Карла Великого баснословно богатой данью, чтобы тот ушел обратно во Францию. Марсилий принимает его совет как единственно разумный, ибо воевать против Карла, его отважных рыцарей и, главное, непревзойденного воителя графа Роланда у язычников больше мочи нет.

Сарацинское посольство во главе с Бланкандреном в лагере Карла Великого у стен Кордовы. Пэры Карла Великого обсуждают предложение Марсилия. Все находят его вполне пристойным, ибо уже устали воевать на чужбине, и только племянник короля граф Роланд – против. Решают все же принять предложение Марсилия, а послом с подачи Роланда выдвигают злонаветного Ганелона. К слову сказать, отчима Роланда.

По пути в Сарагосу Ганелон, истово ненавидящий Роланда, и сарацин Бланкандрен сговариваются погубить доблестного графа. Втроем с Марсилием они составляют такой план: принять условия императора Карла, выплатить ему дань и отослать французам своих заложников. Император Карл пойдет домой, а с подачи Ганелона Роланд будет назначен в арьергард войска. И здесь на него нападут тьмы сарацинов.

Все по уговору. Карл уходит во Францию, а Роланд, скрепя сердце, во главе двенадцати пэров и двадцати тысяч наилучших воинов остается держать Ронсевальское ущелье.

⁶⁶ Су – монета достоинством в 12 денье.

Их догоняют четыреста тысяч язычников во главе с Марсилием. Соратник Роланда Оливье просит графа затрубить в могучий рог Олифан, чтобы вызвать на подмогу французское войско во главе с Карлом Великим. Но, ослепленный собственной доблестью, Роланд отказывается взывать к императору о помощи, и случается величайшая битва меж паладинами и неверными, какую только знают хроники, ибо никогда еще не выходило в поле разом столько знатных и достойных бойцов, и никогда еще не было явлено небесам столько отваги и коварства, как в день Ронсевалья. Также в день Ронсевалья надо всей Францией бушевала буря, сверкали молнии, хлестал дождь и просыпался град размером с гусиное яйцо. В некоторых графствах колебалась земля и люди полагали, что настал день Страшного Суда. Они ошибались – то был плач по Роланду.

Свершив десятки достославных подвигов, которые будут явлены взорам на фаблио в наи-полнейшем и блистательном великолепии, почти все пэры и прочие воины погибают. Теперь уже сам Роланд предлагает затрубить в Олифан. Но на этот раз возражает Оливье. Он говорит, что теперь было бы бесчестьем звать императора на помощь – ведь их руки уже окровавлены до самых плеч. И он, Оливье, и Роланд погибнут здесь и сегодня. Но архиепископ Турпен, вмешавшись в их спор, все же склоняет Роланда вострубить. Ибо, говорит Турпен, хотя они и погибнут все, но император Карл, явившись на бранное поле, отомстит за их гибель.

Роланд трубит. От натуги у него лопаются виски и уста обагрятся кровью. Но его усилия не напрасны. Карл услышал зов Олифана за тридцать миль и ведет войско на помощь Роланду.

Сарацины, слышав переливы боевых труб французов, ударяются в бегство. Но к этому времени, увы, из христиан в Ронсевальском ущелье живы только трое – граф Роланд, Оливье и архиепископ Турпен, причем все трое при смерти.

Оливье и Турпен выпускают дух на руках у Роланда. Граф идет умирать на холм меж двух деревьев. Случайно уцелевший язычник нападает на Роланда, и граф, защищаясь, мозжит ему голову Олифаном. Тем подвигом Роланда и положен предел существованию дивного рога, ибо Олифан раскалывается надвое. Потом Роланд трижды и оттого втрое безудачно тщится сокрушить могучий Дюрандаль о каменные глыбы, ибо не желает, чтобы столь светлый меч, в рукоять которого вделаны зуб Петра, власы Дениса, кровь Василия и обрывок риз Марии-приснодевы, попал в руки к сарацинам.

Вслед за тем Роланд обращает лицо к Испании, дабы император Карл видел, что граф погиб, но победил в бою, и кается в своих...»

Дальше было еще немало. Нападение мстительного Карла на Сарагосу, истребление неимоверного числа язычников при соответствующей экзекуции их поганных божеств, разоблачение и казнь злонаветного Ганелона. Но таблички закончились.

Утомленный письмом по воску, сам сплошь как воск, Сен-Поль был насильственно вышвырнут из компилятивного транса и в сердцах констатировал по солнцу, теням и острому голоду, что прошел отнюдь не унитарный час, отнюдь не манихейские два, а тринитарные три⁶⁷ – вполне в духе «Роланда». Он опаздывает!

Сен-Поль вскочил на ноги. Граф был зол, причем исключительно на самого себя, а это наипоследнее дело. Он, не глядя, всадил стило в ствол дерева, под которым творил либретто, вскочил в седло и погнал коня к холму Святого Бенигния.

⁶⁷ «...Прошел отнюдь не унитарный час, отнюдь не манихейские два, а тринитарные три...» – Манихеи – адепты еретических учений, согласно которым вещный мир является творением злого бога (напр., гностического Иалтабаофа) и, таким образом, светлое начало в объективированной для нас действительности практически отсутствует. Манихейство как идеологический концепт приводит к отправлению демонических культов, дьяволопоклонничеству, разнузданному насилию или, наоборот, к неумеренному аскетическому умерщвлению плоти. С другой стороны, манихеи могут полагать, что Зло и Добро в мире равновесны (в противоположность христианину, для которого примат Добра очевиден), иными словами мир метафизически симметричен, «строго» дуален. Поэтому «два» с точки зрения Сен-Поля – число манихейское, а «три» – христианское, на что указывает эпитет «тринитарные» (то есть троичные, ср. с англ. Trinity – Святая Троица).

35

– Смотри, какой интересный мужчина, – сказала Гибор в спину стремительно уносящемуся по тропе меж кустов боярышника всаднику.

– Чем же он интересный? – ревниво осведомился Гвискар.

Отношения у них в последнее время неважные. Оба прекрасно понимают, что природа глиняных людей сильнее их, оба знают, что лично из них двоих не виноват никто, и все же. Гвискар склонен обвинять свою морганатическую супругу в бесплодии. Гибор Гвискара – в мужской немочи. Нет, Гвискаров уд по-прежнему исправно распаляется для страсти, но его семя не всходит в богоданных теплицах Гибор. И так не только с нею – это проверено. Далее. Чего стоили семьсот семьдесят семь флорентийских ночей, когда Гибор под предлогом преодоления глиняной природы предавалась беспутству с воистину хтоническим рвением! Но и он, Гвискар, хорош – сколько итальяйских матрон совращено без толку, сколько алхимических штудий проведено впустую!

Но сейчас ревность Гвискара лишена оснований – когда глаза Гибор смеются так, это означает именно поверхностное ха-ха и точка, а не сто пятьдесят страниц «Любви Свана», открытых плюс-бесконечности.

– Он интересный тем, что у него вся спина в черной саже, – говорит Гибор. – А еще тем, что бежит прочь, бежит в Париж, но пока еще сам не знает этого.

36

Шестой аргумент, преподанный через надъестественную природу фаблио⁶⁸

(Граф Жан-Себастьян де Сен-Поль)

Я не знаю, каким законам подчиняется бургундское фаблио, какие послушники льют воду на эту грандиозную мельницу, откуда в действительности и какие предписания получают люди и предметы. Поверить своим глазам значит купить за грош шелковый отрез длиной в семнадцать миль. Не поверить – значит проснуться. На фаблио в ушах свиристят флейты; флейты, которым послушны хрустальные сферы и пыль под ногами бойцов. Над телом Тристана плачут жаворонки, над сечей парит Сигдрива.⁶⁹

Я не знаю как устроено фаблио, я знаю лишь каково оно – яблоки сочатся кларетом,⁷⁰ поутру на клинках прохладной испариной проступает амбра, забытая в земле стрела прорастает омелой. Когда всадники три часа кряду избивают друг друга молотами и шестоперами, из-под распотрошенных лат брызжет клюквенный морс, а на всю округу разносится смех перепачканных, облизывающих пальчики виконтесс. На бивуаках сарацины жарят быков, а христиане – подсвинков, невольников обносят воблой и чечевичной похлебкой, кенарям подают просо,

⁶⁸ «Шестой аргумент, преподанный через надъестественную природу фаблио». – Разумеется, шестой аргумент существования Бога. (Первые пять были упорядочены и изложены с непогрешимой логикой Фомой Аквинским в XIII в.)

⁶⁹ Сигдрива – одна из валькирий, прислуживающих за бранным кровопролитием и, по свидетельству «Саги о Ньяле», вместе со своими подругами ткущая ткань из человеческих кишок. Следует отметить, что конкретно Сигдрива была наказана Одином за пристрастное судейство на поле боя. Сообщение Сен-Поля о том, что на бургундском фаблио «над сечей парит Сигдрива» может быть понято как намек на драматическую несправедливость грядущих событий.

⁷⁰ Кларет – легкое белое вино.

детям – сахарные головы. Горбатые карлики стоят по струнке, со свечами в три собственных роста, и между ними, как по аллеям камелотского парка, можно гулять так и этак: по левую руку прехорошенькая содержанка, по правую – бывалая сука с четырьмя щенками, сзади – два валета, волокущие корзину с обильной закуской.

Мне никогда не участвовать в фаблю, не понять его. Мой удел – числиться распорядителем и, распоряжаясь, надзирая, обустривая, с восхищением и тайной завистью подмечать, как через все мои старания на Общественные поля нисходит божественный хаос.

37

Карл-император радостен и горд:
Взял Кордову он штурмом, башни снес,
Баллистами своими стены смел,
Всех оделил добычею большой —
Оружьем, золотом и серебром.
Язычников там нет ни одного:
Кто не убит в бою, тот окрещен.⁷¹

В первый день Мартин, избавленный от каких-либо обязательных повинностей по причине будущего высокого предназначения, разбавлял своим присутствием зрителей, сплошь дам. Их обожательное жужжание, не знающее границ очарование восхищенное не давало ни на миг сосредоточиться на чем-то, самое «что-то» ускользало неуловимое от аналитики и эфики,⁷² от попыток прокомментировать видимое в силу собственно нескончаемых посторонних комментариев к тексту-действию, которое и впрямь изумляло, фаблю.

У руин разграбленной Кордовы господа рыцари, докрестив язычников, загрузив трофеями трофейные же подводы, сели в скудной тени олив – к зрительницам достаточно близко, чтобы те внимали им без затруднений, от зрительниц достаточно далеко, чтобы не смущать их бранной вонью, которая, не исключено, для них самое то. По крайней мере, так нашел Мартин, тщетно гадавший, под каким из шикарных армэ,⁷³ страусиные перья льющих на плечи и спины счастливых, красные, синие, буйные яичножелтые перья, кичливые метафоры париков и рукодельных букетов, – под каким из жабских забрал кроется кто, под каким – кое-кто, а под каким – никто.

Промолвил император Карл: «Бароны,
Прислал гонцов Марсилиий Сарагосский».

Карл Великий – не Карл. Значит, как Мартин и думал, граф Шароле – Роланд, нехотя поднявшийся, вальяжно сорвавший маслину и задумчиво сплющивший ее в железных пальцах. Только Карл может вести себя так на военном совете – он играет с публикой, как Карл, он совлекает шлем, как Карл, он оттирает лицо услужливо поданным кружевным платком, он говорит: «Марсилию не верьте», и Мартин, вздрогнув от прикосновения чужих пальцев, нежными щипцами ложащихся на его шею, понимает, что Роланд – Луи.

⁷¹ Здесь и далее все фрагменты «Песни о Роланде» цитируются по переводу Ю. Корнеева.

⁷² Эфика – устар. этика.

⁷³ Армэ (фр. armet) – разновидность рыцарского шлема XV–XVI вв. Одна из наиболее классических форм – сферическая каска, полностью закрывающая голову, как правило увенчанная разноцветными страусиными перьями, снабженная характерным подвижным забралом, которое придает армэ сходство с лягушачьей мордой.

«Роланд – Луи, император – один англичанин, друг герцога Филиппа, и среди пэров Карла тоже нет», – шепчет ему в ухо хозяйка чужих пальцев и теплого дуновения. «Ну и что?» – отстраняется Мартин, смешавшийся и подавленный. «Пойдем поищем», – не отпускает она.

Возле Кордовы действительно делать больше нечего. Ганелон, чья неуклюжесть известна Мартину с молодых ногтей, роняет железную перчатку, и огромная стая воронов, скольких не соберешь со всех рыцарских романов, с навязчивым гомоном покидает кроны олив. Все в мире не так, и Мартин сдается.

Все молвят: «Что же будет, о создатель?
Посольство это нам сулит несчастье».
«Увидим», – дядя Дитрих отвечает.

38

Сказал король: «Мы речи тратим зря,
Совету без доверья грош цена.
Клянись же Роланда нам предать».
Посол сказал: «Охотно клятву дам».

Обитель язычников удалась бургундам под умелым руководством Альфонса Даре на славу. Так всегда – сердце тьмы выходит и живописней, и убедительней, чем парадиз, Аваллон⁷⁴ или королевство Артура. Быть может потому, что через него прошли все или почти все (в этом «или» – полные звезд и мишуры бездны еретических теологий), а вот в Элизиуме побывали очень и очень немногие, и уж совсем немногие бодхисатвы отважились из него вернуться (и здесь все религии прискорбно единогласны). Так думал просвещенный Гвискар.

Угольно-черный дворец сарацинов с трех сторон обрамлял жесткий квадрат площади, над которой победительно довлели идола Аполлена, Тервагана и Магомета,⁷⁵ вознесенные на вершину неороманской колонны. В узких окнах дворца то и дело проскакивали багровые языки огня, а из-под земли несло злое бормотание страшно подумать кого. Под колонной на змееногом троне восседал Марсилиус в окружении тьмы сарацинов, а перед ним стояли Бланкандрен и Ганелон, предатель библейского масштаба.

И несмотря на то, что все это приторное inferno⁷⁶ было похоже на реальную Альгамбру реальных сарацинов как кизяк на шоколадку, замкнутый Гвискар, жизнелюбивая Гибор и еще две сотни зрителей из числа завсегдатаев публичных казней испытывали единый и неподдельный катарсический⁷⁷ спазм, в котором смешивались ужас, негодование, трепет и, на правах сопродюсера, – уверенность в конечном торжестве католического воинства над поганскими душегубами, почерпнутая из либретто господина распорядителя.

⁷⁴ *Аваллон* (от валлийск. *afal*, яблоко) – в кельтской мифологии «остров блаженных», потусторонний мир, чаще всего помещаемый на далеких «Западных островах».

⁷⁵ «...Идола Аполлена, Тервагана и Магомета...» – Во французском героическом эпосе троица демонических существ, которым якобы поклонялись мусульмане. Аполлен – разумеется, Аполлон, Магомет – собственно, создатель ислама, Терваган – существо неустановленной демонологии.

⁷⁶ *Инферно* — ад.

⁷⁷ *Катарсический* — прил. от греч. катарсис, очищение. Катарсис – одна из целей и одно из следствий трагедии, совершающей очищение страстей, главным образом посредством сострадания и страха в момент их возникновения у зрителя, который отождествляет себя с трагическим героем.

Когда все было окончено, когда Ганелон, набрав полные седельные сумы иудиных серебряников и сверхсметных шелков, вскочил на коня и погнал его обратно к ставке императора Карла, а язычники, похохатывая, сели точить сабли и зубы на графа Роланда, Гвискар деликатно кашлянул и, обратившись к своему соседу по катарсису, осведомился:

– Простите мне мое праздное любопытство, монсеньор, но, как я мог понять по акценту, в роли главного предателя французских интересов вполне логичным образом выступает англичанин.

Сосед Гвискара, знаменитый дижонский ростовщик Тудандалъ – лицо низкого ремесла, категорически лишенное доступа к участию в фаблио, но зато именно в силу специфики своего щепетильного ремесла ведающее о Бургундском Доме и его сателлитах решительно все – разлепил тяжелые персидские губы и снисходительно сообщил:

– Нет, монсеньор. Злонаветный Ганелон – это некто герр Дитрих из Меца.

И, досконально обсосав в своих великолепных губах новый пакет информации, добавил конфиденциальным тоном:

– И вот это уже вправду логично.

Гвискар не до конца понял, что по мнению его собеседника представляется логичным – немецкий генезис Ганелона, мецский генезис Дитриха или равная злонаветность актора и его фаблиозного образа, но переспрашивать не стал.

– Благодарю вас, монсеньор, – учтиво кивнул он Тудандалю. – Вы удовлетворили мое любопытство целиком и полностью.

Тудандалъ, который рассчитывал на длинный-предлинный обмен свежими сплетнями, был в глубине души уязвлен умеренностью познавательного аппетита Гвискара и, иронично прищурившись, осведомился:

– В самом деле? Целиком и полностью? А вы знаете, кто его приемный племянник?

– Знаю, – отрезал Гвискар. И поскольку поначалу впечатлявшее замогильное бормотание под сарацинским дворцом теперь, когда перфорированный круг «шумомелодийной клепсидры» Даре пошел на пятнадцатый повтор одного и того же, звучало мучительным мушиным жужжанием, раздраженный Гвискар, не стесняясь, добавил: – И не приведи Господь вам, монсеньор, рассказать мне животрепещущую новость о том, что сей племянник влюблен в Марсилия Сарагосского, который есть Карл, граф Шароле, сын добрейшей герцогини Изабеллы.

39

Когда мы отыскиали Карла, о да, мы, разумеется, милочка, отыскиали Карла, он так и сказал, что теперь это будет для него всегда «отыскать Карла», он сказал еще, вдобавок ко всему остальному: «Я убью графа Шароле». Я нашла очень забавным, что такой, такой, я даже затрудняюсь сказать кто, может умышлять против жизни графа Шароле, и как, правда, интересно, это у него выйдет, а он ответил: «Если я скажу тебе как, тогда об этом узнают все, и мне уже не добаться до него никогда». Понимаешь, мы лежали на мягком мху, в укромнейшем местечке, очень далеко от всех остальных, и я очень испугалась. Он мог задушить меня и уйти. А бежать через ночной лес нельзя, и я подумала, что надо самой задушить его, но, понимаешь, вино с корицей, которым поначалу были полны наши бутылки, вновь вспыхнуло во мне, и я нестерпимо, нестерпимо захотела опять найти Карла, я не могла думать о том, чтобы его задушить, да и как задушишь ребенка, пусть он даже не ребенок и собирается убить графа. А утром мы пошли на равнину, где наши бились с маврами, и целый день ели жирных каплунов с перечною подливкой, пили нектар, и когда Мартин глядел на графа, он глядел на него совсем иначе, не так, как раньше, что, впрочем, неудивительно, ведь граф в обличье Марсилия был подлинный

дьявол, и когда он клекотал «*Je renie Dieu!*»⁷⁸ и вышибал из седла доброго христианина, все трепетали в ужасе и отвращении. Впрочем – и это меня не удивляет – он тем более затмевал собою всех и даже Роланда, даже Роланда.

40

Мысли *totally fucked up* Мартина, доселе сложные и витийствующие, как маргинальные кущи, как наречие геральдики, нерасчленимые, неназываемые, переходящие одна в другую и истекающие из предшествующей в последующую лишь с тем, чтобы повернуть вспять и обратить мысль в чувствование и надеяние, отлились в совершеннейших сферических формах и более не перевоплощались.

Земля под ногами была липкой от крови. Господа рыцари графа Роланда и тьмы сарацинов шесть часов кряду пырялись ножичками. Французов постепенно теснили к холму Святого Бенигния. Мертвецы, в синяках и ссадинах, непритворно охающие, валялись под всеми оливами, наконец-то разоблаченные, довольные, принимали от зрительниц подношения венками и целебными пилюлями.

Роланд в очередной раз описал Дюрандалем поэтическую дугу и

К Шерноблю скакуна галопом гонит.
Шлем, где горит карбункул, им раздроблен.
Прорезал меч подшлемник, кудри, кожу,
Прошел меж глаз середкой лобной кости,
Рассек с размаху на кольчуге кольца
И через пах наружу вышел снова,
Пробил седло из кожи золоченой,
Увяз глубоко в крупе под попой.

Усталый счастливец псевдо-Шернобль, наконец-то разрубленный от темени до паха, обрастая шлейфом оруженосцев, женщин, попрошайек и Бог весть кого еще, поплелся на отдых.

Пора было приниматься за свое.

– Не обратиться ли нам вновь к уединению? – прошептал Мартин в плечо своей госпоже, оголенное и кому-нибудь в самом деле соблазнительное.

41

А потом он вдруг исчез, веришь? Пропал, растворился, я не знаю.

42

Чем, чем, чем писать? Чем? Мартин брел среди дробной и частой россыпи вздорных бугров, выбеленных цветущим боярышником. Здесь не было никого. «И ничего», – присовокупил он, устав вглядываться в заросли, теряя надежду найти искомый скриптор.⁷⁹

Ему повезло, ибо фаблю.

⁷⁸ Букв.: «Я отрицаю Бога» (*фр.*); отъявленное французское богохульство. См. также комментарий.

⁷⁹ *Скриптор* — здесь: инструмент для письма.

В вяз, раскрашенный молнией в сотни переливчатых оттенков черного, был вонзен тончайший стальной грифель, какие уже не в ходу, ибо все саги давно записаны, а все цезари давно зарезаны.

Не менее получаса Мартин потратил на составление своей печальной истории в подобающем духе, небрегая гудением пчел, голодом, любовным зудом, некстати ударившим в чресла и преодоленным благодаря сферическому образу мыслей.

Убить Карла необходимо, ибо любить его более невозможно.

Мартин вложил свое послание в берет, засунул берет под голову вместо подушки и закололся грифелем.

43

Сен-Поль, господин распорядитель, присел на корточки и макнул пальцы в темную лужицу. Клюквенный морс? Малиновый сироп? Киноварь? Он посучил пальцами, перетирая пробу, понюхал, пожал плечами, лизнул.

Черт, настоящая.

Господин распорядитель вскочил на ноги и нервно прошелся – три шага назад, два шага вперед.

Ему через час воспарять душой Роланда, а он дрыхнет с железякой в груди и изволит быть мертвым помимо фаблио. Я отрицаю ботинки, каблуки, подошвы,⁸⁰ сапоги, хрустальные туфельки, пояса девственности, бутылки, брудершафт и заколотое тело в кустах боярышника.

Сен-Поль пощупал горло Мартина. Холодное, биения нет. На устах немецкая тонкогубая ухмылочка. Ангелов видишь, да?

В самом деле красивый – сбивая щелчком с Мартинова неодушевленного носа жука-мертвоеда, согласился Сен-Поль, все еще не решаясь заглянуть в будущее, где громыхали чугунные жернова неопределенных и множественно-вероятных последствий.

Распорядитель поцеловал Мартина в улыбку – так, на память.

44

Граф головою на плечо поник
И, руки на груди сложив, почил.
К нему слетели с неба херувим
И на водах спаситель Михаил
И Гавриил-архангел в помощь им.
В рай душу графа понесли они.

Разряженный в златотканые свободные одежды с парой блестящих жемчугами крыльев Мартин возносился в рай на тончайших во имя скрытности, крашенных несравненным мастером Даре Арльским под тон вечернего неба талях,⁸¹ каковые невежественный дижонский двор прозвал «веревками-невидимками».

– Глядите, глядите! Душа Роланда!

– Господи свят, ты есть!

⁸⁰ «Я отрицаю ботинки, каблуки, подошвы...» – Обыгрывается популярное средневековое богохульство «Je renie Dieu!» (букв. «Я отрицаю Бога»). Зачастую, чтобы не помянуть имя Господа всеу, французы говорили «Я отрицаю ботинки».

⁸¹ Тали — канаты.

- Несравненно!
- Бесподобно!
- Виват!
- Бургундия!
- Твою мать!

Так кричала восхищенная толпа, отвечая восторгом на восторг, и не было самого последнего мерзавца, который не завидовал бы Мартину и в то же время не радовался бы искренне его возвышению и триумфу.

45

Распорядитель подал знак. Блок, через который проходило чудо-вервие Даре, треснул и распался на две беспомощные доли. Мартин, тело Мартина, повторив в реверсивном нисходящем пируэте уже единожды описанную восходящую дугу, скользнул, скользнуло обратно к земле.

Восторг публики излился через край в безудержном хаотическом вое и улюлюкании. Дождались наконец-то, да здравствует фаблио, треснуло, долгие лета, а душа-то едва ли способна воспарить в божественную лузу, вот уж дадут по шее кому-то, я не я буду.

Продравшись сквозь тугие волны отнюдь не злорадных зрителей, Дитрих фон Хелленталь взбежал на вершину холма Святого Бенигния. На обломке копья, как жареная рыбка над огнем, скорчился Мартин.

Роланд-Луи, начисто сорвавший голос за двенадцать часов непрерывной драки, приподнялся на локте и прошептал:

- Жаль пацана.

Шепот избавил его голос от неизбежной фальши, а Дитрих вообще предпочел промолчать, ведь он был убит горем.

На трофейном жеребце подъехал язычник Марсилиий. Жестокие законы фаблио требовали от него ядовитой улыбки и слов «Цвет Франции погиб – то видит Бог». Но он понимал: стоит ему улыбнуться и сказать так, и его начнет презрывать даже собственное отражение в зеркале.

«На фаблио всегда ровно одно недоразумение, ровно одна пропажа». Карл снял уродливый сарацинский шлем и подошел к Мартину, закутанному в смятые крылья. Нет, он посмотрит на него позже. Карл обернулся к толпе. Карл поднял вверх перчатку, требуя внимания.

- Фаблио окончено.

46

– Он тебе понравится, – всхлипнула Гибор. Прошло уже почти шесть часов, а она все никак не могла успокоиться – словно Мартин действительно был их сыном.

- Понравится, только успокойся.

Гибор полоснула Гвискара взглядом, исполненным немой ярости, и разревелась с новой силой.

Прагматичный Гвискар искренне и оттого вдвойне по-свински недоумевал: чего ради плакать, если свершилось неизбежное и – для них, глиняных скитальцев по дхарме⁸² – радостное событие?

⁸² Дхарма-Кайя – первое и величайшее из Трех Тел Будды, обитель всех будд – существ, достигших Совершенного Просветления.

Неизбежное – ибо четыре дня назад из дома Юпитера в дом Марса переместилась падающая звезда, и они с Гибор были теми двумя из двадцати миллионов, которые поняли этот знак единственно верным образом.

Радостное – ибо теперь у них впервые появился шанс завести своего настоящего, выстрадавшего сына, и жить чем-то большим, чем гранадским *danse macabre*,⁸³ флорентийскими карнавалами или бургундским фаблю. И вот здесь-то, на этом спонтанно вспыхнувшем и неутрачиваемом «чем-то большим», Гвискар осознал всю многоярусную фальшь только что сорвавшихся с его языка слов, понял двойное свинство своего искреннего недоумения и, обняв Гибор, прошептал:

– Извини. Я весь сторел изнутри за эти четыре дня.

– Какой ты нежный, – слабо улыбнулась, наконец-то улыбнулась Гибор и неловко поцеловала Гвискара в подбородок.

47

Греческих стратегов, убитых на чужбине, отправляли в Элладу залитыми медом.

Сердца Роланда, Турпена и Оливье по приказу Карла Великого были извлечены и закутаны в шелк, а их тела омыты в настое перца и вина, защиты в оленьи кожи и в таком виде прибыли для погребения в Ахен.

Чтобы упокоить прах Мартина в Меце, его тело выварили в извести, кости сложили в серебряную вазу с семью опалами и под траурный колокольный перезвон вверили Дитриху.

Дитрих фон Хелленталь возвращался домой один, верхом. Арфа, меч, Евангелие, ваза с костями приемного племянника – все. Строгий внутренний розгоносец Дитриха запрещал ему проявлять малейшие признаки ликования по поводу смерти подопечного, и поэтому он лишь смиренно молился. Первое: за упокой души Мартина. Второе: за быстреее делопроизводство по поводу наследства покойного, которое по справедливости должно попасть в чистые и праведные руки. То есть в его, Дитриха, лапы.

Дитрих очень спешил. Он позволял себе остановиться на отдых только с заходом солнца, ужинал, четверть часа музицировал на арфе, истово молился, спал, вскидывался в пять утра, вновь молился и в половину шестого уже выезжал на дорогу.

На третий день, расположившись в фешенебельном постоялом дворе «У Маккавеюса» на восточной границе бургундских владений, Дитрих впервые позволил себе облегченный вздох. Богопротивная Бургундия, где на проповедях болтают о Тристане, подкопытной пылью растаяла за спиной. Сердце Дитриха пело, душа ликовала, и их согласному крещендо не могли помешать даже спертый дух, оставленный в его комнате предыдущими хозяевами, и скребущий грызун размером с чеширского кота (о чем можно было судить по его грузной возне в подполье). Сон Дитриха впервые со дня отъезда из Меца был глубоким и ровным, а по пробуждении он обнаружил, что серебряная ваза с семью опалами бесследно исчезла.

Путного разговора при посредстве клинка и тевтонского неколебимого духа с хозяином постоялого двора не вышло, ибо у Маккавеюса оказалось шестеро братьев, пятеро сыновей и трое заезжих шурьев. Каждый формата одесского биндюжника и с основательным вилланским дубьем. После умеренного скандала Дитрих почел за лучшее оплатить перерубленный стол и убрался прочь, пылая жаждой мщения.

На пятой миле он успокоился. На десятой – понял, сколь сильно на самом деле тяготился прахом приемного племянника. А на двадцатой миле решил, что если проклятой Бургундии в лице анонимных воров было угодно прибрать не только жизнь, но и кости Мартина – так на здоровье, пусть подавится своими семью опалами.

⁸³ танец смерти (*фр.*).

Глава 6

Расследование

Погонимся за врагами нашими и посмотрим, не сможем ли мы как-нибудь поживиться от них.

Петр из Дусбурга⁸⁴

1

Даре – Людовику

Пока было за чем следить, король Франции Людовик следил за перипетиями бургундского фаблио глазами своих шпионов – ревниво, завистливо, с интересом. Но фаблио окончилось почти месяц тому назад, а запасливый Людовик по-прежнему лакомился агентурным десертом. Мастер Даре Арльский, тот, что поставил декорации для «Роланда», подвизался теперь при французском дворе.

Интерес Людовика отличала тотальность. Но тотальность неумолимо подразумевает неразборчивость, а неразборчивость – безразличие. Людовику нравилось казаться безразличным. Это довольно респектабельно – выглядеть опытным собирателем фактов, по мелочам пополняющим коллекцию.

Людовик слушал в три уха. Но чтобы оттенить свое коллекционерство, ел лущенные грецкие орешки, монотонно, как кочегар, выуживая их из милой тонкостенной вазочки и закидывая скульптурные четвертинки в пасть горстками и поодиночке. Причмокивал, сплевывал горькие переборки орехового средостения, причем, случалось, отдельные обломки приземлялись Даре на колени. Людовик не находил нужным извиняться. Он был уверен, что поступает правильно – подданные, слуги, агенты, дипломаты, как и то, что они сообщают, должны быть презреваемы. Иначе они залезут тебе на шею, возгордясь своей полезностью, а потом будут дергать тебя за усы, пока не додумаются до конституции, республики и гильотины.

Когда ореховая соринка приземлилась на щеку Альфонсу Даре, речь как раз зашла о Мартине фон Остхофен. О его жизни, смерти и о том, что произошло промеж этим.

– Думаете, это был несчастный случай? – подстрекал Людовик. – Вот вы лично верите, что треснул какой-то блок, оборвалась ваша «веревка-невидимка», и несчастный упал на копья?

– Ни на миг не допускаю! – податливо горячился Даре. – Я занимаюсь машинами для зрелищ четверть века и ни разу нигде ничего не ломалось, не трескалось. А тот блок, что якобы треснул, был сработан мною собственноручно из каменного дуба и трое суток томлен в перечном масле. Он выдержал бы возок, запряженный двумя першеронами, не то что мальчика. О веревке и говорить нечего.

– В самом деле? – оживился Людовик, несколько более чем из одной вежливости.

Даре негодовал. Под монаршим каблуком вскрикнула больная мозоль, именуемая цеховой честью.

⁸⁴ Источник: Петр из Дусбурга, «Хроника земли Прусской». Петр из Дусбурга – официальный хронист Тевтонского ордена (XIV в.).

– Нет, ни на минуту не допускаю! Ясно же, что Мартина фон Остхофен убили, а затем обставили все задним числом так, будто виноваты блок и веревка.

– Сдается мне, вы несколько, кхе-кхе, преувеличиваете. – Людовик чуть не поперхнулся, шершавая ореховина ободрала ему небо. – Зачем убивать мальчика, который не дофин и не свидетель убийства дофина? Неужто в Дижоне не сыскалось более логичных жертв и, если уж на то пошло, более изысканных методов? Это все воображение, воображение, – играл Людовик, склоняя Даре к новым признаниям.

– Я уверен – его убили, – твердил Даре.

– Это воображение!

– Его убили.

– Это воображение! – припечатал Людовик и помолчал, закрепляя успех. А потом с умеренной иронией осведомился: – И кто же, по вашему мнению?

– Мне все равно. Может быть, его опекун – парень был богат, и этот Дитрих фон Хеллен-таль после его кончины урвал порядочное наследство. Может, Дитрих был в тайном сговоре с третьим лицом или еще что. Марсель, мой сын, был ближе знаком с Мартином и со сплетнями вокруг него.

– И что Марсель? – Людовик даже перестал жевать.

– Он как-то говорил, что Мартин испытывал к графу Шароле нечто вроде приязни: ходил хвостом, баснословно задаривал, что они все время нежничали. Не помню точно, что-то было такое даже про любовь, которая себя назвать не смеет.

– Ваш Марсель, я вижу, унаследовал от вас богатое воображение. Кстати, где он?

– Умер, Ваше Величество. Я неделю назад снял траур. Он заразился от матушки, когда ходил за ней, – сдержанно ответил Даре и поцеловал величеству руку. Осколки опрокинутой вазочки вперемишку с недоеденными орехами хрустнули под его преклоненным коленом.

2

Людовик – Фридриху

Впечатленный Людовик пожаловал горемыке Даре одежду со своего плеча – бледно-синие в обтяжку рейтузы, сорочку и парчовый пурпуэн.⁸⁵ Остроконечный носок туфли пажа Людовика, несшего одежду на столовом подносе в покои Даре, зацепился за железную петельку на обочине лестницы – при помощи множества таких петелек держали в узде, не позволяя выходить из берегов, ковровые дорожки. Их расстилали по случаю. Сейчас ковровых дорожек не было.

Паж потерял равновесие и едва не растянулся в полный рост, но в последний момент, по-чаплински изогнувшись, устоял. Некто Оливье ле Дэн по прозвищу Дьявол злодейски расхохотался – он обожал курьезные падения, даже несостоявшиеся.

Празднично улыбаясь, пересмешник ле Дэн снарядил коня и заныкал в рукав письмо, посредством которого Людовик сносился с гроссмейстером Тевтонского ордена Фридрихом фон Рихтенбергом, первейшим покровителем семейства Остхофен. Если отжать светские тюрлю-лю-лю, текст письма усохнет до спартанской радиограммы: «Имею сведения, что Мартин фон Остхофен погиб отнюдь не в результате несчастного случая, но был убит. Разберемся?»

⁸⁵ *Пурпуэн* (фр. *pourpoint*) – короткая куртка; ее надевали в дополнение к прилегающим штанам.

Гельмут – Филиппу

Филипп Добрый пребывал в канцелярии среди своей излюбленной канцелярской сволочи. Братья-бенедиктинцы, книгочеи и кошкодавы, трудились. Филипп надзирал.

Что может быть лучше этого? – фолианты, фолианты, папки от пола до потолка, нумерные архивные ящички – хранители эпистул входящих и исходящих, истинный латинский Плиний, в котором каждая буква является собой буквой, и в этом почивает совершенство. Филипп дремал, убаюканный стохастическим шорохом писчих тростинок. Филипп дремал, и в его *visiones*,⁸⁶ монотонных, как стансы уголовного кодекса, бессловесно совокуплялись пастухи и пастушки, пастухи и пастушки, до бесконечности, до изнеможения.

Вывалив раскрасневшийся от острой бургундской кухни язык встречу июньскому солнцу, Луи был занят надеждой на ступенях канцелярии, куда он зачем-то был послан Карлом, но по пути предмет поручения кстати забылся, и теперь Луи сыто цепенел – цель прямого путешествия была утрачена, а обратное, дабы переспросить, виделось хлопотным и чреватым – герцоги бургундские отходчивы, но поначалу очень уж вспыльчивы.

– Милейший, это канцелярия?

Говорили тихо и как бы в пустоту, ненаправленно. Луи продолжал жмуриться.

– Делает вид, что не слышит, – пояснил второй голос.

– Вы, который сушит язык, с вами говорят, – громче и ближе.

Вынужденный открыть глаза, Луи вопросительно посмотрел на первого, на второго, снова на первого.

– Чем могу служить?

– Нам сказали, герцог Филипп в канцелярии. Это канцелярия?

– Это. Сюда, разумеется, нельзя, – злорадно сказал Луи в уплату за «который сушит язык».

Обдав Луи прохладным дуновением, посетители исчезли за дверью.

Луи, ожидавший долгого базара, шумно выдохнул «ух». Бесцеремонность двоих в штатском была дика и немыслима. Луи отодрал расплюснутую задницу от ступеней и сделал несколько ни к чему не обязывающих шагов. Так, на всяк про всяк. Пусть все думают, что здесь нет ни тайны, ни загадки.

Филипп слышал скрип двери и, как потом вспоминал, расслышал даже ассонансную вытяжку из запретительного замечания Луи (э-а-е-я), чей чистый тенор держали при дворе за красивую безделушку, и здесь важно «красивую», а не «безделушку».

Они заполнили плоскость по канонам ассирийского официоза: Филипп велик и профилирован слева, неизвестные в штатском, каждый в отдельности меньший великого, но в паре перевешивающие, тяжелые и ладные, профилированы справа. Монахи же по знаку хозяина покинули местодействие и в стеле не увековечены. Заполнив же плоскость, посетители говорили в надлежащей очередности, и никто не посмел бы упрекнуть Филиппа в потере достоинства, а прочих – в косноязычии и скудоумии, пусть даже небо назовут землей, а землю – небом, что безразлично.

– Государь, – первый провел ладонью по столу, стирая дымчатую пыльную плеву, – мы представляем весьма достойную организацию – Орден Тевтонских братьев. Я – комтур ордена

⁸⁶ видения (лат.).

Гельмут фон Герзе, мой спутник – брат-причетник Иоганн Руденмейер,⁸⁷ толкователь законов Божеских и людских. Вот наши верительные грамоты.

На унавоженную чистотой гладь стола легли бумаги, выгнутые арками или, напротив, ладьями.

Филипп молча кивнул, не удостоив грамоты внимания. Любой ответ на подобный наезд, любая попытка потянуться за выложенными – не переданными из рук в руки! – грамотами низвели бы его до ранга мелкого дворянчика, на щите которого написано спесивое «Никто не лапнет меня беззастенчиво» ну или там по-другому.

Зафиксировав в своем интернальном протоколе комильфотную мудрость государя, Гельмут вел далее:

– Нас, между тем, не двое. С нами в Дижоне пребывает с сегодняшнего утра также третье лицо духовно-рыцарского сана, известный вам Дитрих фон Хелленталь, опекун покойного Мартина фон Остхофен. Орден весьма обеспокоен недавними событиями, приведшими к столь спорной кончине упомянутого отрока, и считает делом чести добиться кристальной ясности в вопросе его смерти, обстоятельства которой позволяют заподозрить вмешательство коварной и злой воли. Человека ли, демона ли – не составляет, в сущности, содержательной разницы, ибо Господь вложил в наши руки меч обоюдоострый – и светский, и духовный.

– Монсеньоры, – завел волюнку Филипп, питаясь живительной бумажностью канцелярии, – ни вы, ни тем более почтенный Дитрих фон Хелленталь, не можете пребывать в неизвестности относительно всех подробностей дела упомянутого отрока, сорокадневная служба по которому в нашем кафедральном соборе была оплачена мною более чем щедро. Всему виной недобросовестность одного из наших людей, просмотревшего трещину в блоке. Он был уличен, лишен исповеди и последнего причастия, а затем повешен при малом стечении публики, но, заметьте, в присутствии монсеньора Дитриха. Таким образом, было преступление, было, однако, и возмездие. Боюсь, что ваше расследование не достигнет цели, ибо нельзя дважды казнить одного преступника, а иные не сыщутся. Таково положение вещей здесь, в Бургундии, монсеньоры, – закончил Филипп, изучая пустоту в просвете между главами тевтонов.

Гельмут ответил сразу же, будто бы они играли в буриме и установили правило языком промедлившего украсить кокарду победителя-острослова.

– Орден исполнен глубокого уважения к бургундскому правосудию и ни в коем случае не склонен сомневаться в вашей искренности, государь, равно как и в верности ваших вассалов, проявивших, бесспорно, должное рвение в наказании виновных. Увы, заблуждение, пусть самое чистосердечное, благое – частый гость на судебных разбирательствах, в особенности когда преступник искушен в своем темном ремесле. Христианский мир за пределами бургундских земель полнится пошлыми слухами. Христианский мир, увы, не желает удовлетвориться предложенной версией смерти Мартина фон Остхофен. Эти слухи не идут на пользу в первую очередь бургундскому двору и, следовательно, полное и гласное уличение истинных убийц послужит лишь возвышению Бургундского Дома, сколь бы ни были неожиданны результаты нашего расследования. Уместно также указать, государь, на высочайший авторитет Ордена при дворе нашего общего сюзерена, императора германской нации Фридриха. Наш отчет об убийстве Мартина, а мы беремся утверждать, что речь идет о преднамеренном убийстве, будет вынесен на рассмотрение императорского Совета, где также намечено обсуждение вопроса о взымании прямого налога с лотарингских ленов. Едва ли кто-то осмелится оспаривать бургундские откупные права на Лотарингию, если будет удостоверено, что в герцогстве правит святой закон,

⁸⁷ «Я – комтур ордена Гельмут фон Герзе, мой спутник – брат-причетник Иоганн Руденмейер...» – Комтур – должность в Тевтонском ордене, приблизительно соответствовавшая «воеводе» Московского государства XV–XVII вв. Брат-причетник – младший офицер.

а не химеры флорентийских карнавалов. Поэтому мы нижайше просим вас, государь, дать нам достаточную свободу действий для исполнения нашего служебного долга.

Филипп Добрый, герцог, отнюдь не химера флорентийского карнавала, Филипп, лишь одна из многих химер бургундского фаблио, был окован и искусно инкрустирован хрустальной тевтонской логикой по самые помидоры. Внедрение инородных тел следователей в нежную архитектуру дижонского двора не сулило ничего хорошего в любом из узлов необозримого древа сослагательно-событийных ветвлений. Но, радость моя, изгнание тевтонов за сто первый километр, гневное «Подите вон!» или несчастный случай на дороге с привлечением разбойников или сверхъестественных сил – пустяк, мелочь, просто весьма несчастный случай в череде не таких артикулированных несчастных случаев, составляющих наше существование – все это будет плохо, определенно плоше, о чем в аристотелевой «Политике» (взор Филиппа, бихевиористической машины, чиркнул по соответствующему стеллажу) написано недвусмысленно и с должной лапидарностью.

– Что ж, монсеньоры, – сказал Филипп, размягченный шантажом, – я не буду возражать, если результаты нашего правосудия будут подкреплены авторитетом следователей Ордена и тем самым обретут недостающую убедительность в глазах христианского мира. Располагайтесь в дипломатической гостинице. Я позволяю вам вести дело так, как вы считаете нужным, при условии, разумеется, что все обстоятельства расследования будут доводиться до моего сведения во всех подробностях. Засим полагаю аудиенцию завершенной.

В то время как Гельмут собирал арки, подбирал ладьи и возвращал им первоначальную форму свитков, вдруг завелся Иоганн:

– Прошу прощения, государь, – Филиппу в спину камешком, – мы не оговорили важную юридическую тонкость, что может привести к опасному недоразумению.

И уже в лицо нехотя обернувшемуся Филиппу:

– А именно вопрос об уличенном преступнике, буде, разумеется, мы предоставим неопровержимые свидетельства его вины. Положим, пока еще неведомый злоумышленник окажется особой дворянского звания, находящейся на службе при бургундском дворе. Мы ни минуты не сомневаемся в беспристрастности Вашей Светлости, и все же просим извинить нашу дерзость. Мы хотели бы услышать из ваших уст подтверждение тому, что преступника постигнет заслуженное возмездие.

– Всякого постигнет заслуженное возмездие, – благочестиво заверил Филипп.

4

Сен-Поль – Гельмуту

– А вы не могли бы рассказать мне о Дитрихе фон Хелленталь и его пребывании в Дижоне поподробнее?

Господин экс-распорядитель на фаблио, эрудит и сластолюбец, держатель бойцовых петухов и отменный щеголь, отпустил портного в состоянии вселенской усталости, какую испытывает, думается, зрелый шелковичный червь, волею Творца обреченный пятьдесят раз окукливаться и пятьдесят же раз менять едва прикинутый кокон на другой – не исключено, лучший; худший, не исключено.

«Так я буду слишком красен. И берет, и штаны, и куртка – все красное, что за бычий темперамент. А так, с этими разрезами по самые подмышки, буду чистый англичанин. И ладно бы путевый англичанин, так нет – капитан шотландских стрелков, трактирный буян, противный мальчик. Черное с золотом – эффектно, броско, но, увы, приелось всем стараниями нашего пылкого графа», – в конечном итоге он пропустил обед у де Круа, где обещали подавать чуд-

ного заморского фазана, глаголющего юношеским голосом оракулы, недурно, между прочим, сложенные александрийским стихом. А ныне, в увенчание паскудного дня, лишенный просодических усад, голодный, обутий, кстати, в совсем уже неприличные туфли, которые давно пора отослать именитым нищим родственникам в Лилль, Сен-Поль вынужден говорить с этим типом, который отличается от Дитриха только именем. Что тебе сказать о Дитрихе? Рассмотрись в зеркале получше, мудак.

– С удовольствием, монсеньор Гельмут. Единственно, хотел бы узнать: наш разговор носит ведь характер совершенно откровенного, но и глубоко конфиденциального, не так ли?

– О да, несомненно.

– В таком случае мне, конечно, не следует опасаться, что мои слова достигнут ушей вашего холодного соотечественника... С первого взгляда я нашел его человеком несветским, угрюмым, а ведь если май-прелестник, май, как говорится, забавник, не в состоянии расшевелить человека, воззвать его к радости, то страшно и подумать, каков он промозглым ноябрьским вечером. Я имел с ним несколько бесед о бургундском образе жизни – в преддверии фаблио мне хотелось, чтобы все гости отчетливо представляли себе суть нашего праздника – и нашел, что он не просто нелюдим, но и, представьте, весь буквально напитан черной желчью. Так, однажды он спросил, во что обходится фаблио. Это не секрет, это предмет нашей бургундской гордости, что мы ежегодно тратим на майские игры сто двадцать тысяч флоринов. «Сто двадцать тысяч флоринов! – Воскликнул он, бледнея. – Когда мне хватило бы и пятисот!» А ведь я не предлагал ему и двух, ибо деньги герцогской казны есть деньги герцогской казны, и монсеньор Филипп вправе распоряжаться ими по своему усмотрению. А монсеньору Дитриху фон Хелленталь не должно быть никакого дела до этих средств, из чего я и заключил, что Богу нет места в его душе, где навеки воцарился золотой телец, и он...

– М-да, – нейтрально протянул Гельмут, – да.

Поговорили еще с полчаса о пустяках.

Неожиданно Сен-Поль выпалил:

– Поэтому, если хотите мое мнение, вот оно: Мартина убил Дитрих. Убил, чтобы присвоить его наследство.

5

Сен-Поль – Людовику

Лежа по-любому думается лучше. Когда задаются вопросом «А думают ли животные?», то представляют себе лежащего пса с умными глазами или бородатого, в шапке, заломленной на лбу, жнеца, растянувшегося на брейгелевском холме, локти под голову. Ты всегда лежишь после занятий любовью, даже если занимался ею стоя. После, кстати, превосходно думается, а еще после – спится. Сен-Поль лежал с закрытыми глазами.

С головы Гельмута, которой тевтон покачивал встреч каждому обличительному выпадку Сен-Поля, упал волос. Можно даже сказать, что Гельмут позабыл свой длинный седой волос на колченогом столе, сообщающем запасную горизонталь гостиной Сен-Поля. Можно даже пойти дальше и предположить, что это было сделано с умыслом, чтобы позднее под благовидным предлогом вернуться, дескать, я позабыл на столе свой гордый тевтонский волос, вернуться в самый неурочный час, предрассветный, и уже третировать Сен-Поля до полного изнеможения. Или так: лесные феи охотно оставляют влюбленным героям магические предметы – пояса, кольца, подвязки (почему бы не волос?) с тем, чтобы, возжелайся герою свидеться, он мог вызвать фею из астрала, проделав с фетишем условленную манипуляцию. Провернув кольцо на мизинце, подцепив подвязку. Принцип работы тот же, что у шнура для вызова прислуги.

Сделай – фея появится. Сен-Полю стало не по себе от мысли, что, разорви он волос пополам (как в таких случаях положено), не ровен час появится фей Гельмут:

– А вы не могли бы рассказать мне о феях и их пребывании в вашем лесу поподробнее?

Тевтоны ему, конечно, не поверили. Как обычно, потому что не хотели. Они не хотят, чтобы виновным в смерти Мартина оказался тевтон. Преступником, по замыслу следствия, непременно должен быть уроженец Бургундии, причем дворянин, причем не какой-нибудь худородный с перхотью на плечах и распахнутой настезь мотней, а такой, какого было бы смачно уличить. Сен-Полю было тревожно, потому что он понимал: сам он является чудо каким кандидатом на эту вакансию.

Тевтоны копают для него ямку.

Провидческий слух Сен-Поля, растревоженный Гельмутом, уловил слабые, негармоничные обертоны надвигающегося скандала со своим неперменным участием. Без него судилище не обойдется, как не обошлось фавлю. Эта сценарная незаменимость портила аппетит – не хотелось есть, не хотелось гулять, не хотелось женщин. Сен-Поль расправил рейтузы, под которыми волей-неволей контурировалось его мужское достоинство.

Гельмут ушел, а Сен-Поль остался. Он лежал. Он думал. Увы, стало очевидно, что доказать свою невиновность в случае чего ему не удастся. Что у него есть? Кора с каракулями Мартина? Сило с кровью Мартина? Тем хуже. Все это с легкостью начинает свидетельствовать в пользу Гельмута. Из личного опыта Сен-Поль знал, что шансы на удачу падают по мере того, как возрастают мощь и хаотичность прилагаемых усилий. Так что же делать? Запасать алиби? Искать правосудия у Филиппа, который, кажется, с этими тевтонами заодно и сдаст его с потрохами, лишь бы Карловы похождения не подверглись огласке?

Увы, оставалось то, что остается всем, кого зачерпнули сачком для ловли человеческих пиявок, всем, чей сапог накрепко застрял промеж двух неподъемных скрижалей кармы. Оставалось попытаться сбежать. Где он, этот вольный край, *Chiortovy Kulichki*?

Сен-Поль плохо представлял себе, как нужно это делать – бежать от опасности – хотя в общем, как обычно, все было ясно. Правильно скрепленная последовательность «приуготовления» – «дополнительные приуготовления» – «собственно бегство» в теории гарантировала спасение. Но многие опции в ней пока не были правильно выставлены. Нельзя было вот так, вот сейчас, покинуть насиженное место.

Неопределенной оставалась конечная станция, неизвестным – имя убежища. От бывших друзей, как водится, бегут к бывшим врагам. Врагов у Бургундии валом – выбирай на вкус, все равно пожалеешь и все равно будет уже поздно. Это как с женщинами: из толпы одинаковых нужно выудить одну, чтобы затем какое-то время считать ее самой подходящей. Сен-Поль запустил руку в рейтузы и погладил себя, настрадавшегося.

Волос на столе невзначай стал пахнуть Гельмутом – жженым салом, старым вязом и ржавчиной. Сен-Полю показалось, что пока он так лежит, волос успел свернуться пригласительной удавкой. Стоп. Дворян не вешают. Под рейтузами, где поначалу царил полный штиль, пришли в движение соки. Размышления продолжались. В чем его могут обвинить? В том, что он, как распорядитель, устроил все так, что Мартин убился. Все свидетели «устроений» мертвы, кроме Жювеля, чтоб он сдох. Но может еще кто-нибудь видел, как он нес тело через лесок? Как он стоял над мальчиком и читал надпись на коре? Какой-нибудь грибник, лесник, дух источника? А вдруг этот Гельмут не так христианен, как выглядит, и не погнушается обратиться за помощью к... Чтобы покончить с навязчивым тевтонским мышлеобразом, Сен-Поль хотел было осенить себя крестным знаменем, но его правая рука, его десница, была занята. Она жалела Сен-Поля, вздымая айвазовскими волнами добротные шерстяные рейтузы зеленого цвета, цвета влюбленности. Креститься левой нельзя. Да и вообще делать обе эти вещи одновременно, попеременно или непосредственно последовательно представлялось Сен-Полю кошунством.

Над графом, как летучие акулы над Летучим Голландцем, кружили мысли о бегстве.

Из врагов Бургундии Сен-Поль отдал предпочтение французскому вожеству под началом Людовика. В Дижоне несчетно раз крыли матом Париж, французские порядки и французского государя. Это означало, что в Париже не так уж дурно. К примеру, султана Мегмета с его языческой бандой поругивали умеренно. Итальянских дождей⁸⁸ вспоминали часто, но склоняли редко, оправдывая это тем, что в Италии люди устроены иначе, на манер антиподов, а значит им, наверное, лучше быть под дождями. От тоскливой степенности англичан и их угрюмых, свинцово-мерзостных междоусобий у Сен-Поля, имевшего библейские россыпи английской родни, с детства сводило скулы. Итак, бежать к Людовику.

Дыхание Сен-Поля стало вкрадчивым и частым. К Людовику! При всех «за» это все равно что бежать к Гаю Калигуле. Сен-Поль исполнился самосостраданием и задул свечу – он помогал себе как мог, но облегчение не приходило. Наверное, свет мешал, решил он. Под рейтузы отправилась левая рука, также отменно милосердная.

Беглецу положено снестись с врагом бывших друзей посредством письма. Это особый текст, он вне географии, вне истории.

«Здесь плохо, здесь меня притесняют и не ценят. У вас все лучше, и мне по душе ваш мудрый образ правления. Я готов служить вам. Падаю в ноги. Возьмите меня к себе. Я полезный, хороший мальчик». К этому следует приложить трехэтажные формулы вежливости, неуклюжие книксены и несуразные описочки (у них своя роль – свидетельствовать о волнении корреспондента, его чистосердечном трепете, о том, что письмо не замусолено рассудочным расчетом, а, напротив, есмь вдохновенный крик души).

Та голова, с которой упал волос, исполнена флюидов мщения, да и сам волос тоже. Сен-Поль бросит его в огонь, нет, вышвырнет на помойку, но не притрагиваясь руками – руки у него заняты. Затем заберет самое дорогое и ускачет в Париж. Пусть разбираются сами, кто убил Мартина, где, за что и зачем. Но самоустраниться можно будет не раньше, чем Людовик призовет к себе своего блудного сына, графа Сен-Поля. Не раньше, чем ему будет дозволено свить гнездо у ног справедливого и мудрого монарха. Стало быть, придется ждать ответа. Бегство – это то, чего еще нужно дожидаться. На глаза Сен-Поля навернулись слезы, и пролил он семя свое на все и вся, обернувшееся столь скверным образом.

Слуга, поспешивший на вызов, отнес рейтузы прачке. Перо Сен-Поля возносило скрипучие похвалы Людовику.

6

Франсуаза – Гельмуту

– Я пришла, потому что говорили – вас интересует, кто убил Мартина.

Гельмут покосился на девушку и сделал согласительный жест вроде «говорите дальше, не останавливайтесь».

– Так я правильно понимаю? Интересует?

– Это в общем верно... ну а кто вам сообщил? Или это... впрочем, ладно, продолжайте, – Гельмут, как и все рыцари Ордена, с трудом включался в беседы со шлюхами. Даже деловые.

– Говорят... мало ли кто, знаете, говорит, важно, чтобы это была правда. Так?

– Разумно, продолжайте...

⁸⁸ *Дож* — пожизненная должность верховного правителя Венеции.

– Если вас интересует, то я, конечно же, знаю, кто его убил. Это очень просто – всегда найдется кто-то, кому кто-то не по душе. И вот этот, кому не по душе другой, в один прекрасный момент гоп – да и перережет веревочку, например. Ну это так, к слову. Впрочем...

– Что?

– Ну, Впрочем, например, я даже знаю кто это был, кому не по душе был, скажем, Мартин. Это интересно?

Гельмут старательно выражал одобрение и поощрение. Конечно, это очень интересно, даже если полная чушь.

– Говорите что знаете, а я отвечу, интересно или нет. Быть может, ваши сведения тривиальны или общедоступны?

«Триви-тривиальны?» Франсуаза почувствовала, что ее собираются надуть.

– Нет, они полезные. Я слыхала, что за полезные сведения полагается денежка. И я, конечно же, очень интересуюсь ее размерами. Скажите честной девушке, какие размеры?

– Пятьдесят флоринов, если укажете убийцу и сможете доказать. И ничего – если нет. Понятно? – пригласив Франсуазу следовать рядом, Гельмут двинулся по дорожке вглубь парка.

Двести шагов туда, двести десять шагов назад, десять шагов в жертву анизотропии пространства,⁸⁹ усталости, небольшому подъему. Пятьдесят флоринов?! Как же, как же, достанет и двадцати. Разве что если докажет, что убийца Филипп или Карл – лучше всего если Карл. Пятьдесят флоринов!

Франсуаза трезво взвесила свои шансы в этих торгах и обиженно поджала губки.

– То есть вы мне не заплатите. Ладно. Я скажу, кто убил Мартина, а доказывать ничего не буду. Если вам интересно – платите двадцать флоринов, тогда я скажу еще зачем и почему. Не хотите – не надо.

– Кто же, по-вашему, убил Мартина?

Франсуаза смолкла. С тем же дальним прицелом молчит учитель, спросивший у класса: «В каком году почил герцог Карл Смелый?». И только, садонасладившись озадаченным сопением и дежурными шутками вроде «А я и не знал, что он болел», упоенно возвещает: «Ну конечно же в одна тысяча четыреста семьдесят седьмом году».

– Ну конечно же Сен-Поль, – выдала Франсуаза.

Вместо того, чтобы хлопнуть себя широкой ладонью по широкому лбу со словами: «Как это я сразу не догадался?!», Гельмут повел головой из стороны в сторону, словно это движение позволяло ему лучше впитать и равномернее распределить информацию между клетками мозга.

– Сен-Поль. Хорошо.

– Ну так что, – Франсуаза раскрыла ладошку, – двадцать флоринов мне?

– Говори дальше.

– Так. Граф Сен-Поль убил Мартина. Он ревнивец, это хорошо известно и без меня. Сен-Поль, я имею в виду. Его подруга Лютеция, Вы знаете ее? Так вот она заодно и моя подруга не в том смысле разумеется что подруга Сен-Поля но она очень доверяет мне поскольку мы с ней в молодые годы были ну работали что ли вместе то она до сих пор мне все говорит это порой интересно так она когда фаблю было в самом разгаре а Мартин еще был жив то говорила мне как они ну вы понимаете с Мартином словом как она спала с Мартином хотя он совсем

⁸⁹ «Двести шагов туда, двести десять шагов назад, десять шагов в жертву анизотропии пространства...» — Шутка и не только. Анизотропия (или анизотропность) – противоположность изотропии (изотропности), т. е. равномерности, однородности пространства. Когда говорят, что «пространство Вселенной изотропно», как раз и имеют в виду, что измерение расстояния не зависит от выбранного направления. Но если в фундаментальном физическом смысле гипотеза об изотропии, возможно, верна (хотя для окрестностей пресловутых «черных дыр» можно строить более экстравагантные гипотезы), то в антропоцентрическом, субъективном смысле пространство именно анизотропно. В самом деле, «вверх» для нас совсем не то же самое что «вниз», «Восток» совсем не то же самое, что «Запад», etc.

был мальчишка она говорит он влюблен был в нее без памяти ну вы знаете когда совсем еще мальчишка ему было так просто влюбиться но она говорила он ух был силен в постели ну постель то у них понятно в кустах была но он ее всю измучил такой он был горячий маль...

Франсуаза осеклась на полуслове. Ей показалось, будто рука Гельмута незаметно, хотя вполне даже заметно, куда-то юркнула, быть может дремать, убаюканная ее бойкой трелью, а может поцеловать на прощанье свои двадцать флоринов, которые ей, этой руке, уже не принадлежали. Гельмут недоуменно покосился на Франсуазу. Они остановились.

– Значит, она спала с Мартином, – Гельмут был показательно деловит. – И дальше...

– А дальше Мартин, глупыш, даже клялся ей, что он кого-то убьет. Сен-Поля, кажется. Ну вы же понимаете, как он ее ревновал! Ну а тот тоже ревновал, но, видно, шибче или был расторопнее. Словом, убил он мальчишку, хотя кто его знает – не убей он его, так искали бы вы теперь убийцу Сен-Поля. Лютеция очень переживала. Вы ее, наверное, не беспокойте, хорошо?

– Почему же? Теперь мне просто необходимо поговорить с ней.

– Ну я хотела сказать, не надо говорить, что это я вам все рассказала. Так лучше – если она не будет знать. А то ведь зачем ей знать?

– Приятно было побеседовать, – деньги перекечевали из рук в руки. – Очень хорошо, что вы пришли, надеюсь, в будущем нас еще ждут минуты общения, – деньги пересчитаны, – но сейчас к сожалению я должен спешить, – Франсуаза в гневе («Десять флоринов, всего лишь десять, какая скотина, мы же договаривались!»), – мне еще предстоит разговор с Лютецией. Или вы хотите, чтобы я вам дал еще десять? – этот неожиданный вопрос поставил гордичку Франсуазу в тупик. Но ненадолго.

– Да, то есть да, то есть конечно, то есть да, то есть... нет, то есть катитесь вы к черту, денег ему жалко, скупердый хренов, – разгоряченная Франсуаза зашагала по дорожке к прудам, куда ей совсем не было нужно.

7

Лютеция – Гельмуту

Лютеция жила в самом сыром и самом левом флигеле замка. Дверь была резная, петли старые, но без скрипа. Лютеция аккуратно смазывала их оливковым маслом, которое исправно тащила с ужинов и обедов. Смазывала и любовно протирала тряпочкой, как если бы это был маузер. Гельмут замер возле двери и принялся – оливковое масло, что ли? Накануне был тот самый День Умощения Петель, но Гельмуту вдруг подумалось, что он заблудился и оказался у кладовой. Пламя свечи, марионетка коридорных сквозняков, упорно пыталось гореть вниз головой, наплевав на соответствующие предписания со стороны знатоков естественного порядка вещей. Особенно сильно сквозило из-под двери. Гельмут постучал три раза.

– Кто? – поинтересовалась Лютеция с секундным промедлением. Она слышала гулкие тевтонские шаги еще в постели, на цыпочках подскочила к двери и притаилась в надежде раз-узнать, кто это и к кому направляется. К ней. Сюрприз.

Преимущество на ее стороне. Гельмут опешил. Все-таки это неожиданно – он рассчитывал выцарапать ее, непонимающую, из-под перины и учинить допрос с пристрастием. А она, оказывается, не спит. И, возможно, не одна.

– Я, Гельмут фон Герзе, желаю срочно переговорить с вами по одному важному делу, – выдал Гельмут.

Сейчас еще возьмет и не откроет. Но она открыла.

– Чем могу? – Лютеция сияла. Впервые за десять дней к ней пожаловал мужчина. А это означает катание на лошадках, милые безделки, цветы, мороженое.

Лютеция была рада, по-честному рада видеть у себя статного, в годах фрица с толстой золотой цепью на шее. Гельмут вошел и без приглашения оседлал стул.

– Я хочу расспросить вас о Мартине фон Остхофен, с которым вы, как мне стало известно, были накоротке, – выпалил Гельмут и, спохватившись, уточнил: – Вы не спите?

– Нет, я делала педикюр, – Лютеция села на свою теплую кровать, задрала рубаху и показала ноги. Между пальцами были вложены полированные деревянные клинышки – чтобы когда красишь ногти, пальцы не соприкасались. У Гельмута эти клинышки вызвали неприятную, но, увы, неизбежную ассоциацию с пыточным подвалом.

– Все равно извините.

Лютеция ассертивно,⁹⁰ по-американски улыбнулась. Прощаю.

– И все-таки насчет Мартина.

– Я была с ним знакома, – подтвердила Лютеция, как будто этого подтверждения от нее и добивались. – Вы же знаете, он умер, – Гельмут воодушевленно проглотил свежую порцию откровения. – Все говорят, то был несчастный случай, но я другого мнения.

– Очень, очень интересно. Какого?

– Я думаю, он свершил великий грех перед Господом и самоубился. Обставил все как несчастный случай, чтоб никто не узнал. Он был такой совестливый. Наверное, не хотел бросать тень на бургундский двор, хотел, чтобы никто не подумал, что ему здесь плохо.

– Да-а, – протянул Гельмут, переваривая услышанное. – А отчего, собственно, ему было плохо в Дижоне?

– Ну уж я не знаю! – ни с того ни с сего взорвалась Лютеция. – Не могу же я все знать о бедном мальчике?!

– Но вы ведь были с ним близко знакомы! – напомнил Гельмут на повышенных тонах, словно речь шла об обещании или долге. Лютеция с лютой, козьей тупостью разглядывала его золотую цепь.

– Кто это вам сказал? Франсуаза?

Гельмут воздержался от каких бы то ни было жестов, восклицаний и тому подобного, что было понято Лютецией как «не отпирайся».

– Да, весьма близко. Мы состояли с ним, как это принято говорить, в любовной связи. Но недолго, совсем недолго. Я не успела его как следует узнать.

«Любопытно, что мужчина, переспав с женщиной, пребывает в уверенности, что да, что вот теперь он узнал ее как следует. Женщина – нет. После первого раза она уверяется в том, что именно теперь мужчина обретает гносеологическую ценность, и самое время положить начало большой и глупой работе», – подумал Гельмут.

– А не приходило вам в голову, что Мартин мог кто-нибудь убить?

Лютеция вытаращила глаза, в которых промелькнули удивление и боязнь мертвецов.

– Нет, – она была искренна. – А кто?

– Сен-Поль, вот кто.

– Сен-Поль? Этот хромый лошак? – Лютеции стало очень, очень весело.

– А почему бы и не Сен-Поль? – отступил Гельмут. – То есть кто ж еще, если вы состояли в связи одновременно с обоими? Ревность способна на все, разве нет?

– Ревность? Сомневаюсь. Если бы Сен-Поль из ревности убивал тех, с кем я была близка, пришлось бы зарыть пол-Дижона. Не исключая, прости Господи, молодого графа Шароле. Понятия не имею, что вам наболтала Франсуаза, но это бред. Во-первых, такое трусло как Жан-Себастьян, уверена, даже на войне никого не осмелится убить, а, во-вторых, о том, что мы с Мартином это, он и не подозревал. Это было всего один день, а Сен-Поль в то время как раз

⁹⁰ Ассертивно — напористо, с показным радушием и демонстративной готовностью к коммуникации. Термин, популярный в дискурсе психотренингов вроде «как заставить всех вокруг приносить тебе пользу».

носился, очертя голову, по Общественным полям. Он ведь был распорядителем на том проклятом фаблио. А после, понятное дело, я ему докладывать не торопилась.

– Понятное дело, – согласился Гельмут.

И тут Лютеция вмиг поскучилась. Окинув Гельмута тяжелым, злым взглядом, она, на сей раз безо всякого умысла, сверкнула ляжками, залезла под перину, отвернулась к стене и замолчала. Она не стала точить всамделишные слезы, хотя было горько, как бывает горько, когда сюрприз не состоялся – посетитель действительно пришел спрашивать о Мартине. Спрашивать – и больше ничего. Даже если она заплачет, этот идейный тевтон не станет ее утешать, не скажет ласкового слова, не пошутит. Он весь – как воздух казенного дома. «Бедный Мартин, бедный мой мальчик, бедная я», – думала Лютеция, но глаза ее были сухими, только чуть покраснели.

– Простите, я вас чем-то обидел?

Не дождавшись ответа, коварный, чинный Гельмут бесшумно затворил за собой на совесть промасленную дверь. Масло просто необходимо, чтобы среди ночи не будить соседок с дырявыми берушами в ушах.

8

*Гельмут – Водану*⁹¹

На третий день пребывания в Дижоне Гельмут, как всегда позавтракав в обществе Дитриха и Иоганна, а затем, как всегда, оставив второго надзирать за первым, отправился искать правду-матку, а заодно и дешевые млеко-яйки на рынке. Он, как обычно, прошествовал по залитой летним солнцем улице Святого Бенигна до самого конца, а затем, ясное дело, свернул в кривой переулок, где его еще в первый день чуть было не растоптал чей-то молниеносный посыльный. Во второй день в этом же переулке, оглядевшись предварительно по сторонам, Гельмут огрел мечом пристающего цистерцианца,⁹² который плелся за ним от самой ратуши и канючил денежки на богоугодничанье. Огрел, конечно, плашмя, но сильно. Ушибленная кисть давала о себе знать по сей момент. Злосчастный переулок можно было обминуть, но Гельмут втайне надеялся, что Водан, доселе подававший невнятные знаки, явит ему наконец что-нибудь стоящее.

Пройдя переулок из конца в конец, он постоял немного в недоумении. Затем проделал обратную экскурсию. Но как ни напрягал Гельмут метафизическую мембрану, он не смог уловить ни малейшей вибрации, ни малейшего намека на ожидаемое происшествие. Та же смрадная куча тряпья, подпирающая стену трехэтажного дома аптекаря, та же пыль, тот же привкус копоти на губах, хотя ничто не коптит. Гельмут облизнулся против часовой стрелки и, сделав крюк в три квартала, устремился обивать пороги лживых бургундских патриотов.

⁹¹ «Гельмут – Водану». – Водан – то же, что и Один. Верховный бог у древних германоскандинавских народов, супруг Фрейи, отец Бальдра.

⁹² Цистерцианец – член католического ордена цистерцианцев, называвшихся также и бернардинцами. Первый монастырь ордена, Цистерциум, располагался неподалеку от Дижона.

Дитрих – Гельмуту

На Дижон проливался дождь. Гельмут только что отужинал в обществе Иоганна и Дитриха. Праздные разговоры были тевтонами презреваемы, а потому все трое пребывали в церемонном молчании. Каждому было дано право полагать, что двое других молятся.

На самом деле молился лишь один, Дитрих. Его проблемы были просты и доступны любому господу: убраться, убраться поскорее из Дижона, не меняя коней нестись во весь опор, ловко поспеть к закрытию мецских ворот, наконец-то вступить в наследство и уже неторопливо поспешать в милую Пруссию, где можно будет распорядиться средствами покойного в свое удовольствие, хотя и разбирался Дитрих в своем удовольствии посредственно. Молитву Дитрих сопровождал арфическими медитациями, которым, между прочих, находилось и такое оправдание: в раю, по слухам, многие праведники коротают досуг точно так же.

Как известно, существует два рода любви: через обладание и через привыкание. По крайней мере, так было известно Иоганну и Гельмуту из пространных откровений гроссмейстера Фридриха. Скажем, любовь к музыке. Когда следователи во время первой ночевки на постоялом дворе, а было это в восьми лье от Меца, услышали игру Дитриха, они пожалели, что сотворены по образу и подобию своих родителей, которые тоже были человеками, а не глухарями.

В восьми лье от Дижона Гельмут с ужасом поймал себя на том, что насвистывает один из Дитриховых мотивчиков, а у Иоганна исчезло давнее несварение желудка. Любовь к чему-либо через привыкание приходит как бы задним числом, как спасительное оправдание многих и многих часов, вынужденно потраченных впустую на вышеуказанное что-либо. Гельмут и Иоганн очень любили музыку Дитриха. Они согласно влились в Дитрихов симфотранс и безмолвствовали.

Водан – Гельмуту

Входит Жювель Тухлое Дупло.

При таком раскладе, натурально, его появление замечено поначалу не было. Он мог безнаказанно украсть любую дорожную следовательскую шмотку и исчезнуть. Мог свистнуть даже превосходный меч Дитриха, отлитый из серег и браслетов его прабабки, меч, из-за которого его колесовал бы первый же судебный пристав. Мог просто нассать в уголку.

Из богатого континуума дареных судьбою возможностей Жювель избрал вторую, но с небольшой поправкой. Его косою глаз облобызал рукоять не Дитрихова, но Гельмутова меча. Одна эта рукоять и без отягчающего ее собственно клинка в Брюгге могла стоять отрез сукна на добрый латинский парус.

Жювелю не нужен парус, Жювелю радостна кража как высший акт любви через обладание. «Пусти, мерзавец; Гельмут, проснись!» – верещит оскверненная прикосновением Жювеля рукоять, и все меняется.

Жювель, воздетый за шиворот на полфута от пола, в отчаянии сучит ножками. Иоганн-верзила воротит нос от своей смердящей добычи. Гельмут успокаивает взволнованный меч.

– Пусти, я хорош, – скулит Жювель. Давно скисшие нити рвутся одна за другой, воротник его грязной, но на удивление расшитой павлинами рубахи остается в Иоганновой длани. Жювель падает на пол. Грохочут деревянные башмаки.

Вдруг лицо Гельмута просветляется.

– Не ты ли тот мерзавец, которого я сегодня утром принял за ком грязного тряпья в куче такого же тряпья под домом аптекаря?

– Борзо я жрал раньше, теперь же прокажен без проказы и хуже червя, – согласно вздыхает Жювель.

Иоганн между тем связывает Жювеля и отходит к окну продышаться. Гельмут садится.

– Ты хотел украсть мой меч. Зачем? – спрашивает он, не зная, с чего начать.

– Я не красть, я вроде помазать.

– Уже помазал. Дальше.

– Мне всегда так. Хотел поцеловать, а получилось съесть.

– Это с кем же ты так?

– С едой хозяина.

Гельмут хохочет. На памяти Дитриха это с ним второй раз.

– Кто хозяин?

– И я об этом. Сен-Поль, будь он дохлым.

Гельмуту слышать такие признания Жювеля радостно.

– Ты из челяди Сен-Поля?

– Был, теперь же прокажен без проказы.

– Это хорошо, что без проказы. Так значит, Сен-Поль тебя выгнал.

– Выгнал сказать не то будет. Хотел виселицу сделать мне, да я припустил прочь, а он меня ищет.

– Ты у него что-то украл, – убежденно говорит Гельмут, извлекая меч и поворачивая его то так, то этак, чтобы свечи отражались в нем по-разному и по-разному веселили душу.

– Не надо, не крал, понял! – выкрикивает Жювель, напуганный предположением Гельмута и его манипуляциями с клинком.

– Не ори. Мы можем отрезать тебе язык.

– Я сделал вам любопытное, – говорит Жювель обиженно, – и с этим я здесь.

Гельмут выжидательно смотрит на Жювеля.

– Я пилил кругляк, по какому веревка ездил. С ангелом.

– С каким еще ангелом? – Гельмут уже понял, о чем идет речь, но он боится своего предположения. Боится разочароваться. А если Жювель сделал не то и не там, где это только что свершилось в криминальных фантазиях тевтона?

– С ангелом, против которого хозяин умыслил.

– Сен-Поль приказал тебе подпилить блок, через который тянулись тали с подвешенным к ним Мартином? – к неудовольствию Гельмута подает голос Дитрих. Тоже, как видно, догадливый.

– Мартина не знаю. Ангел был, – убежденно возражает Жювель. – Упал он стремно, убился.

– И ты не боишься повторить свои слова перед герцогом Филиппом?

– По деньгам смотреть надо.

– Сто золотых.

– Боюсь.

– Сто пятьдесят. За большее мы можем разве что отрезать тебе язык.

– Хочу на них посмотреть.

– Иоганн, будь добр, покажи Жювелю деньги.

Глава 7

Граф Жан-Себастьян де Сен-Поль

1

Так и есть – Сен-Поль убил Мартина. Дитрих подкупил Сен-Поля, и Сен-Поль, воспылав небывалой алчностью, убил Мартина. Дитрих, воспылав небывалой алчностью, подкупил Сен-Поля, который и убил Мартина.

Карл размышлял вслух. Лениво и безразлично. Безразлично и монотонно. Покачивая ногой. Луи не внимал ему.

– М-да, – продолжал он на той же ноте, – Абрам родил Исака, Исак родил Иакова, Иаков родил Мартина, Дитрих убил Мартина, и тем Дитрих отъял богатства Мартина. М-да.

Луи рассеянно покачал головой. Карл кинулся вперед и, прижав Луи, недоразумевающего и в шутку испуганного, к спинке кресла, рыкнул прямо ему в лицо:

– Зачем, дарагой дядя Дитрих, все эти понты?

Луи прыснул, и роса его краткого веселья осела на Карловом подбородке.

– Ничего смешного, – Карл отпустил Луи и рукой-отпустительницей смахнул дружескую росу. – Ничего смешного здесь нет. А вдруг это я его убил?

– Тогда, монсеньор, вас повлекут в зарешеченной фуре по городу. Пренарядные карлы будут швырять в вас навозом, а о дамах уж и говорить нечего. Потом вас привезут на площадь и там повесят.

– Дудочки, – Карл покачал длинным указательным пальцем перед длинным указательным носом Луи. – Дворян не вешают.

2

Сен-Поль. Вот он перебирает свои бумаги. Осматривает гардероб. Много пестрых и дорогих вещей, очень модных. Что означает «модных»? Это очень любопытно. В провинциальной Испании в моде белый и оранжевый. Таковы цвета гардеробов на срезе распаханного шкафа. Во Франции, поглядывающей на Бургундию в смысле новых веяний – голубой и салатный. Такова гамма Людовика. В Бургундии, столице вкусов и роскошеств, в моде все. Что попало. В моде то, что ты надел. Бургундские костюмы модны априори. Поэтому в гардеробе Сен-Поля – радуга. Поэтому непросто выбрать самое-самое, набить этим короба и смыться. Смыться даже проще, чем выбрать самое-самое, потому что в бегстве рисуется конечная и умопостигаемая последовательность действий. Тем более, что никаких коробов, когда бегут от опасности, с собой не тащат. Берут важное, а не любимое. Сен-Поль в сердцах захлопнул створки гардероба. Вернемся к бумагам и драгоценностям.

Оливье – маршал Франции. Он уже здесь, и наверняка с ним ответ от Людовика, где Сен-Полю обещаны убежище, покровительство и защита в Париже. Оттуда он будет строить рожи и тевтонам, и бургундам – рожи французского подданного, обласканного королем, который, как известно, без ума от предателей и перебежчиков.

Сегодня, когда цвет Дижона выехал во чисто поле навстречу кортежу маршала Оливье, Сен-Полю повезло – ему довелось помогать Оливье спешиться. Тот сделал ему знак. Мол, все в порядке, Людовик согласен, о подробностях позже. Намек, как минимум, на ближайший прием. Оливье – дуэнья, сводня, сальватор.

Этот прием затеян герцогом Филиппом в честь французского гостя и там, возможно, Сен-Поль получит от Оливье обстоятельную записку. А может и переговорит украдкой на волнующую тему – о безопасном бегстве. И, не исключено, уже сегодня к полуночи Сен-Поль станет обладателем охранительной грамоты с вензелями Людовика. Он получит ее и, ни с кем не попрощавшись, пустится в дорогу в обществе свирепых и преданных клевретов. Их должно быть не меньше семи.

С такой грамотой, правда, можно будет действовать и по-другому – приклеиться к свите Оливье. Но вот беда – Оливье и его люди держат путь к герцогу Савойскому, где намечено засватать чью-то рано овдовевшую кузину. Они отбудут из Дижона завтра утром и вернутся в Париж через четыре недели. Примазавшийся Сен-Поль, естественно, прибудет в Париж никак не раньше.

А ведь хочется как можно скорее облобызать прах под ступнями французского государя. Чем скорее – тем лучшее. Тевтоны сужают круги, тевтоны собрали на него досье, тевтоны делают вид, что он им не интересен, это плохой признак. Герцог Филипп цокает языком, игнорируя его дружелюбные виляния хвостом, Лютеция осыпает его вдохновенными и непечальными ласками. Это тоже плохой признак – бабы любят потенциальных висельников, смерть и опала разжигают их чувства. Кто-то прислал ему ароматический платочек – это тоже, кстати, о потенциальных висельниках. В воздухе гроза, пахнет трескучим разбирательством и козлами отпущения. Сен-Поль пахнет козлом. Это страшит его. Ему снилось, будто он лежит в наполняющемся водой трюме.

Он сел на табурет и стал по одному выдвигать ящики и ящички секретера. Жидкая корреспонденция. Позвольте, извольте, пшел на, всегда рад. Нет, бумажки брать с собой не будем. Медальон с локоном одной особы. Серебряная пряжка, рисунок, симпатичный дырявый камушек – почему его, кстати, называют «куриным богом»? Разве кто-нибудь видел, чтобы птицы сотворяли себе кумиров? Крошки. Ну крошки. Запасной ключик от шкатулки. Засушенный цветок. Железный грифель и кусок коры.

Видение: он бредет через рощу, Мартин, окровавленный настоящей кровью, грифель, этот, вот этот грифель, торчащий в его груди, и щегольской берет со вложенным в него куском коры.

3

Сен-Поль еще раз перечел берестяное коммюнике Мартина. «Растленный Карлом, умираю во цвете лет».

Зависть, жалость и досада. Нет, не отвращение к содомскому греху. Нет. И ничего, похожего на непонимание, вроде «Как они могут?» Все понятно. Пожалуй, другое – жаль, что не все могут. Де Круа, например, не может. И еще, пожалуй, вопрос, касающийся не столько мужеложества, сколько любви. Почему не получается это скрыть? Почему, даже когда скрывают, все равно вылазят наружу интимные ростки, словно опара из горшка? Почему, кто бы с кем ни слюбился, все становится известно? Почему шило не желает таиться в мешке?

И еще: Сен-Поль не верил в то, что Мартин был растлен. И не оттого, что был о молодом графе уж очень чопорного мнения. Дело в другом – зависть как род самоистязания никогда не довольствуется явленной правдой, ей нужна правда, помноженная на сто. Зависти нужна мечта, воплощенная в чужой жизни. Вот почему Сен-Поль не верил в растление, а верил в одеяло, которое рука Карла нежно набрасывает на озябшее плечо Мартина.

4

Ветерок распахнул окно и разметал бумаги. Типическая сцена: приход весны, незадолго до бегства. Беглец Сен-Поль нюхает кору, которая пахнет, как и положено коре, – корой. Где, кстати, теперь Мартин – в раю? Нет, лучше везде – пусть лучше он будет растворен в мировом пантеистическом начале и, в том числе, в этом ветерке. А может, он видит, как я рассматриваю эту кору, наблюдает откуда-то за мной с небес, из Дхарма-Кайи?

В теологии и танатологии Сен-Поль был слаб, но трезв и честен в самооценке. Приходилось признать, что если бы Мартину было позволено тешить себя картинами земной жизни, он бы не расточал свое внимание на него, Сен-Поля, пусть даже и с корой. Пялился бы, покуда хватает сил, покуда не повылазят глаза, на Карла. Как он спит, как ест, как ходит по нужде, как волочится за барышнями – стало быть, это он только для отвода глаз за ними волочится? Чтобы все думали, что он... в то время как он...

Вид распростертого Мартина, убиенного мальчика, возлюбленного мальчика, вновь раскинулся настойчивой голограммой перед взором Сен-Поля. Зачем Мартин нацарапал эту гадость перед смертью, зачем вообще было закалываться? И снова зависть, черная и тоскливая. С готовыми ответами. Оттого что размолвка. У них была размолвка, ссора, кто-то кому-то изменил, скорее Шароле, он такой, а Мартин решил отомстить. Шароле отказал ему в ложе, Мартин отказал себе в жизни, чтобы Карлу отказали в уважении, чтобы молодой граф побарахтался в болоте вселенского презре-осуждения, чтобы нажрался им как следует. Чтобы испил из моря урины, выливаемого на него теми, у кого такая профессия – задира над поскользнувшимися ножку. Чтобы Шароле вкусил пуританского «фе», на которое сам Мартин был не способен. Вот зачем. Именно за этим.

Используя руку как клешню, Сен-Поль смел все достойные совместного с собой изгнания цапки со стола в коробку, а кору положил в кошелек, притороченный к поясу. Подушил за ушами, под мышками, прилизался, оделся.

– Монсеньор, я весь в вашем распоряжении, – отрапортовал один из семи свирепых клевретов.

– Возьми вот это, – Сен-Поль передал ему коробку, куда уже на ходу встроил флакон с духами. Хороший запах. – Ждите меня у западных ворот. Отправляемся сегодня же, и не вздумайте надраться. Повешу.

– Никак не вздумаем! (Надраться.) Не надо! (Вешать.)

– Все, – властно сказал Сен-Поль.

Окинув sentimentalным взглядом комнату, Сен-Поль застегнул плащ и приложился к распятию.

5

Прием в честь Оливье был Карлу истинно безразличен. Он о нем не вспоминал. Когда некто говорит «Я не хочу туда идти, потому что мне все равно» – это ложь, которую выдает «не хочу». Оливье или не Оливье, Карл все равно пришел бы. По привычке. Есть такая привычка – ходить на приемы.

Карлу было охота почесать языком, но Луи не было рядом. Ему по рангу не положено.

Гостей рассадили по-дурачки. На детских утренниках, а также на повседневных трапезах дедов и прадедов расположение гостей подчинялось правилу «мальчик-девочка-мальчик-девочка». На этом приеме было что-то похожее: «француз-бургунд-француз-бургунд». На всех французов не хватило, но Карлу в соседи достался один такой. Дворянчик. В иное время Карл с ним рядом и не высморкался бы, тоже мне персона.

Самого Оливье залучил к себе герцог Филипп, секретаря Оливье взяли в оборот папины титулованные собутыльники. Сен-Поль обрабатывал сухопарого Эсташа де Рибемона с римским профилем. С него бы монету чеканить. Приписанный к Карлу француз зовется Обри де каким-то. Де Клеман, что ли? Его единственное достоинство – молодое жизнелюбивое брюшко. Все жуют.

– Не откажете ли вы мне в любезности? – спрашивает Обри.

– Как я могу! – вяло реагирует Карл, отирая пальцы о скатерть самым изысканным бургундским манером.

– Тогда передайте мне блюдо с трюфелями.

Карл осматривает стол. Которое из них с трюфелями? Он нюхает все, до которых может дотянуться, по-черепаши вытянув шею. Находит. Передает блюдо Обри. Тот кокетничает:

– Не могу устоять перед трюфелями.

Грибы образуют конус на его тарелке.

– А вам?

– А мне не надо, – с подозрительной серьезностью отвечает Карл. – Они, по-моему, пахнут псиной.

Обри поворачивается к Карлу всем брюхом.

– Да? А почему? – спрашивает он вместо того, чтобы просто приняться.

– Потому что их собирают псы, – поясняет Карл с таким усталым видом, будто приводил это объяснение сотни раз прежде.

– Собирают? – Обри очень стесняется.

– Ага. Трюфель – под землей, его никто не видит. Собаки ходят и ищут, а потом лают поварам, что нашли и готовы обменять их на мясо. Один трюфель на одну отбивную. А если повар жадный и собаки это знают, они могут еще и помочиться втихаря на найденные трюфели.

– Вот как? – Обри сник. Он не мог определить: Карл хамит, шутит, говорит правду или фабулирует.

– Именно! – Карл разделявал жаворонка, начиненного перченым крыжовником.

– Так вы не советуете?

– Почему же? Советую.

Обри растерянно смотрел в свою тарелку. Его ноздри бесшумно вздымались, словно крылья птицы.

– Отличная музыка, – сказал Обри, когда вступили музыканты, через полчаса.

Карл окинул взглядом застолье. Замаслившиеся лица. Отец шепчет на ухо Оливье, никто уже не ест. Пятая перемена блюд. «Нужно внести пропозицию, – думает Карл, – во время пятой перемены блюд подавать невидимую пищу, чтобы не искушать никого». Симпатичные пажи разносят напитки. Французы произносят здравицы и дипломатические благоглупости. Весь честной народ. На златом крыльце сидели. Дворянское собрание в полном составе. У отца удивительно жирные волосы.

– Монсеньоры, да будет дорога французских гостей легка, как подагра герцога Савойского! – в качестве алаверды провозглашает подвыпивший Филипп Добрый, Филипп Прекраснодушный.

Гомон на секунду затихает, чтобы возобновиться с удвоенной силой. Все поднимают кубки и пьют за савойскую подагру.

Столы стоят разомкнутым каре. Строй Ганнибала при Каннах, вывернутый наизнанку. Вот если бы сейчас стол исчез или стал прозрачным, сколько интересного можно было бы увидеть. Чья-то рука гладит колено соседки, кто-то выливает вино под стол, чтобы нестати не забуреть, кто-то крутит фиги, выставляет факи, крошит на пол хлеб просто так, треплет собацору, а заодно вытирает об нее пальцы, передает записочки, пожимает чужие запястья в

условном пре-фрикционном ритме. Но нет, доподлинно ничего не видеть. Спектакль скрываем занавесом, все, что под столом – скатертью. Остальное скрывают одежды.

6

Жювель вымыт, одет во все чистое и теперь наконец похож на того, кем он был еще сорок дней назад – на графского парасита,⁹³ слугу и негодяя.

Всю ночь тевтоны продержали его привязанным к кровати, но Жювель и не думал бежать. Хотя мог бы ужом выпутаться из веревок, прихватить свои деньги и поминай как звали. Он этого не сделал.

Гельмут еще вчера пронюхал, какой праздничек будет сегодня, и поэтому не побежал с раннего утра козырять Жювелем перед Филиппом, как мог бы поступить на его месте Иоганн. Поэтому Гельмут и был главным, а Иоганн второстепенным, а Дитрих желал провалиться им обоим под землю. Таким образом, Дитрих самоисключался из иерархической нумерации и третьим назван быть не мог, хотя в действительности таковым являлся.

Целый день Иоганн дрессировал Жювеля. Когда тот смог наконец без запинки выговорить: «Итак, я та самая заблудшая овца, которая по диавольскому наущению моего хозяина, графа Сен-Поля, положила конец вознесению юного Мартина через порчу механики», Гельмут честно вручил ему монеты.

Он хотел сказать что-то ободряющее, но не нашелся. Дай Жювелю арбалет – выйдет отпетый бриган, дай глиняную птичку – сельский придурок, дай Сен-Поля – и получишь мертвого Сен-Поля.

7

– Послушай, Жювель, ты хотел бы убить своего хозяина? – спрашивает Гельмут без всякой задней мысли. Роковые кресты на тевтонских плащах, обжимая подконвойный серый балахон Жювеля, движутся по направлению ко дворцу.

– Ни к чему, – Жювель, насколько Гельмут научился понимать его, не врет.

У распахнутых дверей зала никого. Никаких алебардистов, меченосцев, пэров Круглого Стола, грифонов и дэвов.⁹⁴ «Вот она, Бургундия, – думает Дитрих, – страна без стражи. Приходи и бери. Приходишь и берешь. А она пожирает тебя, одевает в свои шальвары и пурпуэны, душит египетской амброй – два флорина понюшка – хлюпает своими женскими частями, а потом варит тебя в извести. Кости крадет».

8

Они вошли. Карл, наклоняясь к уху Обри, доверительно сообщил:

– Вот извольте полюбопытствовать, выписали немецких жонглеров. Сейчас изобразят.

Жювель откидывает капюшон. Сен-Поль с тревогой смотрит на Оливье.

Тевтоны входят в центр разомкнутого каре столов. Кто начнет первым – Филипп или Гельмут? Первый не понимает, кого с собой притащили тевтоны, второму душно после прогулки под свежими дижонскими звездами.

⁹³ *Парасит* – в Риме спутник и прихлебатель богатого человека.

⁹⁴ *Дэвы* – злые духи в иранской мифологии.

– Государь, – зычно начинает Гельмут, чтобы ничьи, даже самые далекие уши не пустовали, – дело столь спешное, а случай, не скрою, столь удобный, что мы отважились явиться сюда, явиться сейчас. Дело об убийстве Мартина фон Остхофен закрыто.

Умный Оливье, туго набитый Людовиковыми политическими директивами, с аппетитом скушет телячью ногу. Ах, не светить двум солнцам на небе, как не бывать бургундам королями! Вещий Филипп читает в лице Оливье как в простецкой книжке. Все, что он может сделать, – читать дальше. Там, между прочим, написано:

– Извольте продолжать.

И все. Проще, чем «кушать подано». Филипп сегодня на вторых ролях.

– Мартин фон Остхофен убит графом Сен-Полем. Обвинение располагает свидетелем.

Теперь в фокусе Жювель. Иоганн вполголоса подсказывает ему: «Итак, я та самая заблудшая овца...»

Жювель, согласно кивнув, говорит:

– Все так. По делу. Хозяин сказал: «Пили кругляк». А мне не разница, какая у него прихоть. Ну и по его дьявольскому наущению сгубил Мартина-янгела.

В дальнем конце зала – женский смех. Ее имел ангел. Такая мысль Лютеции в голову не приходила. Общественное настроение подымается. Все-таки нам будет весело.

Гельмут, заломив бровь, оборачивается на смех. У него все грамотно куплено. Не даром ведь он сегодня потратил на Лютецию два часа лучшего полуденного времени.

– Рад видеть среди прочих эту милую госпожу. Лютеция, скажите, вы узнаете нашего свидетеля?

Лютеция органична во всем, Лютеция вне политики. Если бы ее попросили узнать в Жювеле Тухлое Дупло святую Варвару, она, без сомнения, узнала бы в нем святую Варвару. Тем более, что Жювель, лишенный нечистотных наслоений, вполне недурен собой.

– Да, монсеньор. Именно через Жювеля я не раз и не два сносила с графом.

– Вы видели Жювеля на фаблио?

– Да, как и весь свет.

Спроси Гельмут, была ли Лютеция непосредственной свидетельницей порчи блока, ревновал ли ее Сен-Поль к Мартину и все такое подобное, она без оговорок ответила бы «да».

Гельмут не стал, однако, длить свой допрос. На то и драматургия, на то и искусство, чтобы разогретая публика не заскучала. Все уже готовы принять слова за факты, все верят старательному аранжировщику, а вера на то и вера, чтобы восполнять лакуны в логических цепях.

– Итак, государь, – Гельмут вновь обращается к Филиппу, – преступник обнаружен, уличен и явлен обществу. Просим предоставить графа Сен-Поля в наше распоряжение либо покарать его по бургундским законам в нашем присутствии.

Филипп украдкой смотрит на Оливье. Что там еще написано?

– Терпение, монсеньоры. Пусть скажет граф.

9

Сен-Поль – Рыцарь-в-Белом. Весь в белом и сам белый. Нет, он не трус. Он рыцарь. Он встает, он делает глубокий вдох, смотрит на Филиппа, на Карла, на Оливье. Немое кино.

«Ну? Что скажете-с?» – растворено в мировом эфире коллективное невысказанное.

– Что я скажу? – Сен-Поль сглотнул слюну, оперся руками о стол.

– В тот день, последний день фаблио, я шел через рощу близ холма Монтенуа и размышлял о делах, каких у меня, распорядителя, было хоть отбавляй. Я шествовал тропкой, кратчайшей, но безлюдной. Я увидел Мартина фон Остхофен, лежащего под деревом, и подумал, что он спит. Это было очень некстати – вскоре должен был состояться его выход в роли души

Роланда. Я подошел к нему, чтобы разбудить и пристыдить. Я увидел, что грудь его залита кровью – настоящей, алой, липкой. Представьте, он убится грифелем, который торчал в его груди, словно соломинка в коровьей лепешке. Лицо его казалось спокойным и не запечатлело ни телесных мучений, ни ужаса. Одет и причесан он был на свой лад, опрятно и фатовато. Ничто не намекало на борьбу. Это было самоубийство.

Шепот. Довольные, все снова набросились на еду. Это нервное. Частичное утоление голода одного рода вызывает к другому. Если проще, то жрут, когда очень интересно. Поэтому на турнир или казнь берут бутерброды, не говоря уже о попкорне.

– Я утверждаю, – продолжал Сен-Поль, Рыцарь-в-Белом, – что Мартин убил себя сам. Под его головой я обнаружил документ, который все объясняет, но о нем позже. Я был распорядителем на фаблио, я был вынужден скрыть его смерть. Некоторые причины этого очевидны, некоторые – нет. Я позвал своих людей, мы омыли кровь и нечистоты, переодели теплое тело в одеяния ангельские, Жювель действительно подписал блок, и тело Мартина сверзилось на копья. Он как бы погиб дважды.

Карл слушал. Слишком внимательно. «Я увидел», «я понял», «я сделал»... Он не верил Жювелю, тевтонские морды его злили. Он не верил в убийство или по крайней мере в то, что убийца Сен-Поль. Самоубийство – куда ни шло, оно пребывало в согласии с его видением происшедшего. В самом начале Карл был уверен, что смерть Мартина – несчастный случай. Слова Сен-Поля сути дела не изменяли, ведь и самоубийство – несчастный случай иного рода. Карл верил Сен-Полю, потому что не сомневался в его трусости, в мягкости его подбрюшья, слабости его поджилков. Тряпичник и зануда Сен-Поль – убийца? Нет, кто угодно, но не Сен-Поль.

Обри, воспользовавшись отстраненностью Карла, стал поедать свои трюфели. Карл и в самом деле игнорировал его, он скользил взглядом по складкам одежды Сен-Поля. Мертвый Мартин лежал в роще. Я скотина. Карл поправил волосы, упавшие на глаза. Я скотина.

Снова вступил Сен-Поль.

– Я сделал все, чтобы предотвратить скандал. Я пожертвовал троими из своей челяди. Их повесили привселюдно, вы помните. Я взял на себя всю ответственность за сохранение чести и доброй славы бургундского фаблио, потому что знал: Мартину уже не навредить, а вот нам мертвый Мартин мог бы навредить изрядно. Так и случилось.

Сен-Поль умолк, глотнул из кубка. Рыцарь-в-Белом облокотился о седельную луку, отдыхая в предвосхищении новой атаки. Вот чего от него не ожидал Карл, так это смирения, спокойствия и твердости. Надо же, Сен-Поль не такое говно, каким казался все это время.

– Скажите, граф, а что там за документ, который все объясняет?

Сен-Поль запрокинул голову, как будто вверху был не свод трапезной, не потолок с кудрявой росписью – цветы и птицы, драконы и их победители – а небо, где огненными буквами прописаны слова господнего одобрения.

– Я имею его при себе, – сказал Сен-Поль после минутного колебания. – Желающие могут удостовериться, что это не подделка, – Сен-Поль извлек кору из кошелька. – Рука Мартина фон Остхофен. Он пользовался тем же грифелем, которым и закололся. «Растленный Карлом, умираю во цвете лет», – вот что здесь написано. По-французски, каждый может видеть.

– Га-га-га, – заржал в кромешной тишине секретарь Оливье, пьяный в дупель крупный парижский жлоб.

Это было сигналом.

Пауза, занявшая свое законное место в хвосте монолога Сен-Поля, была прервана.

Это было сигналом.

Все зашептались, зачесались, загалдели, заерзали, засморкались. Брови Филиппа взлетели на лоб. Обри, рассеянная рассеянность, поставил локоть на стол. Оказалось, в тарелку. Только тут Карл осознал, что в послании Мартина речь идет о нем.

Сен-Поль продолжал. Он говорил, не повышая голоса, но все слышали.

– «Растленный Карлом» – вот он, ключ к смерти Мартина фон Остхофен, данный самим Марином. И всякий, кто был на том фаблио, мог видеть, что для такого заявления было достаточно оснований. Вернемся в тот день. Вот я обнаружил этот документ под головой Мартина. Что я должен был делать дальше? Позвать всех, показать его всем, всем объяснить, что имеется в виду? И это я должен был сделать, будучи преданным вассалом герцога Филиппа?

Сен-Поль разошелся. На его щеках заиграл румянец.

– Я что, должен был бежать к молодому графу и предъявлять ему этот документ? Может, я должен был рассказать, что нашел мертвого Мартина, умолчав о записке, чтобы меня подозревали в убийстве? Тем более, что мальчика угораздило сойтись накоротке с моей прежней подругой Лютецией и об этом кое-кто знал? Я скрыл все. Но тогда у меня, по крайней мере, была надежда, что благодаря моим усилиям это самоубийство канет в Лету. Другое дело, что эта надежда не оправдалась и Орден настоял на разбирательстве. Пускай оно будет. Но только искать нужно в другом месте. Будьте любезны, господа инквизиторы, расследовать перипетии отношений между вашим эстетным мальчиком и нашим пылким графом! Это честнее, чем лепить из меня резателя и ревнивца.

Гельмут и Иоганн обменялись взглядами. Конечно, это было бы честнее. Но оба чувствовали, что этот честный кус им не по зубам.

10

Карл огляделся. Луи нет, как не было. Очевидно же, что высматривать его глупо. Хотя здесь нет ничего очевидного – Дитриха, Гельмута, Иоганна и этого рахита здесь тоже быть не должно бы. Но они есть. Я что, трахнул вас этого Мартина? Растленный Карлом, умираю в расцвете же. Сен-Поль написал. Или Дитрих – одно из двух.

Карл встает. Он встает так: во-первых, приземляя двурогую вилку на стол, плашмя, рядом со своей тарелкой; во-вторых, с грохотом опрокидывая стул; в-третьих, прочищая горло троекратным прокашливанием; в-четвертых – ему по хрену Дитрих, Гельмут, Сен-Поль и весь этот фестиваль. Именно таким образом граф Шароле встает и говорит громко:

– Монсеньоры! Не один, а двое здесь обвиняют меня, графа Шароле, в совершенном ими же самими преступлении. Это несправедливо и, кстати, оскорбительно.

Карл обвел публику полупрозрачным взглядом и продолжал:

– Это оскорбительно, поскольку эти двое – наемный убийца Мартина Сен-Поль и бесчестный Дитрих фон Хелленталь, опекун Мартина и, соответственно, наниматель Сен-Поля...

Граф Шароле замолчал, не закончив свою мысль. Гнев заменял ему красноречие.

– Последний, – продолжал Карл невпопад, – был движим алчностью, ибо по смерти подопечного ему причиталась известная сумма, до которой он был охоч.

«Меч мне, – понижая голос, обратился он к Обри, замешкавшемуся с недоеденным трюфелем в зубах, – меч же мне».

Медленно выходя из оцепенения, Обри нащупал рукоять меча. Зачем он понадобился Карлу – собственному адвокату на импровизированном суде – Обри не догадывался, потому что не пытался. Меч покинул ножны. Карл взял его – теперь, о Боже, граф Шароле вооружен.

– Я не желаю смотреть, как эти двое, – меч указывает то на Сен-Поля, то на Дитриха, – порочат светлое имя меня, моего отца и всей Бургундии, и полагаю, что обоим должна постигнуть заслуженная кара.

Сказав так, Карл оперся о плечо Обри и взобрался на стол. Минус две тарелки. Первым будет Сен-Поль. Вторым будет Дитрих. Третьим будет Гельмут. Четвертым – Иоганн. Вот такая замечательная считалка. Считаем навывлет. На кого показал, тому отправляться вслед за Марином.

Трапезная умерла. Судьба закусилась удилами и понеслась на всех рысях. Граф Шароле – Рыцарь-в-Черном. На его стороне, как ни странно, правда. Он сильнее, безумнее, без руля и без ветрил.

– Едем дальше, – грохотал голос Карла. – Эти двое – не только убийцы и лжесвидетели. Им также достало дерзости разыграть здесь, в присутствии французских гостей, гнусный фарс. Пусть не бездарный. Своего рода тевтонское фавбу... Сначала Дитрих сговорился с Сен-Полем. Затем они обделали дельце. А когда запахло скандалом, решили сделать из меня суккуба,⁹⁵ растлителя, содомскую сволочь, которая свела в могилу замечательного германского отпрыска. Пока что им удается разыгрывать свою мерзкую пиэску как по нотам. Удастся потому, что никто до сих пор не положил конец этой лжи.

Карл сделал три гигантских шага и очутился перед Сен-Полем. Филипп смотрел на него исподлобья, в общем-то одобрительно. Карл подумал, что если он вот сейчас отправит графа в общество его славных предков, отец не будет сильно возражать. Всегда есть оправдание – мол, это был судебный поединок. Свои со своими.

Сен-Поль не на шутку перепугался. Сейчас ему отрежут голову. Отрежут мечом. Суд Божий свершится. Бог смотрит на всех свысока и видит сквозь стены. Только Сен-Поль уже не кажется, что Он смотрит на него покровительственно.

– Дайте сюда ваш документ, – потребовал Карл, улыбаясь зловеще-любезно, как пристало Рыцарю-в-Черном.

Сен-Поль протянул кору. Рука его, однако, не дрожала.

Бросив на кору беглый взгляд («Растленный Карлом...»), Карл переправил ее под нос Гельмуту.

– Вы считаете этот документ подлинным? Если да, то на каком основании? Если Вы не уверены, то на каком основании Сен-Поль считает себя вправе обвинять меня в содомии и делать это привселюдно? Вы не допускаете, что Дитрих и Сен-Поль могли быть в сговоре? Отвечайте же!

Карл рычал, Карл грохотал, Карл неистовствовал. Меч Обри – дрянной французский мечишко. Но в руках Карла он смертельно⁹⁶ тяжелеет. Если бы меч этот был не мечом, а, скажем, обыкновенной вилкой таких же размеров, то и она сияла бы в руках молодого графа Дюранда-лем. Здесь важна фигура героя, а не его оружие. Здесь важно само возмездие, а не то, как и чем. Фурии могут довольствоваться китайскими фонариками. Немезида страшна и с зубочисткой.

Гельмут осторожно взял кору, повертел, рассмотрел. Ответить на все вопросы Карла по порядку было невозможно. Он не запомнил и половины.

– Молчи по-любому, – услышал Гельмут предостережение Жювеля.

Карл не дождался ответа.

– Правосудие безмолвствует. Наше правосудие прямо сейчас... – заверил Карл Гельмута.

Карл выглядел рассеянным, но на деле лишь полностью забылся в бешенстве. Если бы Гельмут сказал хоть что-то, правосудие могло бы свершиться над ним в первую очередь. Устами Жювеля глаголил Водан.

⁹⁵ *Суккуб* – женщина, которая не является женщиной в строгом смысле слова, а есть лишь обличье женщины, которое принимает демон для совершения блудодеяния. В соответствии с «Молотом Ветм», суккуб движим не похотью, а корыстной целью изъятия семени мужчины, поддавшегося на гендерную провокацию. В пару суккубу средневековая демонология придает инкуба. Инкуб (от лат. *incubare*, прелюбодействовать) – мужчина, точнее, «видимость» или «кажимость» мужчины, порождаемая (или, если угодно, «наполненная») демоном. Злодеяния суккубов и инкубов относятся к сексуальной сфере. По этому поводу «Молот Ветм» сообщает весьма тонкие подробности: «Может случиться, что вместо суккуба семя принимается инкубом и им же передается женщине. Может случиться также, что демон, направленный в виде мужчины к женщине, принимает перед тем семя от другого демона, посланного тоже под личиной мужчины к мужчине. Но при этом демону придется особый помощник, потому что действие (сие) настолько скверно, что, будучи один, дьявол может отпрянуть».

⁹⁶ *Мортально* (от лат. *mortis*, смерть) – смертельно.

Не говоря и не медля больше, не глядя больше ни перед собой, ни на свою жертву, Карл одновременно с шагом вбок наносит удар безо всякого расчета. Без расчета, а так, наудачу, но Сен-Поль должен быть мертв наверняка.

Звон и искры, которые одни и достают графа. Меч Карла встречается с мечом Дитриха и, оскользнувшись о тысячу серег его прабабки, рубит стол, не Сен-Поля. Всеобщее восхищение тевтоном. Всяк, кто не дурак, видит: Дитрих и Сен-Поль в сговоре. Карл видит, остальным покажет.

Теперь короткая отмашка вправо. Из рассеченного Дитрихова чрева брызжет кровь. Всеобщее восхищение Карлом.

И, немного отступив назад, описав мечом вспыхнувший оранжевыми всплесками свечного пламени эллипсоид, Карл получает полную сатисфакцию.

Тело Дитриха, раздвоенное, пребывает в видимой целостности. Легкий тычок ноги – и, раскрывшись, как арбуз, Дитрих разваливается. Карл швыряет в кровь каракули Мартина.

«Вот и славно, – признался себе Гельмут, – разве только арфист был хороший».

Карл пресыщен мщением. И когда Оливье, отгораживая Сен-Поля какой-то бумажкой, говорит, что с сего дня граф находится в подданстве у французской короны, Карл, удовлетворенный, только и цедит: «Короны-вороны...»

– Возьмите, спасибо, – говорит он, возвращая Обри вытертый о скатерть меч.

11

Жювель подбросил дровишек, костер воспрял и содержимое котла вновь радостно забуллыло. Дитрих фон Хелленталь, покойный, ныне варимый, приподнялся над поверхностью, и часть его достойного бедра выглянула из кипящего масла.

– Не дело всплывать, – Жювель пошевелил в котле лопатой, и чресла тевтона вновь погрузились в котел.

– Варись, понял? – он прошелся вокруг, набрал дров, опять заправил огонь.

Костер отрыгнул искрами и дохнул дымным смрадом. Ноздри Жювеля вздрогнули под напором тлетворного тевтонского духа, и он сочно, с чувством чихнул. Запах, конечно, неприятный, но, подобно многому неприятному – притягательный. Готовые фрикадельки всплывают. Готовый фон Хелленталь не всплывает, не разлагается и более уже не воняет. Жювель говорит сам с собой.

– Там внизу что? Что здесь. Точно. Я что тот черт, делаю что он. Мешаю теперь лыцаря, хоть граф Сен-Поль чуть не снял мне шкуруяку. И снял бы, если б не господин Гельмут, тысячу лет жизни ему. Черт свидетель. Будь он, кстати, неладен, – Жювель трижды сплюнул через плечо и торопливо перекрестился.

Случайным слушателем Жювеля был глубокий фарфоровый горшок без рисунка, стыдливо стоявший поодаль, пока еще пустой. Предусмотрительные Гельмут и Иоганн, памятуя о конфузе, приключившемся с костями Мартина, забраковали серебряную тару как обладающую властью искушать нравственно недоразвитые души и решили, что кости Дитриха неплохо доедут до родного склепа и так.

– Господин Гельмут совсем другое дело, чем Сен-Поль, – бубнил Жювель, оперевшись на лопату.

Он, конечно, отправится в Алемандию⁹⁷ вместе с господином Гельмутом. Его презренной шкуруяке, которая, как ее не презирай, все-таки яранга души, будет определено покойней под сенью тевтонских хоругвей.

⁹⁷ Алемандия – Германия.

Глава 8

Замок Шиболет

1

В замке Шиболет дважды в день сменялась стража. Трижды звали в трапезную. Четырежды палили из пушки: в полдень, в полночь, на закате и на рассвете. Пять раз в день Изабелла раскладывала пасьянс. Карты сообщали однообразной курортной жизни дополнительное (четвертое) измерение. Арканы Таро мистически измеряли Изабеллу. И чем однообразнее становился рисунок на скатерти (ромашка, два лютика, ромашка), чем скучней было сидеть у окна, тем более значительные события маячили вдали. На них, куда-то за пределы замка, указывали остриями копий томные молодые мужчины (валеты треф и пик), туда стреляли глазами inferнальные прерафаэлитские дамы (пик и бубен), к ним обращал наверх державы бородатый пиночет (король бубен) и похорошевший фидель (король червей). Значительные, судьбоносные события пророчили десятки, тузы и множественные их комбинации. Оставалось только сбыться, случиться, произойти.

2

Изабелле было хорошо за двадцать. Ей всегда везло скрыть все, что требовалось, в том числе возраст. Она была в фаворе у Людовика. Ее находили привлекательной, а при мягком освещении даже красивой – умные глаза, подвижные, как две рыбки, выгодная античная грудь, к верхней губе намертво пристала родинка – гостья из мира париков и претенциозности. Шиболет не был местом ее заточения, как можно было бы подумать, памятуя графа Монте-Кристо, отнюдь. Он был удаленной беседкой для отдыха беременной, которой представлялась всем, кроме самой себя, Изабелла. Вдали от короля любовница короля сохраняла мнимый плод.

Изабелла была спокойна, как подсолнечное масло, хитра как раз в той степени, чтобы можно было побаловать себя бесхитростностью, строптива, богобоязненна и напроочь лишена честолюбивых заскоков. В Париже она была любима несколькими французами, уступившими ее своему королю.

Она нравилась Людовику тем, что не была скучна и знала чувство меры. Прояви Изабелла больше инициативы, она могла бы приобрести значительное влияние при дворе и впоследствии войти в феминистские анналы в качестве одного из выдающихся she-кукловодов французского двора. Тогда ее позднеготический портрет кисти Рогира ван дер Вейден поместили бы среди былин о Ливиях Августах и Нефертити, где ее биография, политая грушевым сиропом, предвосхищала бы сказ о маркизе де Помпадур («Знаменитые женщины», СПб., 1916). Если бы она была настойчивей! Людовик, сам того не ведая, исполнял бы ее прихоти и перенимал ее ненавязчивые предпочтения. Вскоре можно было бы наложить лапу на внешнюю политику и начать отказывать Людовику в основном инстинкте, чем и привязывать его к себе еще крепче. Но Изабелла была равнодушна к политике. Впрочем, отказывать Людовику она начала довольно скоро. Тот был даже немного рад – у него не получалось быть с Изабеллой ласковым настолько часто, насколько это соответствовало его представлениям о монаршей любвеобильности. Лекари не слишком помогали.

Первое время Изабелла признавала монополию Людовика на свое тело, поскольку тогда видела себя роялисткой. Так прошли семь месяцев, по истечении которых Изабелла обзавелась

любовником, затем еще одним, ибо сказано: «*Non progredi est regredi*».⁹⁸ А регрессировать, это как стареть – плохо. Второй любовник был лучше первого, которому выпала честь позабыться. Второго звали Анри, что объедалось губами Изабеллы до «Ри». Любопытно, но их никто не подозревал, настолько Анри был осторожен, бесцветен и тих. Точно хорек.

Эта связь была долгой. Три месяца – немалый срок. Нудный Людовик опротивел Изабелле до такой степени, что она стала мелочной и раздражительной, начала грубить и огрызаться без повода, а в постели поворачиваться к государю спиной, чтобы безмятежно вычерчивать вензель А.Ж. (Анри де Жу) на подушке во время любовных крещендо короля Франции и делать другие опасные вещи. Слава Богу, она была из тех, кто мог себе это позволить. Тем более что после того, как она изобрела свою беременность, все это списали на «странности» будущей матери бастарда.

Чтобы развеяться и «пожить по-нормальному» (одно из ее выражений), Изабелла удалилась от косых взглядов, которые ей осточертели, в пустующий замок Шиболет, типический аналог онегинской «деревни».

Шиболет располагался в глуши, в полезной близости от целебного источника, который между тем соседствовал с бургундской границей (правда, об этом никто почему-то не вспомнил). Людовик нехотя согласился и обещал навещать. С Изабеллой отправились сорок человек охраны, из них десять истых, но бездарных соглядатаев. Над всеми был поставлен капитан Анри де Жу – к нему, словно реки к морю, стекались все доносы.

Анри старательно, вдумчиво читал их, делал выводы, иногда смеялся и отсылал Людовику пузатые депеши, полные скрупулезнейших отчетов о том, чем, где и сколько минут занималась Изабелла. Педантичный Анри присовокуплял к ним свои комментарии (здесь – неточность, здесь – указано неверное время, здесь следует читать «очень долго спала», а не «спала подолгу»). Эти отчеты походили на дневник наблюдений за природой или, скорее, на анонимки параноика. Людовику даже начало казаться, что он уже *видит* все сам. Пришлось признать, что с разведкой он переборщил.

Через месяц комментарии Анри стали приводить Людовика в бешенство. Ему не приходило в голову, что кое о чем Анри умалчивает.

3

Изабелла тоже не забывала Людо. Хоть полстрочки, но ежедневно. Ей тошнит, ей хочется то того, то этого. У нее кружится голова. Кухарка плохо готовит, заменить кухарку. Капитан Анри – непроходимый невежа, с ним не о чем поговорить. Говорили они и вправду редко.

Третий месяц беременности вышел особенно тяжелым. Людо приезжал целых два раза. Капитан Анри упал с лестницы и сломал ногу, а потому вышел встречать государя, опираясь на палку. Правда, благодаря этому несчастью Изабелла выступила к Людо с неподдельно девственным выражением лица. Это впечатлило всех сопровождавших.

Двое слуг, крикнув, сняли с повозки огромный ларь с римской классикой, которую Изабелла желала читать *dans le texte*.⁹⁹ «Людо – мой Золотой Осел», – шепнула она Анри четыре дня спустя, когда до книг дошли руки. Кроме этого Людо привез в подарок двух персидских кенарей – Изабелла как-то обмолвилась, что без ума от певчих птиц. Птицы тосковали, но делали свое дело. Без усталости гадили, клевали листья салата и пели. Анри пришлось собственноручно свернуть им шеи.

Все это время Изабеллу заботило, как придется потом выпутываться. Потом, когда вслед за мнимой беременностью возникнет необходимость разрешиться мнимыми родами.

⁹⁸ Отсутствие прогресса есть регресс (*лат.*).

⁹⁹ в оригинале (*фр.*).

4

Карл придержал жеребца, остановился, съехал на обочину и окинул любящим взглядом свою ораву. Двести пятьдесят солдат Его Светлости герцога Бургундского Филиппа без особого воодушевления, но и без какого бы то ни было ропота влачили по лесной дороге, на которой местами еще проглядывало величие Рима. «Может, ее сам Цезарь строил... – меланхолически думал Карл, – или не строил...»

Мимо Карла прошел почтенный капитан Шато де ла Брийо, прошли лучники, прошло двадцать швейцарских горлопанов с двуручными мечами, проехали махонькая бомбарда и фальконет¹⁰⁰ – его пасторальная артиллерия. Фальконету имя было «Пастух», бомбарде – «Пастушка». Проезжающего Луи, который пребывал в арьергарде арьергарда с указаниями следить, чтобы никто не дернул в лес, Карл задержал. «Подожди».

– Ты знаешь, что мы здесь делаем? – спросил Карл.

– Нет, – живо соврал Луи.

– Это хорошо, что не знаешь. Миссия наша ведь очень секретная, – Карлу нравилось говорить так – «миссия», «секретная» – и так:

– Но ты должен знать на случай, если я паду, пронзен стрелой или сражен копьем.

– Едва ли, – сказал Луи, бросив беглый взгляд на волчицу, которая косилась на двух пестрых бургундов из-под огромного куста бузины. – С нами сама Дева Мария.

Шутки Луи не отличались разнообразием.

Карлу хотелось проговориться, выговориться уже неделю, но он терпел. Карл терпел, а на болтовню вокруг да около государственных тайн тянуло все больше. В отличие от Луи, которого от них тошнило с десяти лет, когда все тайны Савойского Дома раскрылись перед ним трепетной розой фаворитки тамошней герцогини. Но Карла уже было не остановить, и когда они, порядочно отстав от колонны, тронулись вслед за покачивающимся стволом фальконета, Карл, понизив голос, сообщил:

– Мы начинаем большую войну.

– Ага, – оживился Луи. – Поэтому мы взяли с собой прорву артиллерии и весь цвет бургундского рыцарства.

– Дурак, начать, – сказал Карл, оснащая каждое слово замысловатым смысловым ударением, – начать большую войну можно и с одним человеком. А продолжать будут все, никуда не денутся. Мы идем на замок Шиболет.

Луи удовлетворенно кивнул:

– Красивый. Так и надо.

– А в замке Шиболет, – продолжал Карл, не рискуя выказать свое недоумение по поводу замечания Луи, – нас интересует женщина.

– Ясно. А в женщине нас интересует что?

– В женщине нас интересует имя, – серьезно сказал Карл. – Потому что ее зовут Изабелла.

– Именем сыт не будешь, – протянул Луи.

Карл благодушно осклабился.

– Не будешь – не жри. Изабелла Нормандская, чтоб ты знал, поганец, фаворитка французского короля. Она сейчас там, беременная, а мы с отцом хотим видеть ее в Дижоне, как Людовик видит Сен-Поля в Париже.

– Потому что это уже верх наглости! – орет Филипп, описывая круги вокруг цветного квадрата, лежащего на полу по воле яркого солнца и нерушимых оптических законов. Насту-

¹⁰⁰ *Фальконет* (итал. *falconetto*, «соколик») – легкое артиллерийское орудие.

пать на него как-то неловко – в витраже он сам, молодой герцог Филипп, принимает Золотое Руно из рук архангела Гавриила. Карл сидит, подперев голову рукой, и терпеливо внемлет.

– Потому что выдернуть такого мерзавца, как Сен-Поль, прямо из-под нашего носа и прямо из-под твоего меча все равно как мне навалить кучу в трапезной Сен-Дени!¹⁰¹

Карл старательно прячет улыбку. У него все-таки славный папаша.

– Потому что всякий, да, всякий, кто бежит нашего гнева, должен понимать, что тем самым лишь продляет свои мучения в юдоли земных печалей! Людовик покрыл Сен-Поля. Хорошо. Тогда пусть простится со своей девкой! Пусть пользуется своего Сен-Поля, либо пусть меняется – графа на шлюху, ха!

Филипп молча описывает еще два круга и говорит уже совершенно спокойно:

– У тебя, я видел, отличный удар. Надо будет наградить твоего учителя фехтования, как ты думаешь?

– Да. Брийо, кстати, что ни день бредит Азенкуром. Вот, дескать, было времечко... Самая лучшая награда – отпустить его со мной в Шиболет.

– Так ведь он уже старый дедуган, – с сомнением тянет Филипп, аллегория младости.

– Отпусти, а? – только и говорит Карл. Он знает, что отцу, а равно и всем прочим, лучше не перечить. На отца, а равно и на всех прочих, лучше давить.

– Постой, – до Филиппа только сейчас доходит, о чем это Карл. – Что значит с тобой? Ты что, Парис? Тебе дома плохо сидится?! Да послать туда д'Эмбекура, и всех дел!

– Ты хочешь поговорить об этом с матерью? – в глазах Карла, потемневших с недавних пор, Филипп видит о дерзость Нимрода,¹⁰² о ярость Саула,¹⁰³ о славу Соломона, о тоску по ослиной челюсти.

– И вроде бы я благочестив, – бормочет Филипп, – и жена моя ох как благочестива... А сын наш – исчадие Тервагана,¹⁰⁴ – завершает он, довольный как формой своей риторики, так и ее наполнением. Слышать это из собственных уст ему очень лестно. – Кстати, не было никого лучше тебя на фаблио.

– И все-таки, мы с Брийо пойдем на Шиболет?

– Я же сказал «да», – кивает Филипп, хотя никакого «да» он раньше не говорил. – Я лично подберу тебе солдат.

Карл не против, Карл прощается. Это уже Луи не очень интересно – как там знатные бары говорят друг другу «до свидания».

– Но король, конечно, откажется от меня, – поясняет ему Карл. – И тогда начнется большая война. Поэтому я и говорю, что мы едем начинать большую войну.

Если бы Луи не был столь ленив и столь умен, он смог бы утереть нос любому Макиавелли. Но «Государь» подписан «Никколо Макиавелли», а не «Луи, пес», и поэтому мир лишен многих и многих радостей.

5

Тот день запомнился всем, как запоминается каждому необъятная страница из Беррийского Месяцеслова, озаглавленная пылким «Июль».

¹⁰¹ *Сен-Дени* – 1) святой Денис (Дионисий), патрон Франции; 2) одно из старейших французских аббатств.

¹⁰² *Нимрод* – персонаж библейской мифологии, дерзнувший состязаться с Богом.

¹⁰³ *Саул* – первый царь израильско-иудейского государства. Из-за своей неумеренной гневливости Саул едва не убил собственного сына, Ионафана, начал преследования Давида, чья слава вызывала в нем жгучую зависть, пошел на расправу со священниками из Номвы, приютившими Давида, и на прочие преступления.

¹⁰⁴ «А сын наш – исчадие Тервагана» – см. ком. к «Аполлен, Терваган, Магомет». Здесь может пониматься как зловещий намек на ворожбу, исходящую из языческой, «сарацинской» Гранады, которая привела к зачатию Карла.

Двое монахов-бенедиктинцев с ангельскими глазами колотили в ворота замка Шиболет. Один из них заунывно заклинал стражу именем Господним, а другой угрюмо молчал, колотя в дубовые доски ворот *summis desiderantes*.¹⁰⁵

Замок молчал. Наконец в бойнице надвратной башни появилась тучная кухарка с лоханью. Понимающая ухмылка, привычное движение двух кирпично-красных рук – и отменная свинья жрача обрушилась на нищенствующих проходимцев.

Карл и Луи отскочили от ворот, оставив фальшивые аватары¹⁰⁶ монахов на усмотрение историков будущей Священной Бургундской империи. Загаженные сутаны полетели в свежую помойную лужу. Кухарка восхищенно наблюдала как двое попрошаек превратились в прекрасных принцев. Солнце, отражаясь в стальных наплечниках, золотило их пышные кудри, дохлый барашек на груди того, что пониже, был и без того золотым.

Луи свирепо свистнул в два пальца, Карл сделал невидимым артиллеристам приглашительный знак в направлении ворот. Милости просим.

Густые кусты, в которых кухарку третьего дня поваливал мавританин Тибо, денщик капитана Анри, разродились громом и молнией. Восьмифунтовое ядро фальконета пробило ворота, сорвало запор и убило гуся, который был назначен сегодня к обеду. Облачко перьев отразилось в облаке дыма, поднявшемся над кустами, и прежде чем оно рассеялось Карл и Луи развели ворота, открывая дорогу ревущей ватаге солдат. Наш герцог еще в бытность графом был либеральнее самого короля.

6

Капитан Анри дрожащими руками подвязывал отваливающийся гульф. Изабелла глядела на него без испуга, без волнения, без ничего. В тот момент она была Буддой.

Анри взялся было за перевязь к ножнам, но тотчас же отшвырнул ее прочь. В его руках остался только обнаженный меч – больше ему ничего не понадобится. Строй его мыслей украсил бы любого Патрокла. Идти, проливать кровь, защищать свою лилию, пасть героем.

Пасть героя исторгла историческое «Мерзавцы получают свое», и Анри, сильно прихрамывая, покинул опочивальню. А что делать ей, Изабелле, в разгар июльского дня, когда бургундский фальконет гвоздит по ветхой угловой башне, а бомбарда только что проломила крышу и горячее ядро, разметав самые свежие пророчества Таро, жжет незатертый ворс ковра под столом?

Изабелла поднялась с постели и принялась подбирать карты. От шершавого каменного ядра исходило приятное тепло, и сладковатый запах жженой шерсти она тоже сочла приятным.

7

Гарнизон замка, пожалуй, охотно сдался бы, предложи ему бургунды сдачу. Но никто этого не сделал, и оттого французы рубились отчаянно. Внутренний двор, стены и башни замка были наводнены звоном, воплями, смертью.

Карла первый раз в жизни охватил животный ужас. Белый, с отвисшей челюстью, он вжался всем телом в подножие донжона¹⁰⁷ и проклинал свою идиотскую самонадеянность. Отец был прав, надо было послать д'Эмбекура. Пусть бы он и уссыкался здесь под французскими стрелами.

¹⁰⁵ С величайшим рвением (*лат.*). Название знаменитой папской буллы против еретиков.

¹⁰⁶ *Аватара* — «нисхождение»; в индуистской мифологии нисхождение божества на землю, его воплощение в смертное существо ради спасения мира, восстановления закона и добродетели.

¹⁰⁷ *Донжон* — то же, что и алькасар (см.).

На Карла вышел смуглый бородач, определенно ублюдок какого-нибудь Абенсерраха. Кривой меч, густо заляпанный швейцарскими мозгами, рушился из-под солнца на беззащитное темя графа Шароле. Карл отскочил в сторону – дамасская сталь выбила из кирпичной кладки колючую крошку – и с неожиданной для самого себя легкостью обрубил нечестивую руку у самой кисти. Кривой меч вместе с намертво впившейся в него ладонью упал на землю. Есть и такие гербы у некоторых дураков.

Мавританина добил Луи – на то он и слуга, – и страх перед бураном лезвий навсегда покинул графа Шароле.

8

Капитану Анри не мешала его хромота. Он уже зарубил четверых и теперь в одиночку держал небольшую площадку, которой оканчивалась лестница – черный ход в покои Изабеллы.

Площадка отлично просматривалась со двора. Карл, не замечая, что его правая нога попирает чью-то раскроенную голову, пристально наблюдал, как Анри ловко уходит от огромных швейцарских мечей. Такими ножиками в три удара можно разделать быка, но Анри жил среди них уже довольно долго и, похоже, собирался жить до вечера.

В остальном гарнизон замка Шиболет был мертв, включая кухарку с кирпично-красными руками богини образцового быта.

Карл начинал злиться. Изабеллы нет как не было, большинство солдат разбрелось шарить по кастрюлям и погребам, делать, в общем-то, больше нечего. Ночью обязательно пойдет дождь.

Анри де Жу в очередной раз вытянулся в глубоком выпаде, и с площадки полетел вниз еще один швейцарский верзила.

Рядом с Карлом уже давно переминался в сомнении капитан Шато де ла Брийо. С одной стороны, его годы представляют вполне благовидный предлог к бездействию. С другой – он был и остается лучшим фехтовальщиком Бургундии, а подобное реноме требует постоянных подтверждений. Опять же – и в этом Шато де ла Брийо был как никогда честен перед собой – опять же его вареный конь. Сейчас ореол загадочного и беспощадного убийцы сияет ярко и притягательно, и на разные мелкие мелочи дамы готовы закрывать глаза, лишь бы прикоснуться к Той Самой Руке, Которая, лишь бы услышать из уст Первого Клинка Бургундии благодарственное «Пшла вон». Но без указанного ореола не нагнешь даже какую-нибудь Франсуазу. О продажной любви мессир Шато де ла Брийо не мог и помыслить, ибо был рыцарем до мозга костей.

– Покажите хоть вы себя, дорогой Брийо, – бросил Карл, кивнув в сторону лестницы, прилепившейся к серой стене.

Капитан был раздосадован. Личное геройство, на которое он почти уже решился, после слов Карла превратилось в обычное исполнение сюзеренской прихоти.

Брийо оставалось только сдержанно кивнуть. Карл с детским любопытством смотрел, как престарелый капитан подходит к лестнице, отзывает швейцарцев, подымается по ступеням. Анри, тяжело дыша, опустил меч и радовался минутной передышке. Брийо предложил ему почетный плен. Анри очень хотелось согласиться, но он, поблагодарив, отказался. Брийо пожал плечами. Несколько раз звякнули клинки. Анри подвернул стопу. Он упал на колено – удар Брийо поразил пустоту. Анри, не поднимаясь, отмахнулся, и Брийо, вскрикнув от боли в перерубленной икре, глупо раскинул руки. Он упал на спину, ударился затылком о ступени и больше не двигался.

Анри, придерживаясь руками о стену, поднялся.

– Да застрелите же его наконец! – испытывая сильную неловкость, приказал Карл кучке арбалетчиков, перепачканных жиром. Они ели длинную свиную колбасу.

9

– Карл, граф Шароле.

На стуле, придвинутом к окну, сидела женщина. Она была одета в дорожное платье, восемь заколок и массивный серебряный обруч удерживали ее прическу. В ней не было ничего от Рапунцель.¹⁰⁸

– С настоящего момента вы являетесь пленницей Бургундского Дома. Почетной, разумеется.

Неумелое подобие умелой политической улыбки исказило красивые губы Карла.

Изабелла не оборачивалась. Улыбка завяла и канула в Лету.

– Мы должны идти. В противном случае я убью вас.

Карлу было все равно, что говорить. Немыслимым казалось только молчание.

– И вы не боитесь Людо? – спросила вдруг Изабелла, вставая и продолжая глядеть в окно.

– Людо даже вы не боитесь, – ввернул Карл первое, что легло на язык.

Изабелла обернулась и посмотрела на графа Шароле.

10

Они вышли. Когда переступали через тело Анри, арбалетный каро, торчавший из груди капитана эфиопским украшением, зацепил платье Изабеллы. Карл едва успел поймать за талию теплый силуэт, падающий через пролом в перилах навстречу истоптанной темной земле. Изабелла – не вскрикнув, молча – вернулась к вертикали и одернула платье. Так, оглянувшись вполоборота, нетерпеливо дергают за поводок замечтавшуюся собаку. Клочок фландрского сукна остался трепетать на обломке каро. Поджидающий хозяина внизу Луи бестрепетно, лениво лизнул взглядом ноги Изабеллы.

Назад двинулись налегке. Пастух и пастушка, фальконет и бомбарда, были сняты с лафетов и утоплены в замковом колодце, чтобы не затруднять отряд в поспешном отступлении. Убитых сложили вповалку на первом ярусе донжона и подожгли вместе со всем остальным под невнятное бормотание глухого швейцарца – у него одного сыскался захватанный требник. С собой забрали только Шато де ла Брийю. Его мощам Карл уступил своего жеребца. Изабелле предоставил лошадь Луи.

Граф Шароле быстро шагал впереди всех. Стемнело. Дождя, как и следовало ожидать, не было.

«Парис-не-Парис... Елена-не-Елена... – Карл засыпал на ходу. – Интересно, я люблю женщин?»

11

Достигнув границы бургундских владений, в первой же деревне конфисковали вместительную фуру, чтобы Их Недокоролевское Величество Изабелла могли скрасить лишения плена относительным комфортом варварского экипажа. А во второй деревне до Карла дотянулась длинная рука бургундской почтовой службы.

«Сынок! Ты был краток, как нескучный разговор. Увы. И все равно многие новости мне известны. Я знаю, например, что твой *chico* мертв – это, пожалуй, самое важное. А следом идет

¹⁰⁸ *Рапунцель* — долгогривая красавица из сказки братьев Грим «Рапунцель», которая была заточена в высокой башне без входа. «Рапунцель-Рапунцель, спусти свои косынки вниз!» – звала ведьма, и когда Рапунцель, стелая и плача, повиновалась, та взбиралась к ней по ее косам.

остальное. Я знаю также, что он убит, причем не Сен-Подем. Ты был бы последним *cobarde* (трусом), если бы сам написал мне об этом. Я восхищаюсь тобой. Поясню: написать о юном отпрыске семейства Остхофен собственной рукой значило бы для тебя отстраниться, спрятаться в тени, проявив трусость. Но ради того, чтобы лишний раз похвалить тебя, мне недосуг марать бумагу. Я о другом. «Если можешь, мой милый мальчик, – женись», – говорит твоя мама, стиснув зубы. Кстати, тетя Анна, моя сестра, супруга португальского монарха, того же мнения: только так можно пресечь слухи, которые даже слухами не назовешь. Женись на ком попало. Это все равно. Даже если станешь выбирать три года – результат будет тот же. Сожалею вместе с тобой. *Adios!*»

М-да, все равно... Карл еще раз пробежал глазами по строкам письма маман. Тоже, кстати сказать, Изабеллы, но только Португальской. Особенно выразительно про «слухи, которые даже слухами не назовешь». Пожалуй, этот немецкий *chico* из Меца был бы доволен, если бы узнал. Женись!

Карл натянул поводья и остановился, дожидаясь, когда окошко фуры с драгоценной птичкой с ним поравняется. Вот оно – личико беременной шлюхи.

– *Mademoiselle*, пойдете ли вы за меня? – издевательским шепотом спрашивает Карл.

Возница останавливает двух каурых лошадок.

Изабелла не отвечает. Вопрос непонятный. Слишком понятный, чтобы быть понятым. Карл смеется. Жениться, даже не переспав. Вот это номер! Никто не покупает жеребца, не сделав на нем хотя бы пол-лиги галопом. А с женитьбой – это как бы нормально. Женись, а уж потом поглядишь, какова она в галопе. Вот что казалось Карлу смешным. С Мартином было бы иначе. Стоп.

Две шпоры грызнули покорную конину. Возница в свою очередь хлестнул каурых лошадок. Карл передал испанское письмо Луи и еще раз украдкой взглянул на фуру. Выводов было два. Если Людовик не согласится обменять свою нюрочку на нюрочку Сен-Поля, придется на ней жениться. И второй: если в Сантьяго-де-Компостела вкупе с португальским королевским домом размышляют над тем, как спасти честное имя Бургундского Дома и прилаживают тряпичные розы к могильному кресту павшего за любовь немецкого мученика Мартина фон Остхофен, страстотерпца, значит, жениться на Изабелле просто необходимо.

12

Необъезженная лошадка была Карлу не нужна.

Изабелла уже спала, когда к ней ввалился молодой граф. Карл волновался. Обстоятельства стеклись, словно вино из опрокинутого кубка, к краю стола, к краю. Они стеклись так, что Изабелла теперь занимала ту самую комнату, где недавно обитал не кто-нибудь, а Мартин. Выходило, что это единственные свободные апартаменты из приличных – никто из гостей не хотел жить в комнате убитого. Люлю, новообретенной служанке Изабеллы, досталась комната, где в прощальном дребезжании поймавшихся в паутину мух можно было узнать отзвуки арфы Дитриха. Под потолком было много паутины, которую эстетически дополняли неприглядные разводы на самом потолке. Здесь тоже было свободно. По той же причине – никто не хотел жить в комнате убитого.

Карл отпер дверь своим ключом. Первым бросилось в глаза окно, которое даже безлунной ночью выделяется светлым, разрезанным начетверо прямоугольником. Окно было закрыто, но кисея балдахина все равно дышала. Новомодная вентиляция? Аэро-намек на каптерку соглядаемая, в которой окно как раз открыто (все-таки июль)? Второе.

Балдахин расшит звездами, кометами и щекастыми пучеглазыми уродцами, занятыми испусканием космического ветра.

Интересно, когда Мартин был жив, балдахин был этот же самый? – не успел спросить себя Карл, как рассудок тут же ухватился за воспоминание.

Пятилетний мальчик (Карл) подсунил стальной шарик с колючками (экстракт боевого бича) под седло Софонисбы Нумидийской – любимой кобылы маман. Это было как раз перед очередным отбытием герцогини в ненавистную Испанию, где даже муравьи исповедуют католичество. Тогда Карл отсиживался здесь – да-да, точно здесь – пока родители и слуги повсюду его разыскивали. Герцог Филипп мечтал сыпать наследнику по первое число.

Наивный Карл рассчитывал, что колючка больно поранит Софонисбе спину и ее станут лечить, благодаря чему мать задержится с ним еще на несколько дней. Вместо этого лошадь, в круп которой впился стальной репях (как называл это Карл), впрессованный туда мраморным задом герцогини, понесла. Софонисба Нумидийская наверняка сбросила бы наездницу, если бы не подоспевшие слуги. Они кинулись на спятившую скотину с таким воодушевлением, словно были уверены, что можно разом исцелиться от всех недугов, единожды ее коснувшись.

Все, к счастью, обошлось. Но Карл не ушел от расплаты. Его нашли и знатно (для графа – знатно) отодрали. Никаких последствий эта шалость не имела. В тот раз Карл даже скучал по матери меньше, чем всегда. Но в эту комнату он больше не заходил. И вот же, зашел.

13

Карл влез на кровать. Сдернул с Изабеллы покрывало – тоже со звездами и космическими ветрами. У нее даже ночью волосы собраны в прическу. Нательный крест. Крепкий запах тела, закамуфлированный жасмином. То было время, когда Карлу очень нравилось казаться себе бессовестным и циничным. С деликатностью медвежатника он развел ноги Изабеллы и без стука вошел. Так матерый мародер входит в уготованный огню город – вперед, еще раз вперед, и побыстрее. Но экстагическая радость триумфа очень скоро, слишком скоро свалилась со своего крюка, как свиной окорок на пол мясницкой лавки. Шлепнулась, выставив зрителям свой самый неприглядный бок, брызги полетели по стенам, и сразу стало неинтересно. Карлу ничего не оставалось, как закрыть глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.